

ГРАНИ

GRANI

161

1991

Verlagsort: Frankfurt/M., Juli-September

“ГРАНИ”

Ежеквартальный журнал литературы искусства, науки и общественно-политической жизни. Проза, поэзия, очерки современности, философия, публицистика, литературная критика и пр.

Журнал считает своим долгом способствовать развитию свободной мысли, свободного слова, свободного творчества; способствовать публикации произведений, которые не могут быть изданы на родине из-за цензурных или политических ограничений. Из широко известных авторов в “Гранях” были опубликованы произведения:

А. Ахматовой, Л. Бородина, М. Булгакова,
И. Бунина, Г. Владимова, В. Войновича,
З. Гиппиус, В. Гроссмана, Ю. Домбровского,
Н. Заболоцкого, Б. Зайцева, Е. Замятина,
Н. Коржавина, В. Корнилова, А. Куприна,
С. Левицкого, Н. Лосского, В. Максимова,
О. Мандельштама, В. Набокова, В. Некрасова,
Б. Окуджавы, Б. Пастернака, К. Паустовского,
А. Платонова, Г. Подъяпольского, Р. Редлиха,
А. Ремизова, Ф. Светова, А. Солженицына,
В. Солоухина, М. Цветаевой, И. Шмелева,
В. Шульгина...

Журнал основан в 1946 году
Основатель журнала Е. Р. Романов

Редактировали:

1946 Е. Р. Романов, С. С. Максимов, Б. В. Серафимов

1947-1952 Е. Р. Романов

1952-1955 Л. Д. Ржевский

1955-1961 Е. Р. Романов

1962-1982 Н. Б. Тарасова

1982-1983 Р. Н. Редлих, Н. Рутыч

1984-1986 Г. Н. Владимов

Главный редактор
Е. А. Самсонова-Брейтбарт

Г Р А Н И

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА, НАУКИ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Год XLVI

№ 161

1991

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Петр ПАЛАМАРЧУК. Векопись <i>Роман</i>	5
Евгений БЕРЛИН. Прощаться... Прощаться... <i>Стихи</i>	99
<i>Стихи</i>	
Марк МАТСОВ. Дом на Триумфальной. Лестница воспоминаний. <i>Два рассказа</i>	107
Валерий СЕНДЕРОВ. "В этом времени стихам не место"	130
Виталий ПУХАНОВ, Владимир ЕРЕМЕНКО, Федор ВАСИЛЬЕВ, Людмила ЛИНЬКОВА, Игорь МЕЛАМЕД, Георгий СУДОВЦЕВ	
<i>Стихи (сост. В. Пуханов)</i>	133

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Елена ГЕССЕН. Вокруг Маканина	144
-------------------------------	-----

ДНЕВНИКИ. ВОСПОМИНАНИЯ. ДОКУМЕНТЫ

Красный террор в годы гражданской войны (Публ. и предисловие Юрия ФЕЛЬШТИНСКОГО)	160
---	-----

К 50-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ВОЙНЫ

Михаил НАЗАРОВ. Эмиграция и война. (Главы из книги) 211

ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОСТИ

Александр КОЛПАКОВ. В ожидании чуда? 244

ПУБЛИЦИСТИКА

Роман РЕДЛИХ. Этюд дилетанта об экологии 272

ПУТЬ К БУДУЩЕЙ РОССИИ

Александр ШТРОМАС. Приватизация 290

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

**Беспокойство души
(В. А. Оболенский. Моя жизнь. Мои современники) 313**

**Все-таки рукописи не горят
(И. И. Шитц. Дневник "великого перелома") 314**

**Последний генсек?
(М. Геллер. Седьмой секретарь) 317**

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ 319

Обложка работы художника Н. Мишаткина

Петр ПАЛАМАРЧУК

Векописьь

Роман

От редакции

Петр Паламарчук написал веселый, по внешней форме даже шутовской роман*, повествующий о вещах серьезных и вовсе не шуточных. Но... очень крупно-форматный для журнала нашей периодичности – 4 раза в год. Печатать же роман с пометкой в конце каждой части *"Продолжение в следующем номере"* представляется нам неразумным хотя бы потому, что портит художественную ткань романа. И всё же отказаться вообще от него у редакции не было никаких сил. В романе ясно прослеживаются три сюжетные линии: история самого собора, восстановление евангельских надписей по круговой росписи и жития-байки современных грешников, населяющих бывшие кельи. Тогда мы не стали выбирать один "кусоч" из романа, в котором бы все три линии присутствовали, а последовали круговой, карусельной конструкции повествования и из этих переплетающихся по кругу нескольких ниточек, через всё повествование пошли по одной – история города и собора. От сегодняшнего дня тянется эта ниточка в глубь времени, чтобы, дотянувшись до первых камней закладки, вновь вернуться, уже другой дорогой, в наше время.

* Полное авторское название романа: Векописьь Софийского собора Кременца-на-Славе за тысячу лет. Составленная последним его обитателем Разумником Васильевичем Сельнокриновым. Сообщил Петр Паламарчук. Москва, 1989

...В лето 6537. Мирно бысть...

Повесть Временных Лет

О ПЛЕВЕЛАХ

Нынешним годом на Пасху, в самый теплый марто-апрельский полдень на квартире номер один дома-коммуны в Ащеуловом переулке, что на Теряевой слободе, в отсутствие единственного хозяина – писца актов гражданского состояния Разумника Сельнокринова – двое рабочих латали на живую нитку постоянно искрящий и закорачивающий всю проводку шнур. При сем хлопотливом и почти безнадежном занятии, метко окрещенном в обиходе "хи-мероприятием", им пришлось вскрыть посреди пола паркетную плашку, и тут оба лоботряса на миг застыли в окостенении, дико уперевшись глазами друг во друга, а затем, не поворачиваясь, покрабьи бочком отступили ко входной двери и заперли ее для верности на два оборота ключа.

Потом тем же боковым макаром вернулись к дыре, тоскливо помышляя про себя, что никак тут не избежать пополамной делёжки, и, нежно сопя, встали в моленное положение над увесистой чугуновой шкатулкою с могучими литыми литерами "ВОДОВОЗОВЪ И СЫНОВЬЯ 1888".

Бережно смахнувши натруженными перстами ничуть, впрочем, не мешавшую делу паутину с пылью, они дружно потянули клад на свет Божий сперва самым вежливым, а потом побудительным даже до требовательности образом – ан не тут-то было. Коробка с ее усладительным содержимым стояла где была как приваренная – или точнее привернутая, потому что при ближайшем рассмот-

рении в углах рамки, заключающей гордую вывеску водовозовского дела, явственно проступили крепко стоящие на страже заповедного добра четыре упитанных ржавых болта.

Мыча в нетерпении что-то неопределенно-матерное, тайные открыватели в четыре же руки, срывая канавки резьбы и крутя что было сил, вывинтили их долой при помощи одной отвертки и еще стамески. А как только вынут был из векового гнезда последний черенок, – всё здание сотряс ужасающий грохот, и прямо на головы отважным полокопам посыпалась слоями недобросовестно наляпанная штукатурка: это внизу, в ресторане "Русь", занимавшем просторный зал бывшего Никольского придела, обрушилось четверть века служившее люстрой старинное паникадило.

И ни горе-миллионщики, ни прибежавший вскоре тащить их в участок на другую сторону переулкa для составления протокола управдом так и не удосужились взглянуть прямо перед собою, где отвалившаяся разом на пространстве в размах человеческих рук белая замазка открыла куски нескольких ликов в золотом сияющем окружении, а посреди, в обрамлении более пышном – но чем-то родовым схожем с помещенным на крепежной скобе паникадила – явственно показалась надпись. Разбирать ее по складам из-за потертости и худого знания славянской азбуки пришлось уже явившемуся наконец на готовый разор хозяину. Так он, водя указательным пальцем по холодной стене и помогая всем ртом произносить не вовсе внятные знаки, вычитал следующее поучение:

"Уподобися Царствие Небесное человеку, сеявшему доброе семя на селе своем. Спящим же человеком, прииде враг его и всея плевелы посреде пшеницы и отыде. Егда же прозябе трава и плод сотвори, тогда явишася и плевелы. Пришедше же

раби господина, реша ему: господи, не доброе ли семя сеял еси на селе твоём – откуда убо имать плевелы? Он же рече им: враг человек сие сотвори. Раби же реша ему: хочещи ли убо, да, шедше, исплевем я? Он же рече им: ни, да не когда, востогаяще плевелы, восторгнете купно с ними и пшеницу. Оставьте расти обое купно до жатвы, и во время жатвы реку жателем: соберите первее плевелы и свяжите их в снопы, яко сожещи я; а пшеницу соберите в житницу мою”.

СНОХОЖДЕНИЕ Сознание владельца первой кельи коммуны Разумника Васильевича, растревоженное случившимся разгромом и неясно-торжественным заклинанием, висевшим у него, как выяснилось нечаянно, над самой головою не один десяток лет наподобие приворотного заговора, вшитого тайком под подкладку дома, весь день до позднего вечера пребывало в состоянии некоего бесхмельного восторга. Начерно восстановивши порядок, он направился тогда развеять сотрясенную ничуть не менее здания скромную свою душу к каменистому обрыву по-над рекою Славой, в полусотне шагов от Теряевой слободы делавшей плавный крюк вроде кольца и, почти доведя его до завершения, неожиданно то ли отказавшись, то ли не сумев одолеть последнюю перемышку, круто сворачивавшей и уносившейся между стосаженных кремнисто-слоистых берегов вдаль.

Посидев у источника, чудом выбившегося на самой верхотуре подле извлеченного не так давно неуёмной охранительной страстью с речного дна и взгроможденного поверх кручи древнего ”Борисова камня” – которым некогда застолбил за собою кременецкие земли один из подвижных боевитых рю-

риковичей, – Разумник проводил солнце на запад, постепенно отошел от треволнений и, убегая от подымавшейся снизу волны сырости, тронулся потихоньку обратно.

В обжитом соборе, как он с неудовольствием должен был обнаружить, дневное происшествие напроць вырубилло освещение. Чертыхаясь и щупая стены заступившими должность глаз подушечками перстов, такие прежде в сплошном свете, казалось бы, родные-знакомые и вдруг сделавшиеся вовсе чужими, неизвестными, – он взгромоздился по винтовой лестнице на верхнюю площадку и двинулся к своей крайней каморке. До нее следовало миновать девятнадцать других, и вот в этом потёмочном пересчете немолодой письмоводитель, видать – или, точнее, не видя, – сделал какую-то оплошку, потому что вместо своей двадцатой с одного конца и первой от начала двери наткнулся на никогда тут ранее не бывавшее зеркало.

Ошарашенно вперив в него свой пораженный взор, Сельнокринов застыл и с нелюбовным вниманием, отключась от непосредственной цели движения, стал в лившемся сверху сквозь чердачную щель густом лунном свете разглядывать в подробности свое изрядно траченное пятьюдесятью годами земного бытия обличье.

Закончив общий обзор с оценкою "удовлетворительно и минусом", он, однако, не успел даже вздохнуть – как ошалевшее отражение резко дернулось навстречу и вмазалось что было силы лицом в лицо. Раздался обоюдоострый пронзительный вскрик, сдавленный отсутствием воздуха в пространстве между обнявшимися фигурой и тенью, и обе повалились на колени, крепко сцепившись за плечи руками.

Далеко перескочив за мыслимый край страха и отпущенной человеку пугливости, Разумник обна-

ружил внутри неожиданно спокойное хладнокровие, оттеняемое лишь могучими размеренными толчками пробивавшейся от груди к голове крови. Он помог сильно ушибшемуся отражению подняться вновь в достойное стоячее положение и, не задумываясь, ввел внутрь комнаты – явственно не своей, а, как он досообразил уже вскоре, нежилой соседней под номером "2", где хранились какие-то полузабытые папки городского архива старозаветных времен – ведь некогда Кременец-Славянский действительно был городом достославным, служил столицей губернии, а затем и области; но всё то давно уж минуло да кануло.

А тень его оказалась вполне плотским существом по имени Платон Любимович Бенескриптов, который числился хранителем этого пропащего добра, вернее заместителем заведующего, ибо сей за ненадобностью ушел в нети, так что наш своеземный Платон, присланный в начале года разобрать и списать долой большинство не внушающей потребности ветхоты в макулатуру, сам именовал себя на полугреческий лад "архизав" или, чаще – "архизам".

Притворивши дверную створку, тот тяжело упал в подсунувшееся как-то само собою кресло, держа за сердце и грозно поводя кругом выкаченными, налившимися лунным серебром очами. Затем зашарил зрячими руками по полкам, извлек початую фляжку коньяку, отхлебнул сам и передал своему прообразу.

Сельнокринов не отперся от предложенного угощения и выжидательно молчал, мало что ведая о далеком соседе – собственная каморка того помещалась как раз зеркально по другую сторону, на противоположной галерейке, и, хотя он на самом деле иногда до разительности напоминал внешне Разумника Васильевича, ни сам Сельнокринов, ни

другой кто с этим отличавшимся явственным "прибабахом" новожилом особенной дружбы не вел, опасаясь всевозможных непредвиденностей.

Впрочем, теперь, когда наиболее шустрая и напористая часть населения Теряевой коммуналки пробилась в свежевыросшие за рекою девятиэтажки, оставя на окольцованном рекою бывшем соборном полуострове чистых неудачников по житейской части, всё вековавшее в крытом куполом переулке стало напоминать некий нарочный музей уходящих чудаков, и сейчас уже не виделось особого смысла одному из них чураться другого, следуя лукавой поговорке про "уважай чужой маразм".

- Прости Бога ради, - шумно выдохнул Платон.
- Не серчай, Разумник.

- Да ладно... А что это ты?

- Старинный, обжитой еще дедами ночной недуг. Лунатик я - и вся тут недолга.

- А-а! То-то, гляжу... Кстати, говорят, что и у меня в детстве тоже что-то было в этом роде похожее.

- Вот-вот, в детстве! Но чтобы до старости оставалось - такое редкость. И, понимаешь, лечить-то, оказывается, - нечем. Один лишь седой как лунь способ - запереть и не трогать. Смотри, какая тут незадача: до звезд и частиц невидимых наука в упор подобралась, а этот самый лунатизм... Да возьми любую энциклопедию - там нет даже и понятия того. "См.: сомнамбулизм". А в той второй статье, пожалуйста: сомнамбулизм, или снохождение - расстройство психики, ложно связываемое с фазами луны. Чаще всего наблюдается в детском возрасте... И пару ссылок на несколько страничек в наших учебниках да три немецких книжки по психоанализу. И всё про всё!! Ни одного даже отдельного толкового исследования. Ан и черт ли в них, ежели оно "ложно связываемое".

А я вот, – он тыкнул в окно на усыпанный прыщиками кратеров круглый диск, – у меня с ней серьезно!

О СОКРОВИЩЕ В ПОЛЕ

Когда сельнокринов глаз обвык в матово отсвечивающем воздухе архивного закута, он с приятным изумлением обнаружил, что вся внешняя стена его сплошняком изрисована скудно различными в полумгле изображениями, которые словно бы никогда и не забеливались здесь – штукатурка накладывалась лишь в жилых покоях, и особенно плотно у тех квартирантов, кому сверх обычного ненавистна была память о прежних исконных хозяевах. А в простенке меж двух выломанных-таки окошек он надыбал и знакомую уже с полудня мохнатую рамку, будто на прежних гербовых бумагах, с затейливою и труднодостижимой прописью.

Архизам выследил его взгляд и, не спросясь, торжественно возгласил, будто пономарь или даже сам патриарший архиерей:

”Паки подобно есть Царствие Небесное сокровищу, сокровену на селе, еже, обрет, человек скры; и от радости его идет и вся, елика имать, продает и купует село то”.

– Село, – перешел он обратно на сегодняшнюю речь, сделавши передых в тишине, – значит по-славянски поле.

Про остальное Разумник, боясь посрамить свое родовое ученое имя, сам спрашивать посовестился.

Бенескриптов же, перескочив через пару-тройку явных мысленных ходов и срезав попутно еще несколько красивых, но безнужных сейчас боковых ответвлений, стал повествовать с незаёмною страстью, что этот храм, в котором они сейчас вместе

обитают, – одна из тех древнерусских Софий, то есть соборов в честь божественной высшей Премудрости, и стоит он как раз посередине двух других – киевской к югу и новгородской на север, – будучи им почти что ровесник по возрасту и ровня мерою, но выбежав дальше других на закат, или запад – западение солнца.

А насчет нынешнего их бытия точнее будет молвить, что не живут они тут, а скорей уж доживают, ибо их можно сказать уже выжили – и не далее как дней через полста, где-то под Троицу, к лету сделают остающимся обитателям выгонку, а весь древний полуостров приспособят для отправления туристических нужд.

Более всего печалила его при этом судьба почитай не одну сотню лет сберегавшегося архива, поколениями хранителей копившегося и разбиравшегося в сей самой светелке, а теперь обреченного если и не пропасть целиком, то уж наверное распылиться, развеяться по неисчислимым подвалам разноеведомственных спудов до полного исчезновения. Так в окружных потемках со внутренних очей Разумника Васильевича будто сдергивали засохлые пелены, подобно той самой грубой побелке застывшие сердце. И хотя он, конечно, и раньше краешком сознания ведал, где именно судьба судила ему вести постылые и нудновидные свои записи гражданских состояний, но как-то о духовном смысле всего этого толком размыслить всё было недосуг.

Теперь же, когда в его контору почитай что вовсе перестали забредать тающие жители потерянной слободы: жениться или рождаться осталось почти что некому, а помирать или хорониться приходилось уже на стороне, через реку, – ему как бы само собою взошло на ум (на деле же, ясно, умело подталкиваемое собеседничающим архивариусом) желание поспеть напоследок в охотку прочесть про

свое собственное жилище что только можно. А там – как знать...

– Ты сейчас человек покуда одинокий, тебе и книги в руки, – угадчиво твердил на прощание Бенескриптов, вручая без опасения свой ключ от хранилища. – Так что начинай прямо хоть с утречка, покамест деньки выпадают спокойные.

А потом он вдруг снова переметнулся в высокий слог, пробасивши над ухом:

”Потому всякий книжник, наученный Царству Небесному, подобен хозяину, который выносит из сокровищницы своей новое и старое”.

ОТ СОТВОРЕНИЯ МИРА За чтение книг и лопаченье грамот, каких в бенескриптории оказалась ужасная прорва, Разумник взялся, действительно не откладывая в долгий ящик. Но, бегло перелиставши современные путеводители, он только лишь подивился: на каких же они иноземцев писаны – напечатанные русскими с виду буквами, но говорящие либо от полной правды осьмушку, либо прямую гиль, так что весь толк выходил побоку.

По счастью, рядом с ними на полках он сыскал и более положительные труды про истоки и жизнь Северо-Западного края, вроде изданных век назад сводным братом поэта Константина Батюшкова Помпеем. Но тут он попал уже в новый просак – работ о самой родной Софии, отдельно составленных, кроме тонюсеньких тетрадок, не находилось вовсе; и руки прямо-таки зачесались у бывалого писца – взять да и соорудить одну и единую собственную летопись, хотя на прощание.

Тогда он оглядел заново книжно-бумажную наличность, оценив начерно потребное на ее изучение время, и только присвистнул. Ведь нужно было

еще и выискать отвечающий делу особый к нему подход, для которого чиновного опыта было отнюдь не в недостатке.

На счастье, в обед заглянул вновь Платон и, загодя уже, по всей видимости, предусмотрев первые потребности и спотычки своего подопечного – пусть тот и был ему по возрасту погодком – приволок небольшую кипу "предшественников", да, пожелавши удачи, вновь отвалил восвояси.

Собиралась сия стопа, скорее всего, по годам в направлении, обратном течению времени, и поэтому сверху ее покрывали те же самые скудоумные тонкие пустоплеты, один вид коих нынче Сельнокринову просто мерзил.

Затем лежал роман не ведомого ему прежде сочинителя двадцатых годов родного столетия Пильняка по имени "Голый год", где одно из действующих лиц – бывший князь Кирилл Ордынин, впоследствии архиепископ Ордынский Сильвестр – заканчивает свою хронику в безумную пору междоусобного мятежа. Сперва писание это Разумнику Васильевичу "показалось", но как скоро дошел он до таких откровений, что "жило православие тысячу лет, а погибнет, – ихи-хи-хи! – лет в двадцать, в чистую, как попы перемрут... И пойдут по России Егорий гулять, водяные да ведьмы, либо Лев Толстой, а то гляди и Дарвин..." – он томик, на газетной бумаге тиснутый, навсегда и захлопнул. И не то, чтобы обидясь за православие – сам ведь единственный оставшийся живым городской храмик на отшибе разве единожды в год, на Светлое Воскресение навещал (правда, ostatний раз пришелся именно на вчера, когда еще паникадило в одиночестве ухнуло). А попросту – не пророчь гибель другому, тем более когда пророчество-то хиловатое.

Пильняка подпирал снизу знакомый еще по

школе – и с той поры не растворявшийся – Щедрин-Салтыков с неперменной своей "Историей одного города". В ней ясно видать было родителя пильнякова, суший потоп издевательств и ёрничества: и город-то Глупов, и жители по прозванию "голова-тыпы", и летописцев четверка – Мишка Тряпичкин, да Мишка Тряпичкин другой, да Митька Смирномордов и "Я, смиренный Павлушка, Маслобойников сын". – Сукин ты сын, – в сердцах воскликнул Сельнокринов и едва удержался, чтобы не плюнуть в поганую книжку прежде, чем закрыть ее смрадную пасть.

Далее следовал куда более по видимости близкий Пушкин, но вместо ожидаемого "Бориса Годунова" (хотя, конечно же, предвкушение было неверное: ведь не пьесу Разумник собрался предпринять), – лукавый Любимыч доставил не читанный вообще ранее набросок "История села Горюхина". Сельнокринов его тотчас проглотил и столь же споро совсем разобиделся: без примечаний выходило ясно, что не село то поименованное, а целая страна, – но что ж это в конце-то концов за горезлосчастие, когда вся наша история есть только поле для глумотворца-просмешника?..

Тут вновь объявился в гости довольный произведенным сокрушением поводырь Бенескриптов с заменной стопою под мышкой, – однако, прежде чем передать ее изрядно подгорюнившемуся зауряд-летописцу, заставил дополнительно выслушать похабную байку, как бы венчающую своей непечатностью весь ряд этих изданных издевательств...

Разумник хмыкнул, однако хохотать отказался, а взамен отдал непригожие томики и взялся за новые.

Первыми шли теперь лесковские "Соборяне", они по странному совпадению не так давно впервые

осилил, еще тогда смутно почуявши там что-то себе сродное, – однако теперь "демикотоновая тетрадь" протоиерея Туберозова, при всем к нему сочувствии, службу сослужить не могла: ибо иной требовался размах и огляд.

Но вот, наконец, явилось и единое на потребу – "Повесть временных лет" с другими исконными летописями. "Господи! – воскликнул молча Разумник. – Да как же просто, вот так ведь и надо: коротко, с достоинством и вычитанием личной самости, – тут и вся мера нужная. А теперь, коли уж запрягли, то: ну, родная, поехали!!"

...Наперед Сельнокринов все-таки сгонял к себе за дедовскими счетами и, торопясь перейти к современному дню, задал однако своему повествованию самую строгую последовательность и занес на первый лист хоть и не Адама с Евою, но необходимое поминание начала начал по обычаю предков, выведя так:

"От сотворения мира до Рождества Христова лет 5508.

От Рождества Христова до Крещения Руси лет 988.

От Крещения ее до по пленения татарами Киева лет 252.

А было татарской власти над Русью лет 240.

А от стояния на Угре до смерти последнего Рюриковича на престоле царя Феодора Иоанновича лет 118. Всех же лет великого княжения их от прихода прародителя в Новгород 736.

А Смуты с царями Борисом Годуновым, Лжедмитрием, Василием Шуйским, Семибоярщиною, королевичем Владиславом и междуцарствием лет 15.

А от первого самодержца из дома Романовых Михаила до отречения Николая II лет 314.

Правления же различных движений в Россий-

ской республике с марта по октябрь 1917-го неполных месяцев 8.

А от октябрьского переворота доныне лет 70 и одно.

Темже: от Адама до зде лет 7496,
от Христа до зде лет 1988,
от Юрика до зде Российского государства лет 1126,
от Крещения Руси до зде лет ровная тысяча.

О ДРАГОЦЕННОЙ ЖЕМЧУЖИНЕ Наутро Сельнокринов приступил к бумагам и рукописям, разобранным тщательной бескриптовою рукой по векам и десятилетиям. Но чуть ли не первая же распахнутая папка с росписью кременецких князей своротила дела в душевредную сторону: хрусткая мелованная бумага, хотя и не пергамент, но по меньшей мере столетней почтенности, вся пошла радужными разводами — знаком несомненного грибка.

Смутившийся Разумник задумал было пойти тотчас донести архизаму, но того словно и след простыл. Сам же Сельнокринов на первые движения судьбы был суеверен, и если планида сначала отзывалась, скажем, частым занятым гудком на какое-то его начинание, второй раз он ее позывными не нудил, свято блюдя праотцовскую заповедь про то, что первая мысль приходит от Бога, следующая же — от нечистого.

В ответ на столь почтительное внимание мнительный случай находил иные обходные пути, порою куда короче видимых приводящие к цели, — вот и теперь он как бы подсказал, что как раз через стенку, в третьей квартире векует на законном отдыхе бывший известный химик чуть ли не

столичного извода, исправляя в отставке непыльную службу околоточного клопомора. Фамилия его была Похвиснев, имя же будто выело из обихода одной из кислот, которыми тот промышлял в уединении своего холостяковского жития – а потом, видать, вместе со злыми испарениями навсегда унесло его вон через самодельный вытяжной шкаф.

По счастью, он оказался в наличии дома, с ходу выдал Сельнокринову способ излечения бумаги – промазку ее сплошь формалином и, не откладывая усадив под колпак вытяжки, пустился на радостях от появления дарового собеседника выплескивать скопившиеся не востребовавшие знания.

Пришелец же из-под руки зыркнул еще в междоуоконье – так и есть, тут как тут была протравленная щелочами и солями, вспучившими ее местами наподобие вередов, знакомая уже по прежним комнатам рамка с продолжением писчей истории:

”Паки подобно есть Царствие Небесное человеку купцу, ищущему добрых бисерей, иже, обрет един многоценен бисер, шед, продаде вся, елика имяше, и купи его”.

Впрочем, толком проникнуть во скрытый смысл премудрости Разумник не успел, ибо от неловкого движения ему крепче самой острой горчицы так шибануло в нос химией, что и въяве стало Москву видать (а словообильный знаток Похвиснев забыл еще выдать соседу перчатки, из-за чего кожа на пальцах у того через несколько дней, побледнев наподобие покойницкой и отмерев для чувств, сползла потом точно рукавица и обнажила срамно-розовую подкладку).

Хозяин же вместо того разливался соловьем-разбойником, зацепившись мыслью за нарочно подброшенный вопрос на затравку: что за имя у натолкавшихся в книгу бактерий?

- В кубометре окружающего воздуха, - наставительно воздел он к потолку указующую пятерню, - в среднем содержится около четырех миллиардов различных микроорганизмов...

Затем Похвиснев признался откровенно, что ежели прихожанина сей вопрос воистину занимает, то ему необычайно повезло нынче с выбором собеседника:

- Таких бактериологов, как я, всего-на-всё в Союзе и есть пятеро!

Один из них, по его пояснению, числится в московском Историческом музее, другой в Румянцевской библиотеке, еще два "сидят на ставке" Эрмитажа и Публички на берегах Невы, а пятый, то есть сам он, теперь уже совершенно бескорыстно занимается вопросами бытования, размножения и видоизменения незримой твари.

Раз в году эти чудо-ведуны собираются в Минске, где раньше и трудился Похвиснев, на свой особенный съезд, рассказывая друг другу о произведенных открытиях. И самоновейшим, отлично передовым из них в последнее десятилетие было появление невиданного ранее всесторонне бойкого точильного жука, который, пользуясь уже готовыми ходами, уничтожает напрочь всех своих предшественников, обладая при том жуткой способностью вгрызаться даже в железо.

Кроме того, он-то и сделался причиною служебного краха искушенного ученого, ибо бездушные чинуши республиканской культуры, к которым тот явился с таблицами и знатоцким докладом, представляющим в своей области мировое событие, вместо заслуженной благодарности и утверждения его в качестве темы диссертации - нашлись лишь грубо осведомиться о том, как бы поскорее этого удивительного грызуна извести.

Вздохнув о людской неблагодарности, Похвис-

нев им ответно признался, что перед такою живностью наука бессильна, и на повторное недоумение пошутил, что проще снести долой все музеи да разогнать за ненадобностью возглавляющее министерство, чем погубить вчистую атомного скарабея. А в итоге, конечно, он слетел на должность энтомолога в заштатнейший городишко.

Тут недоля, однако, несколько смилостивилась и подкинула ему еще одно любопытнейшее дельце; правда, значительно более мелкое. Директор краеведческой выставки попал впросак, когда в ее, выставки, подвале среди груды неразобранных фондов сдохла объевшаяся какой-то паршивой снеди приبلудная кошка, и немногочисленный полк сотрудниц наотрез отказался туда спускаться, покуда не будут извлечены и обезврежены останки незадачливого мышелова.

Для их обнаружения, а также исключения в будущем подобных безобразий, и был приглашен опальный исследователь, который неусыпно трудился в поисках истины, битый месяц корпя с микроскопом, фонарем и чертежами, упразднив на время даже сон и еду.

В конце концов им была составлена замечательная семицветная таблица суточной и сезонной миграции диких котов через заброшенные подземелья — днем из выставочного подполья за пищей в основание универмага и гастронома (сокращенных злоязычием в универфиг и гастрит), а по ночам обратно в теплое нутро культурного очага. Однако по части недалекости и одноклеточности местное начальство мало чем разнилось от республиканского: оно вновь отказалось восхищаться поучительностью наглядного пособия и потребовало взамен скорейшего уничтожения погибшей мурки.

Наука опять удалилась посрамленной, но в благодарность за верное тщание на помощь умуд-

ренному систематику поспешила природа, которая разрушила кошачьи останки в прах при посредстве его любезных бактерий, а самого естествоиспытателя незаметно провела через пенсионную черту.

Теперь на свободном досуге он мог позволить себе совершенно самозабвенно отдаться чудесам малого космоса, о чем Сельнокринов твердо пообещал подробно выслушать уже на следующий раз и, напившись до последних складок пахуче-разящими парами, качаясь побрел к себе в каморку.

– Боже ж ты мой! – устало рассудил он, распахивая наотмашь фортку. – Куды там всякие летописи, когда окружающая современность выходит пострашней самых мрачнейших сказок...

ВЕКОПИСЬ НА ДВОИХ По возвращении души "во своя си" подобного разбора мысли неприметно перетекли у Сельнокринова в путеводительное сомнение о смысле и сроке только что предпринятого труда. Он пустился с горечью вспоминать о том, что как будто бы ни единый кто – даже сам Соловьев – из историков не довел своего описания до собственных дней. И получалось, что пересказав про чужое и лишь заочно представленное, они о насущно видимом неизменно оставляли догадываться потомкам. Так, может статься, следовало наперед приступить как раз к текущей жизни, оставя старину на потом? Ну хорошо, а как же ее в таком раскладе изучать, современность? По источникам? Но где взять, когда всякое новое правление задним числом обращает их наизворот?

Тут опять-таки, будто подгадав самый потребный час, объявился заказчик и работодатель Платон. Извлеки корень сельнокриновой головной боли, он вместо расстройства пришел в сущий восторг:

– Молодец! Дело движется даже быстрее, чем я мог надеяться. А потому вот что: ты просто обойди по порядку все сорок номеров нашей "улицы" по обе ее стороны и, читая о минувшем, попеременно свежо, чтобы не позабыть, брось на бумагу рассказы его обитателей. Потом уже сведешь воедино – когда нас отсюда долой со двора собьют. Не слышал еще, что и реку тоже взялись перестраивать?

– ???

– Вот тебе и – ? Перемычку взорвут, чтобы сделать нашу горку полным островом, чистым заповедником прошлого, а заодно и гидру электростанции заведут, подтопят берега, хоть там трава не расти. На равнинах плотины теперь раздумали ставить, так за скалы решили приняться...

Далее он пустился и в более околичные рассуждения, доказывая, будто поскольку им двоим по полста лет – то есть в совокупности ровно век, – то и летописание предстоящее следует назвать одним из схожих-похожих слов: "векопись", а посему оглядывать былое и нынешнее с точки зрения если не вечности, то по меньшей мере века.

– Мы ведь с тобою еще и оба поповичи, судя по заковыристым семинарским фамильным прозваниям: на латыни "Бенескриптов" родня "Бенедиктову", что в доточном переводе будет "Доброписов" и "Благогласов". А "Сельнокринов" – от славянского "сельный крин", то есть полевая лилия, дико растущая в Палестине и еще называемая "императорскою короной". Про нее именно Иисус сказал: что печетесь вы об одежде? поучитесь у кринов сельных; ни труждаются они, ни прядут, – но и Соломон во всей славе своей не одевался так, как из них всякая. Вот и выходит, что никому иному эту работу не делать, кроме как нам, коли мы и ровесники, и казенные люди одного извода, да и судьба – то у отцов наверняка...

– Не надо!

– Ясно.

– А почему ты тогда сам-то не взялся?

– Видишь ли, есть еще и такой завет, что – иная слава солнцу, иная луне, иная звездам: звезда от звезды разнствует во славе, и небесная слава различна от славы земной. То есть, дарования все мы имеем, но по данной свыше благодати различные: пророчество по мере веры, служащие – в служении, учитель – в учении, утешитель – в утешении, раздающий – давая в простоте, начальствующий – предстоя со тщанием, благотворитель – милуя с добрым изволением и ясностью.

– Что-то ты многовато стал глаголать на отеческий лад.

– А бывает, что вправду слишком?

– Ну... но не через ли чур?

– Что же тогда есть чур?

– Ладно, хватит хватать за язык.

– погоди, мы с тобой и ту меру перекроем. Читал ведь настенные вразумления?

– А ты догадался? Откуда они?

– Это в свой час. Так вот, дар писания – он у тебя, за мною же служение подталкивания, досказки, что ли... И потом еще – ты же ж прямо-таки образцовый векописец, пока одинокий, другим занятием и семьей вроде сейчас не обременяемый, хотя не скажу точно почему...

– И не требуется.

– До поры. Получается, разве что не монах – а так как есть готовый Пимен или Нестор в миру. Но, признаться, есть и у меня потайное писаньице: я все-таки тоже веду летопись, вторую и тeneвую, но в направлении строго обратном, попятливым.

– То есть?

– Покуда не про вашу честь. Но в конце, у порога вечности мы обязательно должны сомкнуть–

ся – как только ты достигнешь сего дня, а я опускаюсь к первозданной бездне близ сотворения мира. Так что до скорого!

КРЕМЕНЕЦКАЯ ЗЕМЛЯ

Страна наша, – начал свое историческое повествование обложившийся бенескриптовыми томами Разумник Васильевич, – лежит на самом острие Белой Руси, там, где почти сходятся с ней воедино Русь Большая и Малая. Южнее ее жили племена дреговичей, с юго-востока – радимичи, на восток – ильменские славяне, а с севера и запада литва да чудь белоглазая.

Как разыскал правнук Льва Толстого нынешний академик Толстой Никита, именно тут располагалась и колыбель всего славянского народа, а, благодаря почти по сю пору сохранившемуся в нетронутости за рекою дремучему Полесью, ныне доживают и последние остатки прародительского язычества. Недаром как раз в сем краю найден был на речных берегах Збручский идол – каменный болван с изображениями всех поганских богов дохристианского мира славян.

А ежели забросить взор еще более ввысь, то можно увидеть, что Кременеччина попадает в средоточие пути из Варяг в Греки – то есть от моря Балтийского до Черного. Река Слава берет исток вблизи верховьев Днепра и Волги, а близ Кременца, разбиваясь в прорытых древних скалах на два рукава, уходит единым концом в Северную Двину на полночь – или север, – другим же на полдень, вливаясь во Днестр. Потому-то, будучи древнейшим западно-русским городом, Кременец-на-Славе стяжал еще и международное внимание: он, на приклад, обладал самой многочисленной в Средневековье армянской общиной.

Повесть Временных Лет первый раз упоминает его под 862 годом от Рождества Христова, когда Рюрик раздавал своим мужам владения – "овоуму Полотеск, овоуму Каменец либо Кременец", а кому Ростов или Белоозеро. Причем, говорится там же, варяги были в тех поселениях лишь "находници" – что значит пришлое возглавление, "а первии населници" исконные все славяне: поляне и кривичи.

Но не успел основатель династии передать власть над Кременцем Нову-городу, как уже в 865 году, согласно Никоновскому летописцу, на него отправились походом южнорусские князья под водительством Аскольда и Дира. "Многи варяги совокуписта", – гласит история Татищева, – они победили "и начаста владети" всей Кременецкой землею.

Как справедливо полагал другой, местный летописатель, первое свое имя город получил "камня ради", обнаженного неутомимой стремниной, а второе – уже вместе с нею – от тех самых племен, что "седоша межю Припетою и Двиною".

Начиная с X века, плотно заселился возвышенный участок скалы на крутояре, получивший впоследствии название Соборной горы. Он и сделался ядром града, занимавшим площадь всего в одну квадратную версту при крутом изгибе Славы, соединяясь с прочим материком невеликою перемычкой всего в тридцать шагов шириною. Эти градские врата по другую сторону реки из века в век укреплялись могучим замком, что давало Кременцу даже способность угрожать другим державам, поскольку здесь всегда можно было положить руку на биение тока живой связи между Новгородом и Константинополем. Недаром же в договоре Олега с Византией, заключенном в 907 году, в числе русских поселений уже помянут и Кременец – где сидели князья "велиции, под Олегом сущи".

Ту же службу исполнял он и в дальнейшем, хотя до столицы ему вырасти было не суждено. Тем не менее, еще в XVI столетии в известном "Хождении" царева дворцового дьяка Трифона Коробейникова в Царьград о Кременце повествуется сие:

"Городок каменной, с Можаяск, стоит на каменном острове, а под ним река Слава, величиною с Яuzu, пошло около города меж дву гор каменных: береги у нее высоки, утесы каменные, а камен синий, и обошла та река кругь тое горы каменные и пришла туто к городу, немного опять не сошлася в место, толко сажен с 30, да воротилась опять от города на лево с Московские стороны и пошла промежь гор же каменных; а где та река сошлася, х тому острову, который обошла, и туто мост деревяной на каменных столпех. А величина того острова с Китай город, а на том острову стоит посад, а в нем торжек, а стены около его нет, потому что тот остров каменной и от воды высоко утесь".

Подвластные Олеговой руке кременецкие князья остались истории безвестны; первый же, носящий имя, стал и обладателем самостоятельности, "держа землю и владе ею". Он не был местным уроженцем: "бе бо Рогволод пришел из Заморья", и корни его прозвания искали в Скандинавии — хотя вполне можно было истолковать и на славянский лад как владельца "рога", то есть мыса.

Но спокойное самодержавие его в Кременце не было долгим, ибо Владимир, будущий креститель Руси и великий князь, а покуда еще просто князь новгородский, собравши "вои многи" со всей Северной стороны, пошел на него войною. И причиной того в первую голову была отнюдь не власть над землею, а голова рогволодовой дщери Рогнеды.

РОГНЕДА Итак, – продолжил векописец свою речь, – в 979 году от Рождества Христова Владимир Святославич, христианством еще не просвещенный, во главе варягов, новгородцев и чуди отправился на нашего князя Рогволода. Поводом к смертному бою послужила его дочь Рогнеда, или Рогнедь – что уже ни при каком желании иначе как из скандинавского имени "Рагнхильд" на русскую воду не вывести. Новгородский владетель, хоть и был уже женат на "жене варяжской" Олове, родившей ему сына Вышеслава, отличался чрезвычайною женонеистовостью – он вознамерился взять за себя еще и Рогволодовну. Но та была просватана за его старшего брата Ярополка, князя киевского. А кроме того, на предложение владимировой руки она ответила до крайности гордо: не хочу изути робиича! То есть, отказалась совершить свадебный обряд, означающий подчинение супругу – снять с него сапоги, – у сына рабыни: мать Владимира Малуша служила ключницею у великой княгини Ольги.

Но она была еще и сестрой владимирова воеводы Добрыни – и вот как он отомстил, когда Рогволод был разбит и пленен. Сперва в присутствии всей семьи Добрыня просто "поносил" Рогнеду, а потом повелел Владимиру овладеть ею "пред отцем ее и матерью", после чего, согласно Никоновскому летописцу, убил родителей вместе с двумя братьями.

...Рогнеда смирилась, ибо это была на ее веку отнюдь не последняя беда – по которым она получила печальное славянское прозвание "Гориславы". Дочь Рогволода сделалась матерью трех старших владимировых сыновей Изяслава, Ярослава Мудрого, Всеволода; родила она и двух дочек, из которых известно лишь имя первой – Передслава. Утвердись в Киеве, Владимир наскучил Рогнедою и

выслал ее с Изяславом в село, быть может, названное затем по дочернему прозванию – Предславино на берегу Лыбеди, что под Киевом.

И здесь в одно из редких посещений великим князем оставленной жены произошло событие, излюбленное впоследствии живописцами, которое чувствительный Карамзин, чуть приукрашивая Нестора, излагал так:

”В один день, когда Владимир, посетив ее жилище уединенное, заснул там крепким сном, она хотела ножом умертвить его. Князь проснулся и отвел удар. Напомнив жестокому смерть ближних своих и проливая слезы, отчаянная Рогнеда жаловалась, что он уже давно не любит ни ее, ни бедного младенца, Изяслава. Владимир решился собственною рукою казнить преступницу; велел ей украситься брачною одеждою и, сидя на богатом ложе, в светлой храмине, ждать смерти. Уже гневный супруг и судия вступил в сию храмину... Тогда юный Изяслав, наученный Рогнедою, подал ему обнаженный меч и сказал: ”ты не один, о родитель мой! сын будет свидетелем”. Владимир, бросив меч на землю, ответствовал: ”кто знал, что ты здесь!”... удалился, собрал Бояр и требовал их совета. ”Государь!” сказали они: ”прости виновную для сего младенца, и дай им в Удел бывшую область отца ее”. Владимир согласился: построил новый город в нынешней Витебской губернии и, назвав его Изяславлем, отправил туда мать и сына”. – Поселение это сохранилось донныне, теперь это маленький заштатный Заславль подле Минска.

Но и тут не окончились оскорбления Рогнедины, как не иссякло и ее смирение. Уже после своего крещения Владимир, обвенчанный по христианскому обряду с византийской царевною Анной, решил и ей подать милость, оказавшуюся еще пущим унижением. Летопись тверская гласит: ”посла к

жене своей Рогнеде, глаголя сиче: "аз убо отныне крещен есмь и приах веру и закон христианский, подобааше ми едину жену имети, ея же поях в христианстве. Избери убо себе от велмож моих, его же хочещи, до съчетаю тя ему". Она же, отвещавши, рече ему: "или ты един хочещи царствие земное и небесное възприяти, а мне маловременним сим и будущаго дати не хочещи. Ты бо отступи от идольския прелести в сыновление Божие, аз же, быв царицею, не хочу раба быти земному царю, но уневеститися хоцю Христови, а възприиму ангельский образ". Сын же ея Ярослав седяше у неа, бе бо еством таков от рожения. И слыша глаголы и ответы матери своя к Володимеру, и въздохнув с плачем, глагола матери своей: "О мати моя! во истину царица еси царицам и госпожа господам..." И от сего словесе Ярослав вста на ногу своею и хождаше, а преже бо бе не ходил". – Рогнеда постриглась в монахини и получила уже третье имя, греческое: Анастасия, что значит "воскресение".

С этим именем она и отошла ко Господу в ровном одна-тысячном году от Рождества Спасителя – одновременно с оскорбленной ею некогда матерью Владимира Малушей, про которую, отмечая обе эти смерти рядом, Нестор говорит, сообщая неожиданно полное имя: "Преставися Малъфредъ".

Год спустя, еще при жизни отца, умер и Изяслав, из-за чего его потомство утратило право на старшинство во Владимировом роде и принуждено было довольствоваться удельною властью в нашем городе – Рогнедином вене. Это стало причиною многих кровей и долговековой распри; как гласит летописец: "Оттоле меч взимают Рогволожи внуци противу Ярославим внуком". Наиярчайше родовая тяжба между потомками Рогнединых сыновей показала себя в судьбе Изяславова внука, знаменитого Всеслава по прозвищу Чародей.

ВСЕСЛАВ ЧАРОДЕЙ

Внук Рогнедина первенца Изяслава, – писал далее в своем историческом повествовании Сельнокринов, – основавшего династию местных князей, знаменитый Всеслав Брючиславич вокняжился в 1044 году и из своих чрезвычайно долгих для тех времен земных лет с различной протяженности перебоями правил 57. Он оставил по себе в устной и письменной словесности весьма стойкую славу волшебника-оборотня и кудесника.

По преданию, мать – жена Брючислава Изяславича, – еще прежде его появления на свет держала совет с волхвами, чему непосредственно обязано было само рождение. Та же связь продолжалась и впредь. "Матери бо родивши его, – пишет Нестор, – бысть ему язвено на главе его, рекоша бо волсви матери его: "Се язвено навяжи на нь, да носит е до живота своего", еже носить Всеслав и до сего дне на собе; сего ради немилостив есть на кровьпролитье". У знатоков по сю пору не прекратились споры, что это за "язвено" такое: отметина ли родовая, колтун или родился он в прямом смысле "в сорочке" – остатке утробного пузыря.

Былинное прозвание князя – Волх Всеславьевич, и про его земное начало в древнейшем собрании Кириши Данилова сохранилась одноименная песня...

Не дивно, что именно в правление сего князя в городе пошли твориться многие чудеса. Самое из них известное случилось в 6600 году от сотворения мира, или от Рождества Спасителя в 1092-м. "Предивно бысть чюдо, – свидетельствует Повесть Временных Лет, – в мечте: бываше в ноци тутънь (топот), станяше по улице, яко человеци рищуше беси. Аще кто вылезяше ис хоромины, хотя видети, абые (тотчас) уязвен будяше невидимо от бесов явою, и с того умираху, и не смяху излазити ис хо-

ром. Посем же начаша в дне являтися на коних, и не бе их видети самех, но конь их видети копыта; и тако уязвляху люди градскыя и его область. Тем и человецы глаголаху, яко навье (мертвецы) бьют...”

Опять-таки существует множество гаданий и книг про сие дивное явление, но кажется никто еще не доискался провести сопряжение между язвами горожан и той, что их князь получил от рождения.

В образах чрезвычайной выразительности и вместе тайны говорит о Всеславе Чародее Слово о полку Игореве:

”На седьмом веце Трояни врѣже Всеслав жребий о девицю себе любу. Тѣй клюками (хитростью) подпрѣся о кони, и скочи к граду Киеву, и дотчеса стружием злата стола Киевского. Скочи от них лютым зверем в плѣночи из Бела-града, обесися сине мгле (бесом одержим?), утрѣже вазни с три кусы (трижды добыл победы?): отвори врата Новуграду, разшибе славу Ярославу, скочи влъком до Немиги с Дудуток. На Немизе снопы стелют головами, молотят чепи харалужными (булатными), на тоце живот кладут, веют душу от тела. Немизе кровави брезе не бологом (не на добро?) бяхут посеяни, посеяни костьми русских сынов. Всеслав князь людем судяше, князем грады рядяше, а сам в ночь влъком рыскаше: из Киева дорискаше до кур (?) Тмутороканя, великому Хрѣсови (языческий божок Хорс) влъком путь прерыскаше”.

И вот тут впервые входит в наше векописание его средоточный соборный храм – повествователь говорит, что когда здесь в городе Всеславу ”позво ниша заутренюю рано у святыя Софеи в колоколы, а он в Киеве звон слыша. Аще и вещь душа в дрѣзе (дерзком) теле, нѣ часто беды страдаше. Тому вещий Боян и прѣвое припевку, смысленый, рече: ”Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда Божиа не минути!”

Летописные обстоятельства Всеславовых приключений чуть более приземленны, однако необычайного и в них находится совсем немало. В 1067 году он "заратился", осаждал Псков, затем отворил ворота Новгорода и ограбил тамошний храм Святой Софии – заложённый лишь год спустя после его собственного вокняжения, – сняв колокола и паникадила. В ответ трое Ярославичей – Изяслав, Святослав и Всеволод – собравшись, взяли Минск, где перебили всех мужей, и подошли к речке Немиге, той самой из Слова, на которой некогда стоял Минск, а нынче ее и следов нет: пересохла.

Здесь между ними "бысть сеча зла, и мнози падоша, и одолеша Изяслав, Святослав, Всеволод, Всеслав же бежа". Они погнались вслед и, почти настигнув беглеца, поцеловали в знак клятвы Честной крест, вызывая его к себе: "Прииди к нам, яко не створим ти зла". Понадеявшись на крестное целование, Всеслав переехал в противный стан на ладье через Днепр, вошел в Изяславов шатер на Рши близ Смоленска с двумя сыновьями – но тотчас же был крестопреступно взят, вывезен в Киев и посажен в "поруб".

В защиту поруганной клятвы вступился уже как бы сам Крестный Искупитель: на следующий год пришло на Русь великое множество половцев и разбило трех Ярославичей в прах на реке Альте. По сему случаю Нестор проводит такое различие: иноплеменников, – говорит он, – на согрешившую землю наводит сам Бог, дабы сокрушенные люди вспомнили о Нем; а междоусобную брань насылает соблазнитель дьявол.

Изяслав бросился из Киева наутек, "людые възвыли", "высекли" Всеслава из поруба и прославили посреди великокняжеского двора новым над собою владыкой. Так Всеслав воссел на Киевском столе.

”Се же Бог яви силу крестную, – гласит Повесть Временных Лет, – понеже Изяслав, целовав крест, и я (взял) и (его); темже наведе Бог поганья, сего же яве избави Крест честный. В день бо Вздвиженья Всеслав, вздохнув, рече: ”О, Кресте честный! Понеже к тебе веровах, избави мя от рва сего”. Бог же показа силу крестную на показанье земле Русьстей, да не преступают честнаго Креста, целовавше его; аще ли преступил кто, то и зде примет казнь, и на придущем веце казнь вечную”.

Затем еще множество приключений ждало Чародея: просидевши в Киеве всего семь месяцев, он вынужден был вновь мчаться в свое родовое княжество, но изгнан был и из него; потом вернул себе родной город, воевал с Владимиром Мономахом... Однако умереть судьба судила ему все-таки в наследном граде, восьмидесяти лет от роду, в 1101 году, апреля 14 дня, в первом часу полдня Воскресения. Землю он поделил между семью своими сыновьями – Борисом (тем, что ставил впоследствии обетные камни), Романом, Давидом, Глебом, Ростиславом, Святославом и Рогволодом. Но главным его наследием оказалась воздвигнутая князем-волховом доныне стоящая Святая София.

СОБОР Епархия здесь учреждена в самый год Крещения Руси, – продолжал Разумник, – а вскоре на маковице горы поставлен и деревянный храм – предотеча нынешнего.

Сам же Софийский собор – древнейшее каменное здание в Белом Русском крае – выстроен был одновременно с Софией Новгородской и лишь на четверть века позже Софии Киевской Чародеем Всеславом около 1044 лета от Воплощения Спасителя.

Поскольку своих зодчих было еще не в достат-

ке, пригласили на подмогу византийцев. В полдень, когда солнце стоит наиболее высоко над небозёмом, на оттаявшей и просохшей по весне земле градского Детинца с юга был размечен строго по сторонам света квадрат, затем расчерчен вдоль и поперек на двадцать пять ячеек, самая большая по площади из которых помещалась посреди... В местах пересечения линий были наметаны крещатого сечения столпы, и еще трое их дополнительно помещено против входов с севера, юга и запада. С востока противостали три алтарных абсиды с самой высокою средней.

Основание было заглублено в землю всего лишь на аршин, и туда вбили дубовые лёжни. Стены, напротив, вывели могучие – от полутора до двух с половиною метров. В кладке чередовались ряды тонкого кирпича – равнявшегося на византийскую плинфу – и природного местного булыжника. Каждый второй ряд был утоплен в глубине кладки и затирался обмазкой, однако остальные стены не штукатурились. Цемяночный бело-розовый раствор таким образом разграфляли темно-красными плинфяными и серыми булыжными полосами, причем с повышением роста камни подбирались размером всё меньше. Пол замостили поливными желтыми, зелеными и коричневыми плитками. С юга, запада и севера на втором ярусе возвели хоры. Стены украсили письмом сплошь – но доныне сохранились лишь остатки тех фресок, лучше всего в щеках на откосах окон, росписи среднего ряда на евангельские сказания и часть Евхаристии в восточной абсиде.

Воскресенская летопись сообщает древнейшие сведения о городе: он "древян", но "святая София о семи версех" каменная. Надо полагать, что, кроме ставшего впоследствии общепринятым пятиглавия, крестовокупольное строение было дополнено двумя

куполами над западными башнями. Внутри средокрестного шлема поместили изображение Христа Вседержителя. По сию пору алтарь сохранил остатки "синтропа" – седалища для иерархов и иереев.

Строился соборный храм всем миром. Совсем недавно на большом камне в основании церкви обнаружены были процарапанные имена нескольких его непосредственных создателей – Давид, Тоума (Фома), Микоула, Копыс (прозвище языческое), Петр и Воришько. С востока в наш уже век недреманные археологи раскопали шестнадцать княжеских саркофагов.

В соборе хранилась и княжеская казна с библиотекою; здесь принимали послов, объявляли земле о войне и мире. Четыреста лет, вплоть до пятого на десять века от Рождества Спасителя, под его стенами собиралось градское вече.

Первенец Чародея Борис, продолжая отцово начинание – подобно наречению Адамом имен всей поднебесной твари, – расставил по своему княжеству Борисовы камни, саженой пяти в обхвате и тонн тридцать весом. Одна сторона их была неотменно отесана, там помещался шестиконечный крест и одинаковая надпись "Господи помози рабу своему Борису". Нынешние ученые полагают, что ими метился путь из варяг в греки, то ли запечатлевался уровень наивысшего поднятия вод в паводок, или это были перебитые языческие идолища; а быть может, они являют собой остатки двоеверного борисо-глебова календарного культа – и тогда день установки может быть определен точно: 2 мая 1128 года. Один из камней по имени Борис-хлебник в 1981-м, то есть восемь с половиною веков и еще три года спустя, был извлечен из-под соборной горки и установлен обок с Софиею. А о высоком смысле ее собственного имени речь будет особая.

СОФИЯ

Из всех обязательно сообщенных Платоном Любимовичем пособий про внутренний смысл учения о Софии Разумник довольно-таки быстро выбрал особый альбом, куда были переписаны или вклеены отрывки различных сочинений, составлявших как бы протянутую через века цепь усилий постигнуть и выразить могучую, однако не лишенную соблазна идею. Любопытен был и порядок, в каком помещались разновременные части собрания; хотя почерки на страницах явственно не были одинаковыми, рука составителя – самого Бенескриптова – угадывалась уже по тому, что выстроен был весь ряд опять-таки в направлении, противном течению времени: на поверхности находились выписки из нынешних скупых и иносказательных путеводителей, а на дне, в конце, даже полностью воспроизведенная книга Премудрости Соломона.

Наилучшее из боязливо огибающих сущность запретно-сладкого плода богословия кратких пояснений содержалось в тонюсенькой выдирке из современной архитектурной брошюрки: "Греческое по происхождению слово "софия", буквально "мастерство, знание, мудрость", – гласила она, неизменно поминая высокие понятия с уничижительной строчной буквы. – Но христианами смысл его толковался более широко и связывался, в частности, с идеей человеческого "единомыслия" и "общности". Именно эта идея нашла свое дальнейшее развитие в духовной культуре Древней Руси с характерной для нее жизнестроительной этикой "соборности". Понятие "соборности" находило в облике храма свой зримый образный эквивалент, воплощенный в конкретную материальную форму. И архитектура храма, в которой каждый отдельный элемент осмысливается символически, и его живописно-изобразительная программа с четко определенным

для каждого персонажа и сюжета местом, и строго продуманное обрядовое действо – всё это переплеталось и, вторя друг другу, образовывало удивительное по совершенству и силе воздействия единство”.

В череде ученых изысканий самих представителей сословия священного служения Разумник обратил пристальное внимание на обобщающий труд “Столп и утверждение истины” отца Павла Флоренского, из которого извлек два основных кратких вывода. Первый был весьма, если не сказать свыше меры, наполнен сложными построениями возвышеннейшего богословского рода:

”Под углом зрения Ипостаси Отчей София есть идеальная субстанция, основа твари, мощь или сила бытия ее; если мы обратимся к Ипостаси Слова, то София – разум твари, смысл, истина или правда ее; и, наконец, с точки зрения Ипостаси Духа, мы имеем в Софии духовность твари, святость, чистоту и непорочность ее, то есть красоту. Это триединая идея основы-разума-святости...”

Но куда ближе к сердцу его пришлось другое заключение, стоявшее неподалеку от первого, однако составленное уже не как диалектически расчленяющее суждение, а, напротив, возвышающееся шаг за шагом в духе древнего гимна-акафиста:

”Если София есть вся Тварь, то душа и совесть Твари – Человечество – есть София по преимуществу. Если София есть всё Человечество, то душа и совесть Человечества – Церковь – есть София по преимуществу. Если София есть Церковь, то душа и совесть Церкви – Церковь Святых – есть София по преимуществу. Если София есть Церковь Святых, то душа и совесть Церкви Святых – Ходатаица и Заступница за тварь пред Словом Божиим, судящим тварь и рассекающим ее на-двое, Матерь Божия, ”миру Очистилице” – опять-таки есть София по

преимуществу. Но истинным знамением Марии Благодатной является Девство Ея, Красота души Ея. Это и есть София. София есть "сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа..." Только София, одна лишь София есть существенная красота во всей твари; а прочее — лишь мишура и нарядность одежды, и совлечется личность этого призрачного блеска при испытании огнем".

И все же наибольшее предпочтение отдал Сельнокринов малоизвестному сказанию из книги мужа апостольского Ерма "Пастырь", созданной во времена первых христиан в Риме и одно время даже входившей в канон Нового Завета. Оттуда он перенес в свою рукопись почти целиком красноречивое видение:

"Однажды я видел, братья, следующее. После того, как я много раз постился и молил Господа, чтобы Он дал мне Откровение, которое обещал показать, ночью явилась мне старица и сказала: "Так как ты очень просишь и желаешь знать всё, то приходи на поле, куда хочешь; около шестого часа, на рассвете, я явлюсь тебе и покажу, что нужно тебе видеть". Я спросил ее: "На какое место поля придти мне?" Она говорит: "Где хочешь". И я избрал место прекрасное, уединенное...

Итак, братья, явился я на поле, заметил часы и пришел к месту, куда назначил ей придти. И вижу я поставленную скамью; на ней была льняная подушка и над нею простерта парусина. Видя такие приготовления между тем, как никого нет на месте, я изумился, волосы у меня поднялись и как бы ужас объял меня от того, что я был один. Но, пришедши в себя и вспомнив славу Божию, я ободрился и, преклонив колена, исповедал Богу свои грехи, как и прежде. Тогда пришла сюда старица с шестью юношами и, ставши позади меня, слушала, как я

молился и исповедовался. Коснувшись меня, она сказала: "Перестань молиться только о грехах; молись и о правде, чтобы часть из нее получил ты для дома своего". Поднявши меня с места и взявши за руку, она привела меня к скамейке и сказала тем юношам: "Идите и стройте..."

А меня посадила по левую сторону и, поднимая какой-то блестящий жезл, сказала: "Видишь ли большую работу?" Говорю ей: "Госпожа, ничего не вижу". - "Вот ужели не видишь против себя великой башни, которая на водах строится из блестящих квадратных камней?"

Действительно, строилась квадратная башня теми шестью юношами, которые пришли с нею. Многие тысячи других мужей приносили камни. Некоторые доставали камни из глубины водной, другие из земли и подавали тем шести юношам; они же принимали их и строили. Камни, извлекаемые из глубины, прямо клали в здание, потому что они были гладки и своими спайками хорошо приходились к другим камням, и так плотно прикладывались один к другому, что соединения их нельзя было заметить. Таким образом, здание башни казалось построенным как будто из одного камня. Из прочих камней, приносимых из земли, одни были откладываемы, другие полагались в здание, а некоторые были рассекаемы и отбрасываемы далеко от башни. Из тех иные камни были полагаемы около башни и не употреблялись для здания, потому что некоторые из них были шероховаты, другие с трещинами, а третьи были светлы и круглы и не годились для построения. Камни же, которые отбрасывались далеко, видел я, падали на дорогу и, не оставаясь на ней, скатывались на обочину, одни в место пустынное, другие попадали в огонь и горели, иные же упали близ воды, но не могли скатиться, хотя и стремились попасть в нее.

Показавши мне это, старица хотела удалиться. Я говорю ей: "Госпожа, что пользы мне видеть и не знать, что значит это строение?" Она отвечала мне: "Любопытный ты человек, если желаешь узнать значение башни". – "Действительно, госпожа, – говорю я, – желаю узнать, чтобы возвестить братьям и они возрадовались, услышав это, и прославили Господа". И она говорит: "Услышат многие и, услышавши, некоторые возрадуются, а другие восплачут; впрочем и последние, если, услышавши, принесут покаяние, также будут радоваться. Выслушай теперь объяснение башни, я открою всё, и не докучай мне более об откровении. Откровения эти имеют предел, ибо закончились. А ты не перестаешь требовать откровений, потому что настойчив.

Итак, башня, которую видишь строящуюся, это я, Церковь, которая явилась тебе теперь и являлась прежде. Спрашивай же, что хочешь, о башне, и я открою тебе, чтобы возрадовался ты со святыми". Я говорю ей: "Госпожа, если однажды сочла ты меня достойным того, чтобы всё открыть мне, то открой". Она отвечает: "Всё, что следует открыть тебе, откроется, только бы сердце твое было ко Господу и ты не сомневался, что бы ни увидал".

Я спросил ее: "Госпожа, почему башня построена на водах?" Она говорила: "И прежде я сказывала тебе, что ты любопытен, и тщательно изыскиваешь: ища, найдешь истину. Слушай же, почему башня строится на водах: потому что жизнь ваша чрез водное крещение спасена и спасется. А башня основана словом всемогущего и преславного имени, и держится невидимою силою Господа".

Я в ответ говорю ей: "Величественное и дивное дело. А кто, госпожа, те шесть юношей, которые строят?" – "Это первозданные ангелы Божии, которым Господь вверил все Свое творение для того, чтобы они умножали и благоустроили и управляли

Его творением: посредством их будет окончено и строение башни". – "А кто прочие, которые приносят камни?" – "И это святые ангелы Господа: но первые выше последних. Когда будет окончено строение башни, они все вместе будут ликовать около нее и прославят Господа за то, что совершилось строение".

Я спросил ее: "Желал бы я знать, какое различие и значение камней". И она отвечала мне: "Разве ты лучше всех, чтобы тебе это было открыто? Иные выше и лучше тебя, которым следовало бы открыть эти видения; но, чтобы прославилось имя Божие, тебе это открыто и еще откроется ради сомневающих, которые помышляют в сердцах своих – будет ли это или нет. Скажи им, что всё это истинно и что ничего нет ложного, но всё твердо и крепко основано.

Выслушай теперь и о камнях, употребляющихся в здание. Камни квадратные и белые, хорошо прилаживающиеся своими спайками, – это суть апостолы, епископы, учителя и диаконы, которые ходили в святом учении Божиим, надзирали, наставляли и свято и непорочно служили избранным Божиим – как почившие, так и живущие еще доселе, – которые были всегда согласны друг с другом, имели мир между собою и слушали взаимно друг друга: поэтому-то они и в здании башни хорошо приходятся своими спайками. А камни, извлекаемые из глубины водной и полагаемые в здание, – это суть те, которые уже умерли и пострадали за имя Господа". – "Госпожа, я желаю знать, кого означают другие камни, которые были приносимы из земли". Она говорит: "Те, которые неотделанные полагаются в основание, означают людей, которых Бог одобрил за то, что они ходили праведно пред Господом еще до Рождества Христова и исполняли Его заповеди. А которые приносятся и полагаются в

самом здании башни – это суть новообращенные к вере и верные. Ангелами убеждаются они к деланию добра и потому не нашлось в них зла”. – “А кто те камни, которые были откладываемы и полагались возле башни?” Она говорит: “Это те, которые согрешили и желают покаяться; потому они брошены невдалеке от башни, что будут годны в здание, если покаются. Посему желающие покаяться будут тверды в вере, если только принесут покаяние теперь, когда строится башня. Ибо, когда строение окончится, они уже не будут иметь места, где могли бы быть положены в самом здании, и будут отвержены, только будут лежать при башне.

Желаешь знать, кто те камни, которые были рассекаемы и отбрасывались далеко от башни? Это суть сыны беззакония, которые уверовали притворно и от которых не отступила неправда всякого рода; потому они не имеют спасения, что не годны в здание по неправдам своим, – они рассечены и отброшены далеко по гневу Господа за то, что оскорбили Его. А из прочих камней, которые во множестве видел ты сложенными и не идущими в здание, шероховатые суть те, которые познали истину, но не пребыли в ней и не находятся в общении со святыми, потому они и не годны. Камни с трещинами – это суть те, которые имеют в сердцах вражду друг против друга и не имеют мира между собою; сойдясь, они являются мирными, но когда разойдутся, злоба удерживается в сердцах их. Это – трещины, которые имеют камни. Камни укороченные – это те, которые хотя уверовали, но имеют еще много неправды; потому они коротки и не цельны”. – “Кто же, госпожа, белые и круглые камни, но не идущие в здание башни?” Она отвечала мне: “Доколе ты будешь глуп и несмыслен, обо всем спрашивать и ничего не понимать? Это те, которые имеют веру, но имеют богатства века сего; и когда придет

гонение, то ради богатств своих и попечений отрицаются Господа". Я на это говорю ей: "Когда же будут они угодны Господу"? – "Когда обсечены будут, – отвечает она, – богатства их, которые их утешают, тогда они будут полезны Господу для здания. Ибо как круглый камень, если не будет обсечен и не откинет от себя кое-чего, не может быть квадратным; так и богатые в нынешнем веке, если не будут обсечены их богатства, не могут быть угодными Господу. Прежде всего ты должен знать это по себе самому: когда ты был богат, был бесполезен; а теперь ты полезен и годен для жизни, и ты сам был из числа тех камней.

Прочие же камни, которые были отброшены далеко от башни, катились по дороге и с дороги скатывались в места пустынные, означают тех, что хотя и уверовали, но по сомнению своему оставили истинный путь, думая, что могут найти лучший. Но они обольщаются и бедствуют, ходя по путям пустынным. Камни, упавшие в огонь и горевшие, означают тех, которые навсегда отпали от живого Бога и которым по причине преступных похотей, ими творимых, уже не приходит на мысль покаяться". – "Кого же означают камни, которые падали близ воды и не могли скатиться в нее?" – "Тех, которые слышали Слово и желают креститься во имя Господа, но потом, когда приходит им на память святость истины, уклоняются и опять ходят по своим порочным пожеланиям". Так кончила она объяснение башни.

Но я, будучи настойчив, спросил ее: "Есть ли покаяние для тех камней, которые отброшены и не годились в здание башни, и будут ли они иметь место в этой башне?" Она говорит: "Есть для них покаяние; но в этой башне не могут они иметь места, а пойдут в иное, низшее, и при том уже тогда, когда они пострадают и исполнятся дни грехов их.

И за то они будут переведены, что приняли слово истинное. И тогда избавятся они от наказаний своих, если придут на сердца их порочные дела, которые они творили, и покаются. Если же они не почувствуются, то не спасутся по упорству своего сердца...”

Я спросил ее и о времени – не конец ли уже теперь? Но она громко воскликнула: “Несмысленный человек! Ужели не видишь ты, что башня всё еще строится? Когда башня будет окончена и построена, тогда и придет конец; но она будет окончена скоро. Не спрашивай у меня ничего более. И этого напоминания и обновления душ ваших достаточно для тебя и для всех святых. Не для тебя одного это открыто, но чтобы ты возвестил всем”.

...А в заключение Разумник еще извлек сведения из рукописной заметки, затерявшейся в самой середине сборника. Помимо первых трех выстроенных на Руси в одиннадцатом веке Софий в ней отмечались и еще несколько тезоименитых соборов: поставленный Иваном Грозным в Вологде и воздвигнутый при малолетних царях Иване Пятом и Петре Первом в Тобольске, которые доныне служит самым древним каменным строением русской Сибири.

Кроме того, назывались там двое Софийных храмов, основанных при Иване Третьем на Москве – но не в Кремле или Китай-городе, а в городе Белом и Замоскворечье. Причем замоскворецкая церковь дала свое имя и расположенной как раз против Кремля Софийской набережной, посередине которой в прошлом столетии выросла еще свеча колокольни, где был освящен свой особый престол в честь иконы Богоматери “Взыскание погибших” – и по сей день она ведет, теперь уже немую, но вполне красноречивую беседу с кремлевским Иваном Великим.

Младший сын Чародея Всеслава Святослав-Георгий был женат на Софии, – продолжал Разумник векопись, остановившись в качестве основного источника опять-таки на местной рукописи, которую только дополнял из иных книг. – А у них родилась дочь, следовательно Чародеева внучка, с языческим именем Предслава, явившаяся на свет в тысяча сто и первом году по Рождестве Христове.

Далее он сокращенно выписал ее историю из своеобразного жития, созданного при княжой Софиевской церкви:

”И только бысть любяща учение, якоже чудиться отцу ея о толице любви ея. Вести же разнесшейся по всем градом и весем о мудрости ея и блазем ведении и телесной утвари – бе бо лепа лицом, красота же ея многи славныя князи на любление приведе ко отцу ея; кождо их тщашеся, да бы пояти ю в жену сыну своему, и всем часто присылающим ко отцу ея, – он же отвечаваше: воля Господня да будет.

Един же, преодолеваше славным своим княжением и богатством, прислав, испроси дочь князя за сына своего. И, приведше ей в возраст двенадцати лет, нача отец ея глаголати княгини своей: уже лепо нам дати Предславу за князя. Тогда, слышавши тот совет, Предслава размышляше в себе, глаголющи: како се будет, яко отец мой мыслит припрячи ми мужу? Аще тако, то печали мира сего никако же имам избыти! А слава его есть прах и пепел, яко дым расходитя и яко пар водный погибает...

И, тако ей размышляюще в сердце своем, ум же на Божию любовь подвизая и единое положи себе на сердци помышление таково: не се ли бы лучше всего жития было, да бых ся постригла в черницы и была под игуменью, повинующися сестрам и уча-

щися, како страх Божий утвердити в сердце своем и тако течение скончати. Сия на уме ся положши и, утаившися от отца и матери своя и всех домашних, поиде в монастырь.

В та же лета бяше игуменнею княгиня вдова Романа Всеславича. Прииде к той Предслава и просящи прияти ангельского образа, дабы причитатися сущим ту инокиням и быти с ними под игом Христовым. Видевши же оная блаженная жена юность и возраст цветущий Предиславы, смятесе, нача сердцем ужасатися и, лице в землю приклоньши, на долг час поникши, зре на младость ея, воздохну, прослезися и глагола: чадо мое, како могу сие сотворити? Отец твой, уведев, со всяким гневом возложит вред на главу мою, понеже юна еси ты возрастом и не можеш понести тяготы мнишескаго жития – и како можеш оставили княжение и славу мира сего?

Блаженная же отроковица отвещаваши: госпоже и мати! вся видимая мира сего красна суть и славна, но вскоре минуют яко сон или яко цвет увядает; вечная же и невидимая во век пребывает. Или отца моего ради не хочеш мя острищи? Не бойся его, госпоже моя, убойся паче Господа, владеющаго всей тварию, и не отлучи мене от чина ангельского.

Блаженная же княгиня игуменья, дивяшесе разуму отроковицы и любве к Богу, повеле быти по воле ея. И, огласив, иерей остриже ю и нарече имя новое Евфросиния, еже есть гречески радость, и обече в черныя ризы. И благослови ю игумения от святых отец, рече ей: буди, чадо, последствующи прежде тебя бывшим женам Февронии и Евпраксии и иным множеству, иже Христа ради пострадали, да Господь Бог даст ти победу и силу на супротивника нашего диавола. И, рекши ей тако, отпусти во келию.

Уведев же сия, отец ея скоро иде в монастырь и жалостно терзаше власы главы своея, любезно целоваше ю и глагола: горе мне, чадо мое, почто ми сице сотворила еси и печаль души моей принесе? Почто ми прежде сего мысли сея не явила еси? Люте мне, чадо мое сладкое, жалосте сердца моего – о, горе мне, чадо мое милое! Как поборет доброта твоя вражье пронырство? Уже досит ми плакаться оструплению душею ко Богу моему, да внидеши в чертог царствия Его.

Жалость бе всем в дому его о ней. Преподобная же Евфросиния оттоле нача паче подвижнейша быти, собирающи мысли благия в сердце своем, яко пчела сот [...]

...блаженная Евфросиния заложи церковь каменну святого Спаса, и от начатка доспе ее за 30 недель.

И се хочу вам, братие, чудо сказати. Ее муж именем Иван, приставник над делателями церковными. К нему же приходяше многажды глас, едва свитающи дни, глаголя: о Иване, восстани и поиди на дело Вседержителя Спаса! И, во един от дний, востав, прииде ко блаженней Евфросинии и рече ей: ты ли, госпоже, присылаешь понуждати мене на дело? Она же рече: ни. И, паки рассмотревши, премудрая жена рече ему: аще и не аз тя возбуждаю, а кто тя ни позывает на таковое дело, того послушай прилежно с потщанием.

И паки другое чудо скажу вам, добрии послушницы. Уже скончанней бывши церкви, и мало не доставши плитам, нечем бяхе храм крыти – аще и сугубо поискавше, не обретоша ничтоже. И печаловашеся о том Евфросиния, воздохнувше, рече: слава Тебе, Владыко Вседержителю и человеколюбче, даровавый нам большая, подай и меньшая воеже совершити церковь Твою. И, тако ей помолившуся, заутро по устроению Божию обретошася в

печи плиты, и того дни совершися церковь и крест на ней восставиша.

Видевши же преподобная Евфросиния монастырь свой украшен и всего благаго исполнен, умысли создати вторую церковь каменную святей Богородице. И ту такожде свершивше, иконами ее украси, освяти и предаст ю мнихом, сего ради бысть другой монастырь велий.

Видевши же блаженная монастыря два устроена для жен и мужей, превелика зело и пребогата, рече в себе: слава Тебе, Владыко, благодарю Тя, святой! Что есмь восхотела, подал еси ми, Господи, желание сердца моего. И паки рече: помилуй мя, Господи, и скончай прошение мое, дабы видела пресвятую Богородицу Путеводительницу в сей святей церкви. И посла слугу своего Михаила в Царьград к цареви Мануилу (здесь Разумник добавил из поздней печатной истории, что другая дочь Всеслава Чародея и, следовательно, родная тетка Евфросинии была замужем за этим византийским императором из династии Комнинов) и к Патриарху Луце с дары многоценными, просяще от него образа святыя Богородицы, еже евангелист Лука написа. Три иконы Богородичны бо созда врач сей и живописец при самом животе Божией Матери, и едину постави во Иерусалиме, другую в Царе-граде, а третью в Ефесе. Она же с прилежанием прошаше Ефесския иконы. Видев царь любовь ея, посла во Ефес семьсот оружников своих и, шедше, принесоша образ святой во Царь-город. Патриарх Лука собрав епископы в собор святой Софии и, благословив, дает чудотворную преподобной Евфросинии послу.

Она же, внесши в церковь святыя Богородицы, постави ту и, воздевше руке, рече: слава Тебе, Господи, и паки реку — слава Тебе, Владыко, сподобивый мя видети образ днешний Матери Своея. И, се

рекши, украси златом и камением многоценным, устави по вся вторники носити по святым церквам”.

Тут Разумник несколько нарушил временную последовательность и добавил, что в 1239 году перед этой самой Эфесской Богоматерью венчан был в городе Торопце святой благоверный князь Александр Невский с дочерью князя из Рогнедина рода Брючислава, в память чего образ остался водружен в торопецком соборном храме.

Рядом он приложил и краткое сказание о наиболее знаменитой и вместе загадочной святыне, на которой единственно сохранилось не житийное, а историческое упоминание княжны Евфросинии – получившем ее имя вкладном на престольном кресте...

В крест были включены частицы священных мощей и реликвий: капля крови Христовой, часть древа креста Господня, камень от гроба Пресвятой Богородицы с собственным Ее изображением, частицы мощей первомученика Стефана, кровь святого Димитрия, часть останков целителя Пантелеимона, при которых еще шла надпись о созидателе креста: ”Господи, помози рабу своему Лазарю, нареченому Богъши, сделавшему Крест сей церкви святого Спаса и Офросинии”.

На кресте помещались финифтяные изображения Спаса, Богоматери, Иоанна Крестителя, архангела Гавриила, благословляющего Деву Марию, четверых евангелистов, апостолов Петра и Павла, трех вселенских святителей – Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого, первомученика Стефана, великомученика победоносца Георгия, святых мучеников Димитрия воина и целителя Пантелеимона, небесной покровительницы княжны Евфросинии Александрийской – и ангела ее матери, святой Софии.

Затем Сельнокринов прибавил оспариваемое ученою братией, но явное для сердечной веры известие историка Татищева, что княжна создала при своей обители первую на Руси женскую школу – "собравши же младых девиц неколико, обучала писанию, також ремеслам, пению, швению и иным полезным им, да от юности навыкнут разумети закон Божий и трудолюбие". И вновь возвратился на путь жития:

"Видевши же, яко Бог просвети монастыри ея, глаголаше преподобная: абы мне дойти еще святаго града Иерусалима и поклонитися гробу Господню и всем святым местом видети и целовати, и тамо живот свой скончати [...]

...И посем поиде во Иерусалим, взявше с собою брата своего Давида и сестру Евпраксию. О, дивное чудо: не бываше ни в коей стране, ни во граде, ни в селе – ныне же, взявши мужскую крепость, премину вся грады и власти и принимаше от всех князей честь велику. И, тако прошедше страны, сrete ю цесарь, идый на Угры, с великою честью и посла в самый Царьград [...]

И ...изыде в преждереченный монастырь Богородичный, идеже бе обитала. Ту посещением Божиим впаде в недуг и нача болети. И тоя же ради болезни не може тещи на Иордан – поиде ту брат ея Давид, сестра Евпраксия и сущии с ними. Она же дежащи на ложи своем и, егда приидоша бывшии на Иордане, принесше от него воды – с радостию восстала, приемше и пивше, облиая по всему телу своему, и возлегла паки на ложе.

И вскоре посла в лавру святаго Саввы, глаголющи: се уже приспе время, да Бог мя покоит, примите мя, дабы легла в храме святаго Саввы. Отвеща же ту сущия иноцы: имеем запрещение от преподобнаго жены не примати никоеяже; но се ти есть монастырь Богородицы Феодосиев общий, в

нем же лежат святые жены – матери святого Саввы, и матери святого Феодосия, и матери святых безмездников Космы и Дамиана именем Феодотия, и инии многи святии – ту ти подобает лежи.

Пришедши посланному от нея, возвести сия Евфросинии. Она же о всем похвали Бога и, пославши, купи гроб в комаре святые Богородицы. Лежаще в болезни своей 24 дня, позна свое скончание и рече: призовите пресвитера, да даст ми причащение святых таин; уже бо звать близ предстоит, ждый повеления Владычн. И прииде пресвитер, несый причащение. Она же, вставши, поклонися трижды и прием Пречистое Тело и Честную Кровь Христову, возлеже на одре своем и предаст душу в руке Бога жива, в покой небесный, месяца мая в 24 день в лето от Рождества Бога Слова 1173-е. Давид же и Евпраксия с прочими спряташа тело ея честно...”

Вопреки ожиданиям и даже прямому закланию, мощи и крест Евфросиниевы ожидало множество дальнейших земных странствий. Уже через четырнадцать лет по преставлении русской княжны в самой середине христианской вселенной, город был захвачен султаном Саладином, который приказал всем неприемлющим ислам покинуть Иерусалим вместе с имуществом.

Некие единоплеменники Евфросинии взяли “единое на потребу” достояние – ее святые мощи, привезли на родину и поставили их в великой лавре Киево-Печерской, где они пролежали целых семеро веков в Дальних пещерах. Но и на том месте не нашлось им окончательного покоя – как не обрел вечной пристани перенесенный впоследствии в собор Софии вкладной ее крест, проторивший дорогу даже за океан.

ЗВЕЗДА ХРАМОВНИКОВ

”...все внуце Всеслави! уже понизите стязи свои, вонзите свои мечи верезени (затупившиеся), уже бо выскочисте из дедней славе”, – продолжил историческую ветвь сказания Разумник отрывком о потомстве князя-чародея из Слова о полку Игореве.

Призыв ко смирению, произнесенный в конце двенадцатого столетия неизвестным по имени певцом, пришелся куда как впору – ибо именно в том же самом XII веке сын Владимира Мономаха Мстислав выслал детей и внуков Всеслава к дружественному тогда ему византийскому императору, где большинство из них сгинуло на военной службе. Но одному все-таки удалось выбраться и вернуть прародительский стол – звали его Василько.

Последним же мужчиною в роду Изяслава стал Брючислав, перебравшийся в конце жизни в Витебск. Междоусобная замятня завершилась женитьбой Александра Невского на его дочери, произошедшей в 1239 году в Торопце перед той самой Эфесской иконою Богоматери, что добыла в Византии для Руси внука Всеслава преподобная Евфросиния.

Другую дочь брячиславоу взял за себя племянник великого литовского князя Миндовга Товтивил, и с той поры здешний стол вместо людей, чьи имена оканчивались на ”славу”, начали занимать уже другие с прозваниями, звучавшими для славянского уха вчуже: Гердень, Витень, Ягайло, Гединин, Скиргайло, Казимир...

Впрочем, большинство населения оставалось еще русским и православным, так что даже государственным языком Литвы всенародно провозглашен был церковнославянский. А когда Ягайло опрометчиво прислал в город наместником своего брата-язычника Скиргайла, отказавшегося принять

святое крещение, то расвирепевшая толпа в ответ посадила его на лошадь задом наперед и под свист да улюлюканье прогнала за стену детинца. Пришлось упрямому идолопоклоннику смириться, и через несколько лет он был крещен Иваном.

Городская дружина участвовала и в Куликовской битве, потому что сестра здешнего князя Андрея была замужем за двоюродным братом Димитрия Донского – Владимиром Андреевичем Серпуховским.

Но основной удар целил сюда с Запада: как раз кременецкие люди первыми из славянских племен страны столкнулись с тевтонским и ливонским рыцарством. Немцы явились сначала в балтийских низовьях Западной Двины близ тех мест, где впоследствии возник город Рига – изначально они числились владениями наших князей. Затем двинули вверх по течению, всё ближе подступая под сотворенные самою природой твердыни Кременца. Кременчане вполне ясно видели размах и направление угрозы и недаром выставили в 1242-м целый полк на подмогу Александру Невскому в Ледовом побоище.

Распря двух названных орденов за Кременец решил, как это зачастую водится в истории, третий – дружина "храмовников": здесь была самая восточная точка, какой им удалось достигнуть после того, как превратившиеся из крестоносного воинства в потайное антихристово сообщество тамплиеры вынужденно покинули пределы Ближнего Востока.

Подгадавши безвременье междувластия русских и литовцев, они ловко воспользовались вероисповедными разногласиями прежде довольно мирно уживавшихся с коренными православными – пришедшей из лесу языческой жмуди, изгнанных из отечества григориан-армян, новоявленных

от Польши католиков и бежавших из очередного временного убежища в рассеянии иудеев, — и захватили Верхний Замок на соборной горе, принявшись править оттуда свою власть над городом и всем княжеством.

Внешне София была объявлена тогда орденским святилищем, куда днем могли приходить все последователи Христа. Но в подклете, как скоро разнеслось под рукою в людях, учинено было внутреннее храмовниково капище. Там собирался для своих суждений орденский капитул, тут же посвящали новых братьев, после чего открывали им учение о том, что Распятый оказался лжепророком, лишенным всякой видимой и невидимой власти. По пятницам, среди коих в отменности почиталась Страстная, как годовщина казни Иисуса, брат-принимающий, именовавшийся по-латыни "рецептором", доставал из футляра украшенное золотом и серебром металлическое изваяние по имени Бафомет, напоминавшее не то череп мертвеца, не то лицо старца с большой бородою, говоря новичку: "Верь в него, ему доверяйся — и благо тебе будет".

Тот должен был с непокрытою головою поклониться до земли, затем ему надевали "пояс Бафомета" — шерстяной шнур, делавшийся талисманом посредством прикосновения к идолу: это опоясывание никогда не могло быть впредь снято с тела посвященного, чтобы он неизменно находился под неусыпным покровительством его чародейной силы, и оно же служило сокрытым знаком, по которому допускали к участию в мистериях.

Далее первопринятый обязан был лобызать брата-рецептора и присутствующих при инициации старших посвященных в срамные части, наименование которых даже в ученых трудах до последних времен писалось лишь по-латыни. И это было не просто доказательство того, что он способен

смириться до зела ради исполнения орденового долга. Как выяснилось гораздо позднее, среди храмовников в обычае была любовь только между мужчинами, ибо они крепко подозревали – не без оснований, – что связавшийся с женщиною рано или поздно нарушит обеты молчания и выдаст все тайны.

Таковы были житейские правила членов ордена, конечной же верой их служило исповедание двух правящих светом начал, доброго и злого; причем поскольку высший благодетель Создатель пребывал на недоступной человеку высоте, поклоняться следовало лишь низшему творцу, создавшему грешный мир и правящее в нем зло – только он, по тамплиерским повериям, обладал силой приносить своим служителям здоровье, наделять их благами и сокровищами...

На протяжении последующих веков ученые мужи во множестве подвергали сомнению стойкое народное предание о том, что некогда собор Софии попал в руки антихристово войнства, – и постепенно отвержение его стало общепринятым. Однако в совсем недавние годы при разборке засыпанного подклета, где намеревались устроить подземный музей древнего быта, были во множестве раскопаны тонкие кирпичи-плинфа, испещренные тамплиерскими печатками – нарисованной не отрывая линии пятиконечной звездой, именуемой греками пентаграммою, а французским наречием пентаклем, мечеными буквами Т (тамплъ – то есть храм) или латинскою монограммою Жака Молэ, последнего великого магистра ордена, сожженного королем Франции Филиппом Красивым и папою Климентом в Париже 11 марта 1314 года.

Тем не менее, гостевание рыцарей сатанинского храма в соборе продолжалось, по всей видимости, недолго, хотя подлинных хартий о том не сохрани-

лось или они были предусмотрительно уничтожены, – и не будь немо вопиющих кирпичей с пятипалым тавром, пришлось бы и нам посейчас почитать всё это вековое сказание за пращурову сказку. Но еще одним косвенным, хотя и весьма весомым доказательством служит участие дружины княжества в знаменитой Грюнвальдской битве 1410 года – ее привел туда сам наместник Кременца Иван Немир; наши воины столь славно потрудились на бранном поле вместе с союзниками, что после заката этого дня навсегда перестал существовать на белом свете соседний и сродный храмовникам Тевтонский орден.

Почти одновременно, всего за четверть века до сражения при Грюнвальде – или, как зовется это место по-литовски, Жальгирисе, – в 1386 году великий князь Ягайло, соблазнившись красотой польской королевы Ядвиги и обещанием единой власти над Литвою и Польшей, объединяемых браком двух своих владетелей, принял католичество и начал долгую войну, иногда лишь скрытно протекавшую под мирной личиной, за насильственный загон в римскую веру всех своих подданных.

Одним из светочей православного сопротивления в ней оставалась многие годы наша София. Недаром где-то во второй половине пятнадцатого или начале шестнадцатого веков ее подвергли частичной перестройке, обратив главы в башни, а всё здание в некое подобие крепости. Именно в этом храме в 1495 году слушала свою божественную службу дочь Ивана Третьего Елена – невеста великого литовского князя Александра. Она поставила условием заключения брака сохранение собственного православия и покровительство свободе исповедания для единоверных сородичей в Речи Посполитой, чего с немалым трудом добивалась до самой кончины.

Софию и ее землю пытался вернуть в состав Руси сын Ивана III Василий Третий, осаждавший город в 1518 году – впрочем, пока безуспешно. Исполнить отцовскую волю до конца взялся затем его горько-прославленный сын Грозный Иван.

ГРОЗНЫЙ ИВАН Спустя сорок пять лет после отцова похода царь Иван решил поправить недовершенное им дело и 31 января 1563 года с большим войском и мощным "нарядом" приступил под городские стены, – правил далее свою историю Сельнокринов.

Помимо всех потребных вещественных орудий осады немалое внимание уделил царь вооружению духовному, а посему не забыл и про крест преподобной Евфросинии. Еще в начале тринадцатого века его забрали в Смоленск, завладевший тогда среди прочего и кременецкой землею; отец же царёв великий князь Василий Третий в 1514 году, возвратив Смоленск Руси, перенес крест в московский Кремль. А под 1563 годом Никоновская летопись гласит:

"Когда же боголюбезный царь и великий князь, мысля итти на отступников крестьянския веры на безбожную Литву, бе же тогда в его царской казне крест украшен златом и камением драгим княжны Евфросинии... Царь же и великий князь обновити велел и украсить тот честный крест и взя с собою, имея надежду на милосерднаго Бога и на крестную силу победити враги своя, еже и бысть". Действительно, спустя четыре сотни лет Евфросиниино сокровище вновь возвращалось в отеческий край надолго – хотя и не навсегда.

Об осаде подробнее всего сообщает лишь недавно преданная тиснению летопись, называемая Лебедевскою:

”А сам царь и великий князь, пришед к городу и увиде верх церкви Софии Премудрости Божии, и послал в большой полк и во все полки бояром и воеводам, чтобы, пев молебны и прося у Бога помощи, знамена бы развертели. А владыке Коломенскому Варлааму и архимариту Чюдовскому и игумену Иосифовскому со всеми соборы повеле пети молебны и молити Господа Бога и Пречистую Богородицу и великих чудотворцев. Тогда же прииде ко благочестивому государю от архиепископа Пимина Новгородцкого игумен Ефрем Животворящая Троицы Клопскаго монастыря, нося благословение, образ Святыя Софеи неизреченныя Премудрости Божия, и воду святую на освящение и на утверждение царскому его благородию и всему христолюбивому воинству...” Про литовского наместника говорится в ней далее так: ”Воевода же и со всеми своими ближними и с семьями живяше во церкви Святыя Софии, нападе бо на них страх и ужас и ничим же противити ся могуще”.

Город сдался 15 февраля, воевода Довойна и епископ Арсений были отправлены на Москву. Царю устроили торжественный вход: ”Встрете же царя и великаго князя в градных в болших в воротах со кресты Софейской протопоп Феофан с Софейским собором и с священники. Царь же и великий князь, виде пречюдныя образы в церкви Святой Софеи и любезне припадая и моли Бога и Пречистую Богородицу и великих чюдотворцев, что даровал ему Бог и Пречистая Богородица образы их видети. И поиде к соборной церкви к Софеи Премудрости Божии. И, вшед в церковь, нача пети молебны Софейской протопоп з братиею и со всеми градскими священники. Действова же Коломенский епископ Варлаам. Видев же государь в церкви Святыя Софеи пречюдныя образы от древних ту бывших государей крестианских украшенных, и со

слезаит припадает и хвалу Господу Богу и Пречистой Богородице и великим чудотворцам воздаст, что не в конец безбожники Люторие церкви святые осквернили и разорили и святым иконам поругались...”

Столь настойчивое указание на поклонение самодержца чудотворным образам, Троице и Софии, кроме вполне понятной внешне борьбы с бурно зарождавшимся протестантством, имело и другую, менее известную потомкам причину. Царя возмущало не столько обращение католиков в лютеранство, сколько соращение ими природных русских – а тех и по ту пору было в Речи Посполитой презнатное число; недаром о них именно особо говорилось, что–де ”те люторы отпали святые православные веры”. Мало того, из среды крайних протестантов выделился толк противников Троицы – антитринитариев. Последователи этого толка действительно склонялись к ветхозаветному иудаизму, и те из них, кому удавалось бежать от тяжелой руки Грозного в раздираемую битвой вер и покуда терпимую к любому, самому буйному сектанству Польшу–Литву, случалось, на деле женились на природных еврейках – как Феодосий Косой – и переходили в сонм поклонников старого Моисеева закона.

Вот каково объяснение последовательной жестокости, с какой царь Иван преследовал отступников в отобранных назад русских землях. Еще прежде он в ответ на убеждения короля Сигизмунда–Августа допустить иудеев в свою страну для развития торговли резко возражал: ”И нам в свои государства никак ездити не велети, занеже в своих государствах лиха никакого видети не хотим, а хотим того, чтобы Бог дал в моих государствах люди мои были в тишине безо всякого смущения. И ты, брат наш, вперед о жидах к нам не писал...”

Посему, явившись лично туда, где бывал сам вождь антитринитариев Симон Будный, Грозный велел особо собрать иудеев, согласных креститься – крестить, а не согласных губить. Триста человек были пущены так под воду – “а которые в городе жили люди жидове, и князь великий велел их и с семьями в воду речную вметати, и утопили их”. Не самая страшная казнь времен великих европейских вероисповедных войн, она тем не менее будто клещ впилась в память исследователей и неизменно получала отражение во всех статьях о прошлом Кременца.

Именно тут попался в руки Ивану Четвертому другой ересиарх из числа врагов Святой Троицы, инок-расстрига Фома, успевший образовать около себя целую общину из совращенных славян – его-то царь повелел вывести на лёд и спустить в прорубь в первую голову. Попутно он разорял и латинские костелы, а союзные татары побивали членов ордена бернардинов. Архиепископом был назначен постриженник Иосифо-Волоколамского монастыря, то есть главной твердыни борьбы с антитринитариями, крепкий неприятель лжеучителей москвич Трифон.

Иван IV вскоре включил в свой титул имя местного княжества. Летописец свидетельствует также, что “месяца апреля в 4 день царь и великий князь по совету отца своего и богомольца Макария, митрополита всеа Руси, и богомольцев его архиепископов и епископов и всего освященного собора, учинил в своей отчине у Софии Премудрости Божией архиепископию”.

Для защиты города был вновь насыпан вал, сохранившийся по большей части донныне. В Нижнем замке Грозный оставил под командою воеводы князя Петра Шуйского отряд стрельцов, поселившихся там слободою. Поскольку при приближении

русских войск монахини Евфросиниевского монастыря поголовно бежали, крест ее был положен в Софийском соборе, где и находился вплоть до девятнадцатого века. Сам же Кременец, как отмечали современники, был тогда весьма густ населением – его числилось до ста тысяч душ, то есть он считался многолюднее и богаче литовской столицы Вильны; состоял из двух замков наверху и внизу и еще поселения Заславья, был окружен помимо природных каменных обрывов рукодельными рвами, валами и деревянной стеною на предмостном укреплении.

Сотворивши благодарственный молебен, царь Иван проследовал с войском вперед к Великим Лукам, успев бросить изречение, запавшее на страницы истории. "Берега Славы, – сказал он нарочно обоюдосмысленно, – серебряные, а дно у нее – золотое".

Со времени этого взятия злато-серебро спокойно пролежало в царских руках целых семнадцать лет, покуда в августе 1579 года к нему не подступил польский король Стефан Баторий.

БАТОРИЙ Король Стефан, – снова поторопился удалиться в благородную старину Разумник, – происходил из старинного венгерского рода, шедшего из одноименного ему города Батора; а тот, в свой черед, вел имя от тюркского слова "батыр", что означает храбрец – которому, кстати, и наш "богатырь" родной брат. Сперва он состоял князем на Семиградье, а с 1576 года был избран на польский престол, после чего ретиво взялся воевать с Иваном Грозным и сумел-таки его изрядно потеснить. Уже три года спустя, в 1579-м, он подступил и под наши стены. Описание осады города оставил находившийся в королевском обозе Гейден-

штейн. В его "Записках о Московской войне" есть в числе прочих такие слова:

"Сам пресловутый замок, и особенно находящийся в нем храм Софии, где, по слухам, хранились будто бы древнейшие произведения искусств, серебряные статуи, драгоценнейшие приношения прежних русских князей, – всё это разжигало алчность солдат надеждою на огромную добычу". Жадность достигла таких размеров, что осаждавшие даже убили нескольких перебежчиков, принесших предложение о сдаче – чтобы не лишиться себя трофеев, ибо по средневековому праву войны добровольно сдавшийся город не отдавали на разграбление.

Кременец, впрочем, действительно не мог или не хотел крепко противостоять осаждающим. "Только епископ Киприян, – пишет далее Гейденштейн, – которого они называют "владыкою", и воевода, находившийся в замке, сильно противились сдаче, предпочитая лучше умереть, чем живыми предаться неприятелю. Они еще раньше, при общем пожаре, старались взорвать посредством пороха всё и всех, находившихся в замке, но солдаты не допустили их до этого. Тогда они, по общему между собой согласию, удалились в Софийскую церковь, решившись не иначе выйти оттуда, как только уступая силе".

Когда же замок был все-таки захвачен, историк вновь главное внимание уделяет Софии: "Храм громаден, на отличной местности, великолепно построен из камня. Он принадлежит многочисленным последователям греческого обряда, которые с древнейших времен обладали им... Найденная там библиотека имела, в глазах ученых, почти такую же цену, как и прочая добыча. В ней, кроме летописей, оказалось много сочинений ученых отцов греческой церкви, между прочим и Дионисия Ареопагита о Небесной и церковной иерархии, – всё

на славянском языке. По словам их летописей, многие из этих книг переведены с греческого святыми Мефодием и Константином”.

Книги были вывезены в Польшу, в краковскую королевскую академию и варшавскую академию Замойских. Доныне их сохранилась дюжина: одиннадцать в Варшаве и одна во Львове.

Город и храмы подверглись при взятии разгрому. Почти все пятнадцать православных монастырей Баторий передал в руки иезуитов, в том числе и Евфросиниеву обитель. Тогда же в ордене Иисуса сочинили легенду о никогда не существовавшей сестре Евфросинии Параскеве, которая якобы в отличие от нее ездила уже не в Святую Землю, а в Рим, где и умерла преданною поклонницей. С июня 1580 года, то есть уже на следующее лето после приступа, город стал одной из резиденций иезуитских, а еще через год тут был открыт орденский коллегийум с преподаванием на русском языке.

Вслед за тем Баторий взял Великие Луки и осадил Псков – но его добыть уже не смог. С помощью папского посредника иезуита Поссевино в 1582 году был заключен тягостный для Руси мирный договор, согласно которому вся кременецкая земля отошла во владение Польши; сам же король умер спустя четыре года, накануне турецкой войны, в Гродно.

Еще до его избрания на престол, в 1569-м на сейме в Люблине Литва и Польша окончательно объединились в одно государство, где католики принялись рьяно насаждать свое единое понимание христианства. А потому в 1595 году последовало подписание другой унии – религиозной, насильственно заключенной в Бресте, в соответствии с коей православные подданные Речи Посполитой, до поры удерживая собственные обряды, переходили в верховное подчинение папе. Среди имен прочих

первоотступников значится под нею подпись и здешнего епископа Григория-Германа Загорского. Засим в городе учреждена кафедра униатских архиепископов, и собор Святой Софии сделался средоточием униатства на долгих 343 года.

ИОСАФАТ - БОГ СУДЬЯ

В иезуитской коллегии, которую сперва возглавил проповедник Петр Скарга, поначалу было лишь пятеро учеников – народ не благоволил перемене веры; но постепенно она все-таки увеличилась до полных трех классов. Помимо "ордена Иисуса" в городе явились также последователи кармелитов, мариавитов, доминиканцев, бернардинов, францисканцев, пиаров и других.

В отличие от католиков, православие не знало орденского движения; однако – и лишь – в западных землях, столкнувшись с ними, оно принуждено было искать какой-то ответ. И тогда в середине шестнадцатого столетия были созданы братства – сперва как цеховые объединения. Во главе их стоял староста, за ним следовали братья или министры, старшины и младшины, подмастерья – "товарышы", полуподмастерья-пахолки и хлопцы-учни. Пока храм за храмом в городе отходили католикам и униатам, в 1601-м образовалось два цеха и первая братчина для борьбы с унией; единственный никогда не склонившийся в раскол монастырь во имя Богоявления впервые упоминается в 1633 году – а доньше дошедший его собор был выстроен между 1761 и 1777.

Словно живое воплощение этой жестокой распри между христианами в 1607-м сгорело сердце города – Святая София. После длительной починки она была отдана под архив, а служба возобновилась лишь около 1618 года. Сперва даже думали вовсе

упразднить ее и разобрать стены на кирпич – но сейм Посполитой Речи уважил просьбу воеводских послов, разрешив выстроить и поправить руины собора. Тогда-то София была окончательно обращена в крепость, пятерка куполов исчезла и уступила место единственному срединному, который вместо шлемовидного сделался шатровым.

Перестройку эту завершил один из самых известных деятелей края архиепископ Иосафат Кунцевич, чье имя переводится на наш язык как "Бог судья".

В миру он звался просто Иваном, родился в семье сапожника и лишь позже переделал фамилию на шляхетский лад. Вышедши из православной белорусской семьи, попал сперва во Владимире-Волынском, а позже в Вильне – где служил у богатого купца, – в обучение к иезуитам, которые довольно ловко переправили Ивана в свой толк. После окончания иезуитской академии он вступил в орден базилиан – так во имя православного святого Василия Великого назвали созданное униатами общество; был пострижен самим основателем унии первоотступником митрополитом Ипатием Поцеем в 1604 году и ревностнейшим образом взялся за совращение единоверцев в чужое согласие – его за это прозвали "душехвatom", ибо Иосафат не терял времени для уловления даже на улице.

В 1617 году он был назначен в наш город епископом-коадьютором – то есть как бы заместителем главного. При торжественном вступлении на новый престол его встретили городские власти и старец-архиепископ, который вскоре скончался. В приветственной речи прозвучали предостережением слова: "Если ты к нам не с униєю, то мы принимаем тебя, яко Ангела Господня; если же с униєю – то чураемся, как выходца из преисподней..."

Однако он был именно из последнего числа и вскоре вполне явственно сие доказал. Говоря, что имеет высшим наставником "патриарха", он осуществлял известную "умственную оговорку" иезуитов – ибо они тоже лицемерно почитали римского папу, среди прочих его имен, патриархом Первого Рима. Иосафат немедленно отправился по городам, где неопустительно служил в храмах униатскую обедню – а потом, на основании того, что она там произошла, требовал передачи их в унию. Сопровождающихся же продаже отцовских заветов он ковал в железо, а церкви запирали или отдавал прямым католикам.

Притеснения со стороны нового владыки достигли того накала, что население края обратилось к польскому сейму с прошением: "Отступник владыка, чтобы досадить мещанам, приказал вырыть недавно похороненные подле церкви тела умерших и бросить на съедение собакам, как некую падаль. О, нечестие! О, невыносимая неволя! И подобные беззакония, подобную неволю хуже турецкой терпим по всем воеводстве и поветам мы, народ русский". Прощение не получило ответа.

Не было его и у открытого послания к Иосафату литовского великого канцлера – католика Льва Сапеги, который упрекал в насильственном проведении унии, именуя ее "сварливой и беспокойной подругою" римской церкви.

Иосафат отнял у православных в Витебске все до одного храмы; они построили за Двиною шалаш, где и продолжали править свою службу. Когда посланный им архидиакон схватил священника и повлек его за собою на суд, братчики сбросили шапки – знак согласия к делу защиты – и ударили в ратушный колокол. Отступник Иосафат был пойман народом, его рассекли бердышом и бросили на тело в оказание позора дохлую собаку. Это произо-

шло 12 ноября 1623 года; после всеприлюдного позорища труп швырнули в реку.

Папа чрезвычайно озаботился наказанием за Иосафата, написав королю: "Проклят человек, который удерживает меч свой от крови!.. При таких отвратительных преступлениях милосердие есть жестокость". Два бурмистра и восемнадцать горожан погибли на плахе, сотня других, приговоренных к казни, бежала к казакам. Две православных церкви были разрушены до основания, со всех колоколен сбросили звон. Витебск был лишен магдебургского права, жители обязаны на свой счет отстроить великолепный собор на месте казни Иосафата. Тело по Славе доставили в наш город и погребли в Софии. Через год его достали из земли, торжественно отпели вновь и положили в серебряную раку.

В 1643 году папа Урбан VIII признал Иосафата блаженным. В 1654 при приближении русских войск боярина Шереметева останки увезли – сам же боярин забрал гробницу, которую впоследствии вернул. Пий IX в 1867 лето причислил Иосафата к лику святых, провозгласивши его покровителем Руси и Польши.

В 1655-м прах перенесли в белорусское местечко Жировичи, а затем и далее – в польское Замостье. Он ненадолго возвращался в Кременец, но потом, после знаменитого случая с Петром Великим – о котором речь еще будет впереди, – кости перенесли в город Бела, где они были открыто поставлены с 1769 года для поклонения. Состояние останков постепенно ухудшалось, и в 1874-м в том же польском городке их замуровали в склеп.

А Софийский храм отдали в руки ордена базилиан.

**АЛЕКСЕЙ
МИХАЙЛОВИЧ**

Русский царь вновь занял город во время польской войны в 1654 году, и почти тотчас, 13

июля, София была переосвящена от униатов.

А в первый день августа Иван Тимофеев сын Веризин произвел ее имуществу подробную опись:

"Соборная церковь Софеи Премудрости Божии, строение прежних государей царей и великих князей Московских, каменная, а в ней местные образы Деисусы и царские двери Греческого писма на золоте. На престоле два Евангелия с Евангелисты серебряными, одно с басмьяными, а другое с резными. Крест благословенной, обложен резным серебром. Образ Пресвятые Богородицы Одигитрие Владимирские в чюдесех, Московского писма, обложен басменым серебром, а венца и цаты нет, в киоте, и тот образ стоял за правым крылосом у столпа, где была Римская служба. В тое ж соборную церковь снесено из иных унейских церквей Деисус и образы местные и пророки и меньшие Пядницы святых, Московского писма. Печатных писмьяных 4 книги церковных ветхих, Треодъ постная да цветная, Апостол печатной ветхой, Минея печатная общая, в полдестъ, Потребник печатной, две Минеи печатных Сентябрь да Октябрь, Псалтирь печатная, синаник Русских родителей, пять книг харатейных старых, два Ермолая, ризы комчатая белы, оплечье бархат червчат, ризы рудожелты отласные ветчанные, ризы Индейской камни рудожелты, оплечье зеленое полосатое, да ризы ветхи белые камни, оплечье бархат червчат с плащаницами, шито золотом и серебром, да полица ветчатая отлас лазоревой, патрахель ветхая отлас лимонной, четыре пелены ветхи старинные, уларь камчатой, семеры поручи ветхи, хоругвь ветхая, написана Троица, два кадила медные ветхие, чаша медная болшая, в чом воск топят, два ковришка да подножие властелинское, четыре

подсвечника медных болших пред местными обра-
зы, четыре шандельца медных маленьких, что ста-
вят под свечами, как воду святят, два паникадила
да четыре шандала медных, гривенок по десяти
шандал, принесены из костела с Язовитцкаго
двора.

В той же церкви пять сундуков с книгами пе-
чатными и с писменными и со всякими Литовскими
писмами, да на колоколнице два колокола болших,
один в 100 пуд, а другой в 50 пуд, три колокола в
30 пуд. У церкви и у паперти трои двери железные.
Да из-за реки привезены от церквей пять колоко-
лов середних и малых, да от костела, что был в
городе, взят колокольчик...”

Через тринадцать лет, по Андрусовскому дого-
вору город и София его вновь отошли к Польше.
Тогда же стараниями иезуитов была окончательно
закрыта школа при православном Богоявленском
братстве. Но один из ее преподавателей по имени
Самуил Емельянович Петровский-Ситнианович
ушел с царем Алексеем и при его дворе стал знаме-
нитым писателем Симеоном Полоцким – взяв но-
вую фамилию от родного места.

БОГОМАТЕРЬ НА МИНАРЕТЕ

Повидавши нашествие литов-
цев, тевтонов, поляков, молда-
ван – чей воевода Богдан при-
ходил в 1509 году, – Кременец в семнадцатом сто-
летии сподобился узреть под своими стенами также
турок и их тогдашних союзников казаков.

В 1648 и 1651 его осаждал сам Хмельницкий, но
взять все-таки не смог – а памятливая судьба вза-
мен именно здесь развязала последний узел в умо-
помрачающем бытии его сына и преемника Юрия.

”Хмельниченко” был избран после смерти отца
хлопцем шестнадцати лет в нарушение всех преж-

них казацких обычаев, не признававших наследования у владельцев верховной булавы. Вскоре он увидал свою неспособность править и отдал власть отцовскому сподвижнику Ивану Выговскому, отправившись учиться в Киевскую духовную академию. Выговский постепенно перешел к союзу не с Москвою, а с Посполитою Речью, подписав наконец даже договор о новом присоединении к ней Украины. Тогда на несогласной раде близ Белой Церкви его противники вновь посадили на гетманство сына Хмеля. В 1660-м девятнадцатилетний гетман выступил вместе с московским войском боярина Шереметева в поход против Польши. Он оказался крайне неудачен: боярские силы были разбиты татарами, Шереметев пленен, а осажденный в крепости Юрий после трехнедельного сидения сдался и присягнул королю на условиях того самого Гадяцкого договора, который заключил Выговский.

Тут уже против поляков восстало всё Левобережье Днепра во главе с шурином Богдана – и, следовательно, юрьевым дедом – Якимом Сомком. Хмельниченко сперва успешно осадил его в Переяславле, но затем, за подмогою ведомых Ромодановским русских, верх стал брать уже Сомко – покуда не был отброшен обратно татарами. Их приглашали почти все участники междоусобной руины, а они, в битвах часто переметчивые, зато неизменно подвергали край страшному опустошению.

Меж тем у Юрия развилась от государственных неудач черная тоска – меланхолия. На раде в Корсуне в 1662 году он вновь отрекся и постригся в Консунском монастыре под именем Гедеона.

Однако, пишет историк, и черный клубок всё же освещался отблеском отцовской славы, почему новый гетман Тетеря, обвинив молодого инок в подпольных сношениях с казацким старшиной, вы-

хватил его из обители и заключил в 1664 году во львовскую крепость. Заключение оказалось трехлетним, в продолжение чего на Левобережье Сомка сменили трое соперников – Брюховецкий, Многогрешный и Самойлович; на правой же стороне после Тетери выбрали Дорошенка, который отдался под султанскую руку.

Это вызвало войну Турции против Польши, и вот в 1672-м казаки с турками и подступили под кременецкие кручи с трехсоттысячным войском. Возглавляли осаду сам султан Магомет Четвертый и гетман Дорошенко; она длилась изрядное время, покуда не были подведены подкопы под крайние башни предмостного укрепления, затем взорван загораживавший вход бастион и город наконец взят штурмом.

Султан превратил его в столицу военного округа – пашалыка, забрал около восьмисот детей в янычары, а множество девиц раздал по гаремам. Оставив для православных, католиков и армян по одному храму, все остальные церкви, включая Софийский собор, он обратил в мечети. Во многом повторяя обряд вступления своего предшественника на троне Порты Магомета Второго в Константинополь, султан 19 сентября торжественно въехал в крепость, причем по пути к городской Софии для доказательства верховенства ислама ему кидали под копыта коня образа христианских святых. Вскоре же в знак победы с двух сторон церкви были пристроены минареты.

Затем то же воинство отправилось осаждать Львов. Ослабленная донельзя Польша короля Михаила принуждена оказалась признать всю правобережную Украину казацкой собственностью под верховенством султана. И более, чем на четверть века, град и край попали под магометанскую пяду.

Опасаясь турецкой мести, Юрий воспользовался

военными обстоятельствами и бежал, но был пойман и приведен в Умань. Тут как раз уманские граждане отказались заплатить за себя выкуп туркам, за что их поголовно отправили в Крым, а самого Юрия султан вытребовал в Царьград: он таким образом века спустя повторил скорбный путь потомков Рогнеды.

На берегах Босфора против ожидания обошлись с младшим Хмелем милостиво, поместив только на несколько лет в греческий монастырь. В 1676 году Дорошенко примкнул к Москве – впоследствии он был воеводою на Вятке, а конечные восемнадцать лет до самой смерти провел в подаренном подмосковном имении Яропольце. И вот Юрию уже втретью была вручена булава вместе с небывалым званием князя – он подписывался "Гедеон-Георгий Венжик Хмельницкий, князь сарматский и гетман запорожский". Поход в 1677-м оказался неуспешен, и Юрий стал подумывать о бегстве к единоверцам, но за ним внимательнейше наблюдали. Зато на следующее лето ему удалось с турками захватить и разрушить гетманскую столицу Чигирин.

Москва вынуждена была уйти за Днепр, Юрий остался малороссийским князем-гетманом и правил при помощи бывшего киевского полковника, своего родственника и Дорошенкова тестя Павла Яненко-Хмельницкого. Они вместе сожгли на Левобережье Канев, а укрывшихся в местном монастыре жителей и иноков во главе с архимандритом Макарием Токаревским обложили дровами-соломой и спалили заживо; позднее архимандрит был причислен к лику святых мучеников.

Продолжая пустошить и зорить отечество, Юрий поселился в Немирове, где за ним опять-таки самым плотным образом следил назначенный от султана чиновник. У него стал мутиться рассудок, и постоянные жалобы жителей о чересильных по-

борах и казнях в припадках иступления лишили его в 1681 вновь булавы – на его место был посажен молдавский господарь Дука. Однако два года спустя он попался в плен к полякам, и Хмельниченко уже в четвертый и последний раз сделался гетманом.

Он отчаянно пустился насильничать да косить головы. Малороссийский летописец Величко занес в начале восемнадцатого века в свое сказание сведения о том, что в 1685-м четырежды-гетман Украины содрал кожу с живой жидовки, муж которой принес жалобу султанскому паше, жившему о ту пору как раз в Кременце. Тот вытребовал Хмеля к себе на суд, признал действительно виновным и по своему обычаю удавил шнурком, а тело было брошено в Славу.

В предпоследний год семнадцатого века успешные действия царя Петра под Азовом заставили турок заключить Карловацкий договор, по которому янычары навсегда покинули кременецкую землю. Возвратившиеся поляки вновь окатоличили храмы и снесли все минареты до единого – сей единый был в наизидание оставлен при Софии слева, а на нем водружена статуя Девы Марии в звездном венце.

ВЗРЫВ ПЕТРА С уходом турок приступ окатоличевания в Кременце стал наиболее ярким. Конфедерация сословий Речи Посполитой вынесла постановление о запрете употреблять православным природный язык в качестве государственного и литературного. Иезуиты значительно расширили училище, открыли при нем пансион для шляхетских детей, возвели посреди города костел с двухбашенным фасадом и целый городок коллегиумных зданий с музеем, библиотекою, трапезной, жилыми и хозяйственными помещениями.

При женских монастырях базилианок и мариавиток открылись училища-пансионы для девочек.

Но взор доставившего земле освобождение от мусульманства своей азовской викторией русского царя Петра уже достигал и бронзового венца на Софиевом минарете. Во время Северной войны в 1704 году, препятствуя соединению шведских войск с беглецом Мазепой, он повелел князю Репнину вступить в Литовские области с двенадцатью полками, занять среди прочих селений Кременец-на-Славе и разместить пехоту на квартирах в ближней окрестности. В феврале следующего года сюда двинулся князь Меншиков и расположился лагерем в пригороде.

Вскоре за ним прибыл лично самодержец, остановившись в кельях Спасо-Евфросиниева монастыря, принадлежавшего тогда иезуитам. Одним из первых дел он предпринял посещение Софийского собора, вновь отданного униатскому ордену базилиан. В нем-то и произошла тогда сперва перепалка, а затем и целое побоище, о котором был издан 11 июля 1705-го в Вильне особый мемориал:

"Егда случилось Его Царскому Величеству итти мимо их костела, и желая видеть их церемонии, пошел с несколькими знатными особами Двора своего, тогда злочестивые не токмо Его Величества с подобающею честью не приняли, но паче со всяким безчестием, котораго б не токмо такому монарху, но и простому б, чести достойному, снести от них не возможно. Ибо егда Его Царское Величество, желая обрядов их церковных видеть, войтить хотел во олтарь того костела, то начали оные безчинники словами Его Величеству говорить, что недостойт ему, яко противнику веры, тамо вступать. Его же Царское Величество, однако ж, по благоутробию своему, снес и, ничего не отвещая, вышел вон; и пришед к некоторому ту паче прочих украшенно-

му образу, вопрошал их: "Чей то образ?" Но оны злочестивцы ругательски отвечали, что сей образ священномученика их Иосафата, котораго-де ваши единовѣрцы, еретики и богоотступники и мучители, как и вы, убили. За которую мерзкую хулу возъярився, повелел Его Царское Величество при себе тогда обретающимся людям оных хульников и уличенных изменников взять и привести за арест для осуждения, изшед сам вон от сих богомерзских. Но оныя, видя наших малолюдство, начали сим Его Царского Величества людям противитися и кричать о помощи, так что еще иные к ним из их причету на монастыре со оружием пристали, хотя их отбить, и в том супротивлении некоторых из Его Царского Величества людей ранили; за что оныя, озлобясь, начали сами сих злодеев не щадя рубить, так что четыре из них, против воли Царского Величества, смертью ранены и померли, избавя себя по осуждению от достойной смертной безчестной казни".

После сего убийственного прения храм был опечатан; в нем разместили склад военной амуниции, а имущество изъяли. В числе прочего взята была чудотворная икона Богоматери, принесенная в дар Софии дочерью Ивана Третьего – помянутою выше польскою королевой Еленой, в серебряном позолоченном окладе с восемнадцатью камнями и в двух венцах. Алексей Михайлович уже забирал ее с собою в июне 1656 года в поход под Ригу, но затем украсил на Москве золотом и другими самоцветами и с епископом Каллистом Риторейским отправил на исконное место. Запись же от 1712 года скорбит: явленный образ Пресвятой Девы, находившийся в кафедральной церкви, увезен комендантом Озеровым в Смоленск. Более он уже сюда не возвращался.

Первого мая 1710-го, в ночь под которое, по народным поверьям, вся нечисть справляет свой

ежегодный шабаш для сбора вокруг сатаны, где она пытается помешать благополучному течению весны, насылает порчу и всячески вредит людям и даже животным, – неожиданно взорвались расположенные в подклете собора пороховые запасы. Одна стена была полностью снесена, разрушен боковой алтарь, поврежден фундамент, пострадали колонны, рухнул потолок. София на темные двадцать восемь лет погрузилась в руины.

ПОВОРОТ ВОСТОКА После двадцативосьмилетнего разора и запустения униатский митрополит Флориан Гребницкий в 1738 году взялся за восстановление Софии – но отнюдь не простое, а чрезвычайно хитро замышленное. Ведь за ним уже и тогда шла слава рачительнейшего сторонника переделки покуда еще по внешности православного обряда унии на явный католический лад: он снимал долой по храмам всей епархии не принятые в римском укладе иконостасы, одел священников в сутаны и ввел для белого духовенства – иереев и диаконов – обязательное безбрачие, какого ни христиане первого тысячелетия, ни церкви, воспринявшие крещение от греков, не ведали никогда.

Легче, конечно, было бы просто снести вполонину уничтоженный собор и на том месте заново поставить иной, но униат Флориан с намерением включил его остатки – алтарь, фундамент, основания колонн и стен – в свое здание, подчеркивая преемство с исконною Софией. Зато главы он не стал выводить вовсе – ни семеро, ни одну, придав постройке вид совершенной базилики и на фасаде вместо рухнувшего минарета поместив две парные башни колоколен, а на противоположной им стороне – повторяющий очертание фасада щипец. Дру-

гим поворотом стал граненый западный придел – точное отражение подлинных алтарных абсид с востока. Тогда же появились на теле древнего храма щеголеватые одежды барокко родом из Вильны.

...Далее Сельнокринов записал сокращенное изложение довольно удачной главы из единственной современной книжечки о соборе.

Утром или вечером, – говорилось в ней, – низко стоящее над небозёмом солнце подчеркивает теперь вытянутость Софии кверху, а в полдень с особенной четкостью проступают очертания продольных тяг. Волшебное разнообразие венчающих украшений словно бы напряженно истончается в неукротимом движении ввысь. Внутри огромный и по-католически открытый восьмиколонный алтарь, продолжая пространство средней части кверху к образу Ново-заветной Троицы, определенным образом вторит виду главного внешнего фасада, как бы размывая грань, отделяющую рукотворный космос от природного. Чары единства усиливает островок лазурного неба в вышине сводов среди общей белой лепнины, представляющиеся плывущими над престолом облаками. Внутренние хоры, главные и боковые притворы кажутся состоящими из множества дробящихся пространств, разнообразно и обильно освещенных льющим сквозь окна солнечным светом. Стены были оставлены почти что голыми, их лишь выкрасили в палевый тон с белыми полуколоннами; а алтари, которых стало ровным счетом тринадцать, выделялись позолотой, причем главный из них был еще украшен по карнизам изваяниями.

Собор освятили вновь в 1750 году в день Сошествия Святого Духа по католическому счету дней, а в 1752–1768 рядом вырос базилианский – или, по-русски, васильевский – униатский мужской мона-

стырь, здания которого в основном погибли в двадцатом столетии.

Выстроили все это зодчие-католики Глаубиц и Косинский, но головой архитекторов и душой перестройки был митрополит Флориан, умерший в 1762 году и погребенный прямо в соборе. Впоследствии захоронение было утрачено, а потом, ровно сто пятьдесят лет спустя, как будто случайно открыто в начале нынешнего века при починке стены с левого бока алтаря в нише: его опознали по золотому перстню с личной сердоликовой печатью.

Однако основным преобразованием, внесенным Флорианом, была перемена стороны света для поклонения. Православный храм искони должен быть повернут алтарем на восток, католический – к западу. Архиунит же поставил престол обновленной Софии на севере – и с той поры три главных христианских церкви города: единственный неизменно остававшийся православным собор Богоявленского монастыря, иезуитский костел и униатская София глядели в разные концы света.

ЕКАТЕРИНА

Правобережье Славы вместе с большей частью города и Софийским собором окончательно вошло в состав Российской империи после первого раздела Речи Посполитой 28 мая 1772 года и образовало сперва Кременецкую провинцию Псковской губернии, а затем, в 1776 году, и отдельную губернию, центром которой на следующий год утвержден был Кременец-Славянский; с 1778-го губерния была преобразована в наместничество. Левобережье прождало воссоединения еще пятнадцать лет до второго раздела Польши в 1793 году. Всего Кременец оставался губернской столицей целых два десятилетия, – но уже в 1780-м его посетила впервые императрица Екатерина Великая.

Во время путешествия она писала наследнику Павлу Петровичу и его супруге Марии Феодоровне: "С самого Острова тянутся всё холмы да холмики, между которыми множество озер, что очень красиво; здесь население самое разнородное, сплошь да рядом обитают православные, католики, униаты, евреи, русские, поляки, чухонцы, немцы, курляндцы, словом, не увидишь двух крестьян, одинаково одетых и говорящих правильно на одном наречии; смешение племен и языков напоминает Вавилонское столпотворение".

К городу царица прибыла в шестом часу вечера. Въезд был особо торжественный: впереди следовал губернский почтмейстер, за ним двенадцать почтальонов, потом губернская конная команда и губернский предводитель с дворянством верхами. Императрица ехала в вызолоченной открытой карете, милостиво и приветливо кланяясь стоявшему кругом народу; обок следовал генерал-губернатор Чернышов, а позади нее эскадрон лейб-кирасирского полка, встретивший государыню за пять верст от города; за кирасирами шли запряженные шестериком придворные кареты.

При въезде пальба из пушек, расставленных по городским валам, слилась с колокольным звоном во всех церквах и костелах. У триумфальных ворот, воздвигнутых за городом, императрице отдал честь стоявший там лагерем лейб-кирасирский полк. Здесь же государыня была встречена комендантом, городовым магистратом и лучшими гражданами. В самих воротах играла музыка.

Начиная от них, по направлению к городу по обеим сторонам стояли евреи, а у городских ворот — губернский магистрат; вдоль улиц вплоть до площади помещались городские цехи со своими знаменами и барабанами, "кои приносили Ея Императорскому Величеству поздравление преклонением,

по обычаю своему, знамен и барабанным боем". На площади, у присутственных мест, были все "присутствующие" и канцелярские служители; по другой ее стороне находилось подле иезуитского костела католическое и униатское духовенство.

Выйдя здесь из кареты, императрица направилась в православный собор Богоявленского монастыря.

А затем, когда она уже выехала во дворец, светлейший князь Потемкин в сопровождении многочисленной свиты прибыл в кафедральный униатский собор Софийский, где его встретил униат-митрополит Ясон Юноша-Смогоржевский со своими базилианами пением гимна Амвросия Медиоланского "Тебе Бога хвалим..."

Вечером Екатерина писала сыну: "Я приехала сюда в совершенном здравии. Между окнами моими и Польшею одна только Слава, которая здесь очень широка. Въезд представлял прекрасную картину. Весь день был жарок, а сейчас ночь и сильный гром. При въезде я видела зрелище, совершенно для меня новое: иезуиты, доминиканцы и жидаы, стоящие фронтом; последние весьма неопрятны, первые представляют собою величественный маскарад".

На следующую же ночь был затеян и подлинный маскарад с балом и иллюминацией — подле костела иезуитов воздвигнуто пятеро пирамид, ростом равным самому храму, с аллегорическими надписями. Представленная отдельно от еврейского кагала иллюминация на реке также оказалась внушительна.

Довольная посещением и приемом, императрица повелела привести в надлежащее состояние городские укрепления, одарила деньгами все действующие храмы, монастыри и училища.

В том же году немного позже императрицы, в

сентябре, три дня провел в Кременце-на-Славе наследник цесаревич Павел Петрович, которому в собственное царствование суждено было круто изменить судьбу города и Софии.

ИЕЗУИТЫ Через четыре месяца после матери, 27 сентября 1780 года в Кременец-на-Славе приехал на три дня и наследник цесаревич Павел с женою. Отсюда он направился за границу, но посещение города запало в память будущего императора.

Скромному преподавателю здешней иезуитской коллегии Гавриилу Груберу удалось вылечить супругу наследника Марию Феодоровну от жестокой зубной боли, с коей отчаялись уже справиться придворные медики; а, кроме того, он приготовил ее мужу замечательный "иезуитский шоколад", полюбившийся цесаревичу навсегда.

Услуги были оказаны как нельзя ко времени, ибо после упразднения иезуитского ордена во всем мире в 1773 году он, по заковыристому стечению обстоятельств, сохранился в одной лишь стране — России, где буллу о его роспуске отказалась признать императрица Екатерина, считавшая унижительным, чтобы ее подданные выполняли приказы из-за границы: потому-то ее так тепло и приняли незадолго перед тем кременецкие отцы. А после этого их коллегия при костеле "Приветствия девы Марии" стала главным мировым гнездом ордена, поменявшего берега Тибра на откосы Славы.

Павла Петровича в кабинетах коллегии поразили также такие диковины механики, как "говорящая голова" и вогнутое металлическое зеркало, посредством которого стоящий на галерее музея человек казался находящимся на кресте колокольни святой Софии.

В благодарность за гостеприимство Груберу с 1799 года были открыты двери личного кабинета императора в Петербурге и дозволено являться к Павлу во всякое время без доклада. К городу новый царь отнесся куда жесточе: в год вступления на престол, 1796-ой, он слил все западно-русские земли в единую Белорусскую губернию, центром коей назначил Витебск. Сын его Александр в 1802-м еще раз преобразовал ее, поделив надвое; но Кременец так и остался вплоть до тысяча девятьсот семнадцатого уездным городком.

А тою порой бывший кременецкий преподаватель Грубер с 1802 по 1805 служил уже генералом иезуитов. Булла папы Пия VII о восстановлении ордена, выданная в 1801-м – причем он учреждался вновь только в России, – была получена в Петербурге в самую пору убийства Павла, и Александр I долго колебался, не торопясь ее обнародовать. Однако год спустя он вслед за бабкою и отцом навестил Кременец и, оставшись очарован отцами-иезуитами, велел заграничный приказ напечатать и привести в действие.

Царь побывал в городе трижды – в 1802, 1807 и 1812; причем в январе последнего коллегия иезуитов была обращена в академию с приданием ей всех прав Университета.

Обнадеженные постоянными успехами члены Иисусова ордена стали требовать возвращения в захваченный ими Спаса-Евфросиниев монастырь и лежавшего тогда в базилианской Софии креста преподобной. Униаты отказывались – а потому по своему лукавому обычаю однажды, когда в праздник Крестовоздвижения крест был вынесен для всенародного поклонения на средину собора, переодетый иезуит незаметно подменил его искусной подделкой, скрыв подлинник под сутаной. Но, по счастью, подвох почти тотчас же был раскрыт, и

вора настигли на полупути к коллегии прямо на улице. В пришествие наполеоновых "двунадесяти язык" крест ради сохранности замуровали в соборной стене.

Постепенно полюбовные отношения императора Александра с орденом делались всё прохладней, и когда в 1816-м слишком уж распетушившиеся иезуиты были по высочайшему указу удалены из столицы государства, их выслали именно в Кременец. Наконец, в 1820 году орден был окончательно выдворен из российских пределов, а коллегию с ее зданиями и костелом передали другому – пиарскому, который своим внешним служением имел безвозмездное образование юношества в католическом духе.

БОНАПАРТ И ЭНГЕЛЬГАРД

В достопамятном Двенадцатом году Кременец-на-Славе был взят французским корпусом маршала Удино, направлявшимся на Петербург; однако в июне в бою у деревни Клястицы первая армия Витгенштейна остановила его дальнейшее продвижение. Кременец же до глубокой осени оставался в руках двенадцатиязыкового воинства.

На обратном пути Наполеона с ним произошел в нашем городе случай, о подлинных причинах коего историки не могут придти в согласие и поныне. Теснимый преследовавшим его Кутузовым, к которому с севера спешил на подмогу Витгенштейн, Бонапарт, подойдя к Славе, обнаружил на другой ее стороне поджидавшую его Дунайскую армию адмирала Чичагова и понял, что попался в ловушку.

Седьмого ноября Чичагов даже издал в Минске приказ о его возможной поимке: "Наполеонова армия в бегстве. Виновник бедствий Европы с нею. Мы находимся на путях его. Легко быть может, что

Всевышнему угодно будет прекратить гнев свой, предав его нам. Поэтому желаю, чтобы приметы сего человека были всем известны. Он росту малого, плотен, бледен, шея короткая и толстая, голова большая и волосы черные. Для вящей же надежности ловить и приводить ко мне всех малорослых”.

Положение сделалось настолько отчаянным, что французские маршалы говорили про своего императора: если и теперь он сумеет вырваться, значит ему помогает сам дьявол!

Русский же исследователь Военский писал впоследствии об этом образно: “Очень богатые люди, промотав всё свое состояние, некоторое время еще роскошествуют за счет бывшего обаяния золота и пользуются кредитом. Так и баловни счастья, потеряв благоволение капризной фортуны, заставляют богиню обернуться и послать прощальную улыбку”.

С земной точки зрения глядячи, выручил “Корсиканское чудовище” скорее всего весьма тонкий расчет. Собравши ветхозаветных старшин, он выпросил у них через Удино – где лучше всего переправиться и, сказав, что выбирает переход через Славу с юга у местечка Ухолоды, заставил их при равнине поклясться соблюдать строжайшее о том молчание. Затем, отпустив лукаво на волю, он послал сделать в указанном месте лишь ложную демонстрацию, а главную переправу велел скрытно готовить гораздо севернее у деревни Студянки.

Задумка сработала как нельзя лучше, ибо тою же ночью пятеро перебежчиков – Мовша Энгельгардт (что значит в переводе с немецкого “ангельский сад”), Лейба Бенинсон и трое оставшихся безвестными, – были нарочно пропущены через французские посты и донесли все слышанное Чичагову. Тот, убежденный их словами и зрелищем демонстрации, очистил Студянку и сосредоточил армию против Ухолод; храбрых беглецов он награждал тыся-

чью червонцев каждого и представил к почетному гражданству.

Когда же Бонапарт, бросив потерявшие боевой порядок тылы, перешел благополучно Славу с гвардией и регулярными частями, горе-наводчики не только лишились наград, но и были немедленно вздернуты в петлю – да только поздно.

Погибших при взятии Кременца семь тысяч русских воинов погребли на холме сбоку от Софийского собора. Чичагову до самой смерти пеняли за излишнюю доверчивость; бранили и Кутузова за медлительность столь необычную, что кое у кого даже сложилось мнение, будто Наполеон был нарочно выпущен целым, дабы бесхозная без него Европа не попала целиком в руки коварных англичан.

Году же в 1830-м через город проезжал природный дворянин генерал Энгельгардт, ведущий баронское родословие из Швейцарии через Лифляндию, отец которого – тоже генерал русской службы – был убит как раз здесь при взятии мостового укрепления над Славою. Он обратился к старожилам, чтобы найти свидетелей последнего боя своего отца – и тут хитроплетчица судьба подвела к нему никого иного, как сына Мовши, Мордухая. С трудом можно представить себе ярость храброго воина, не только услышавшего про "подвиг" родителя проводника, но и узнавшего в его сыне своего однофамильца!

Тогда он немедленно направился на берега Невы, где в личном приеме у императора Николая добился издания указа, по которому повелено было всех многочисленных кременецких Энгельгардтов впредь именовать Энгельсонами.

ТАКОВА ИМАМ ПЕРВОСВЯЩЕННИКА

Когда после высылки иезуитов в 1822 году в коллегии поселились

пиары, среди них открылось отделение польского студенческого общества люциферистов (лучезарных), главное правление которых находилось в Вильне. Оно состояло как бы из двух ярусов: нижний звался союзом филаретов (по-гречески – любителей добродетели), занимавшихся в основном благотворительностью, просветительством и помощью своим неимущим собратьям. Их кружками скрыто руководил верхний слой – филоматы (любители наук), погруженный в более ответственные, но гораздо менее известные работы и исповедовавший изобретенную поляком Фомою Заном "теорию лучей".

В 1826 году в главном городском трактире была обнаружена на стене стихотворная надпись с призывом: "Товарищи! Да истребим императорскую фамилию!" Сочинитель ее был скоро сыскан: им оказался дворянский недоросль и ученик пиаров Осип Добошинский. Это повлекло усиленные подозрения всего ордена в противогосударственной деятельности; а после восстания 1830 года училище было и вовсе упразднено. Здания бывшей коллегии перешли в казну, которая открыла в них 1835-м кадетский корпус.

Тремя годами ранее Спасо-Евфросиниев монастырь был также возвращен от пиаров православным, которые и освятили его на следующее лето.

Время это совпало с народным движением за выход из насильственной унии и воссоединение природных славян с православием, которое возглавил униатский священник Иосиф Семашко. Будучи отпрыском древнего русского иерейского рода, он воспитывался подобно множеству своих современников в римско-католической виленской семина-

рии, что в отличие от Иоасафата Кунцевича привило ему отнюдь не тягу к папству, а напротив лишь еще больше убедило в правоте исконной веры. Двадцати четырех лет от роду он отправился в 1822 году в Санкт-Петербург заседателем в департамент духовной коллегии, управлявший всеми униатами империи. Твердо решив возвратиться вместе со своим народом в лоно вселенской церкви, Иосиф однако долгое время ничего не мог для этого предпринять из-за упрямого европеизма царя Александра и даже подумывал о том, чтобы, оставив затею спасти всех прочих, одному принять постриг в Александро-Невской Лавре.

Положение переменялось со вступлением на престол Николая Первого. Осенью 1827-го Иосиф лично подал самодержцу записку о положении униатской церкви на западных землях Руси и о возможности ее воссоединения. С 1829-го он был поставлен епископом и еще десять лет вел свою упорную борьбу. Семашко развивал просвещение, очищал обряды от католических привнесений, неустанно ослаблял козни базилиан. Вместе с тем ему приходилось воевать на две стороны – не только против папских притязаний, но и против скоропешных попыток провести соединение насильно (как его век спустя с присущим ему зверством к человеку и презрением к вере насадил на Западной Украине и в Закарпатье Сталин). Раздраженный донельзя неумелыми действиями среднего разбора чиновников, епископ Иосиф неоднократно хотел забросить всё предприятие – но всякий раз, вспоминая долг служения людям, возобновлял его опять.

Наконец, получив подписи 1305 духовных лиц, он созвал в Неделю православия, 12 февраля 1839 года в кременецкой Софии церковный собор, на котором в присутствии епископов и иереев было

принято единогласное решение о расторжении унии. В тот же день, подав должное прошение императору, три архиерея совместно отслужили в храме обедню, за которой в качестве первоиерарха поминался уже не римский папа, а "все православные патриархи, митрополиты и епископы". На акт собрания дал свое согласие Священный Синод, а царь Николай в праздник Благовещения написал на нем "Благодарю Бога и принимаю". Так совершилось присоединение более полутора миллионов прихожан и 1607 приходов – безо всякого возражения.

Иосиф Семашко стал впоследствии митрополитом и еще тридцать лет трудился на своей ниве, основав среди прочего до двух сотен народных школ. Его жизнеописатель граф Д. А. Толстой писал: "Призадумается будущий историк: как в самом деле один неизвестный, бедный униатский священник в десять лет уничтожил то, что создавали в продолжение столетий могущественные папы и, быть может, еще более могущественный орден иезуитов, столько польских королей, вся польская аристократия... Мог ли все эти силы сокрушить один человек – луцкий униатский каноник, хотя и поддерживаемый императором? – Нет! Разгадку надо искать в глубине прошедшего: уния была навязана русскому народу насилием и обманом".

В то же время иезуитский костел, заложенный в 1745-м Стефаном Баторием на месте православного храма 1579 года во имя святого первомученика Стефана, был превращен в городской православный Николаевский собор. В 1840-м возродился и Спасо-Евфросиниев монастырь, а на следующий год в день памяти преподобной Евфросинии, 23 мая, в ее сохранившуюся келью на хорах собора обители возвратился и знаменитый крест – в честь чего был установлен ежегодный крестный ход из

всех церквей города к монастырю Спаса. Вскоре крест отправился путешествовать в Петербург и Москву; на Москве он с пяти утра до десяти вечера пребывал в Успенском или Архангельском кремлевских храмах, выставленный для всенародного поклонения, а по ночам кременецкий епископ Василий Лужинский возил его по приглашениям в дома больных и недужных.

Выбита была и особая памятная медаль. На одной ее стороне изображен сияющий крест с надписью по сторонам "Торжество православия 25 марта 1839 года"; а на другой – Нерукотворный образ Спасителя со словами "Отторженные насилем (1596) воссоединены любовью (1839)" внизу и выдержкой из послания апостола Павла к Евреям вверх: "Такова имам первосвященника!"

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЕВФРОСИНИИ

Вскоре после прекращения унии был поднят и вопрос о переносе мощей преподобной Евфросинии из Киево-Печерской Лавры обратно в родной город. Ходатайство о том возбуждал еще местный епископ Василий Лужинский, который возил ее крест в обе имперских столицы; его поддержал и начальник Северо-Западного края граф Муравьев. Митрополит Филарет Московский также писал:

"Можно признать благословным, чтобы мощи преподобной Евфросинии перенесены были из Киева и чтобы почивали в обители, в которой она подвизалась".

Дело, однако, подвигалось довольно медленно: в 1870 году была возвращена лишь частица честных останков. В 1892-м церковное братство святителя Николая и преподобной Евфросинии при поддержке всей епархии собрало под новым прошением

много тысяч подписей, – но, видно, час окончательного решения еще не пробил.

А между тем изрядно поменял свой образ и весь город. Если в шестнадцатом веке он считался богаче даже Вильны и имел сотню тысяч населения, то в 1780-м в нем было всего 360 деревянных гражданских зданий и не оставалось ни единого каменного при населении в 437 христиан и 478 иудеев. К приходу Наполеона число жителей возросло до 4332-х, но жестокий корсиканец сделал ему вновь превеликий разор и укорот.

В 1891 году ставший глухим местечком Кременец-Славянский довел количество оседлых жителей до 20321: в нем оказалось 9433 христианина – 6989 православных, 204 иноверца, 407 раскольников, 1534 католика, 299 лютеран; один магометанин – и 10797 евреев. К первой всероссийской переписи 1897 года жителей стало больше на 430 душ, и все они делились еще на 9957 мужчин и 10794 женщины. Наибольшее внимание среди прочих строений привлекали, конечно, храмы: три православных монастыря и девять приходских церквей, церковь единоверцев, деревянная раскольничья моленная, каменные костел да кирка и 23 синагоги – четыре кирпичных и девятнадцать бревенчатых.

А за все восемьдесят два года своего существования в Кременце кадетский корпус дал стране около трех тысяч двухсот кадровых офицеров.

В 1905 году, когда сюда достигли отголоски столичных бунтов, была предпринята попытка сделать и некое возмущение местного рода, однако недовольные обыватели собрались крестным ходом у кадетских стен, прошли по главной улице с пением государственного гимна – и вопрос был на двенадцать лет начисто снят.

Вскоре после этих событий на миссионерском

съезде в Киеве, где съехалось три десятка владык под руководством волынского архиепископа Антония Храповицкого, и было принято согласное решение просить об окончательном возвращении мощей праведницы на родину, которое утвердил сам царь.

После семи веков покойного пребывания в киевской Лавре 19 апреля 1910 года, в понедельник Светлой седмицы, мощи были изнесены из дальних пещер и, по совершении пасхального всенощного бдения, положены в Великой церкви. 22-го их обнесли кругом собора и через снятые ворота под колокольный звон доставили к днепровской пристани, где ждал особо наряженный пароход. На нем, под торжественным балдахином с иконами и хоругвями вокруг, цельбоносные останки Евфросинии проплыли вверх по реке до Орши, откуда их уже на руках понесли дальше.

20 мая перезвон во всех городских храмах возвестил о приближении хода, встреченного местным духовенством соборне с киевским митрополитом на челе. Мощи были сперва положены в Никольском соборе, затем перешли в Святую Софию.

22 мая в четыре часа пополудни, после окончания литургии, послышался новый благовест, и крестные ходы двинулись в Спасский монастырь. По всему пути были воздвигнуты живописные арки, надпись на последней из коих гласила: "Гряди, радости наша, преподобная Евфросиние!" На следующий день открылось торжественное заседание Спасо-Евфросиниевского братства, а для простого народа были предложены просветительные чтения с "туманными картинами".

На празднестве от императорской семьи присутствовала известная благотворительница, старшая сестра царицы великая княгиня Елисавета Феодоровна, сама впоследствии удостоившаяся крестного венца – и неким ответом небес видится

то, что ее собственные святые останки в конце концов упокоились в выстроенной ею церкви того самого города Иерусалима, где отошла к Богу Евфросиния.

Получено было и личное послание Николая II, завершавшееся такими словами: "Проявившийся же в незабвенные дни перенесения честных мощей Ея дух благовестия в народе, притекавшем в великом множестве на поклонение преподобной, да послужит в назидание и тем, кто, в житейской суете и душевном смятении, готовы покинуть спасительный путь истинной Православной веры".

В день возвращения мощей в обитель безнадежно больная лежащая инокиня была внесена в Крестовоздвиженский храм – новопостроенный в византийском стиле просторный второй собор монастыря – и, припав к святыне, получила полное исцеление. Для убеждения сомневающихся это удостоверял безуспешно лечивший ее прежде статский советник и доктор медицины А. М. Мансветов.

Обо всем этом событии была выпущена небольшая памятная книжица, на обложке которой рядом с изображением лика напечатан и тропарь осьмого гласа посвященной Евфросинии службы, в коем поется:

"Приимше бо крест, последовала еси Христу, деючи учила презирати плоть – преходит бо; прилежати же о души – вещи безсмертней".

МАЯТНИК ФУКО НА СВЯТУЮ СОФИЮ!

У исследователей историко-Софии – то есть тех, кто в отличие от бытописателей занимается изысканиями о сердцевинной сути происходящих событий, – есть особое учение про то, что девятнадцатый век начался за двенадцать лет до своего календарного отсчета с мятежа

во Франции и окончился еще на четырнадцать годов позже громом августовских пушек Первой мировой войны.

И с самого ее первого раската Кременец попал в средоточие боевых действий; сюда очень быстро подступила прифронтовая полоса, в связи с чем кадетский корпус перевели вглубь Украины, а внутри его зданий открылся взамен обширный госпиталь – раненых в нем было столько, что пришлось провести от вокзала отдельную узкоколейную ветку, по которой впряженные в вагонетки лошади везли увечных целыми составами.

Город заполонили всякого разбора штабы, управления, появился даже аэропорт с ангарами; новая железная дорога через Псков связала его напрямую с Санкт-Петербургом.

...Вскоре после вырванного на псковском вокзале у Государя отречения в жизни города на Славе наступила смутная пора сущей семибоярщины. Уже на следующий день, 3 марта семнадцатого года, появившаяся из бунтующей северной столицы кучка знатоков принялась наставлять местных солдат и обывателей, как ради немедленного достижения вящей свободы разоружить полицию и жандармерию. Однако сперва не сильно качнувшиеся влево войска избрали председателем совета солдатских депутатов начальника своего гарнизона. Но затем солдатский совет слился с рабочим и внутри этой двоицы затеяли свою обычную безответственную чехарду местночтимые эсеры, бундовцы да меньшевики. Их общими стараниями, шажок за шажком стали меняться не только настроения умов или имена общепринятых ранее понятий, но и содержание тех, которые как будто бы оставались покуда внешне неприкосновенными: так, патриот назывался уже социал-шовинистом, а пораженец патриотом; рядом с ними возникли схожие двухго-

ловые гидры вроде "социал-предателя" или даже "социал-прохвоста".

Когда вскоре произошло новое гражданское смятение, прежде обыкновенно клеймившееся "Корниловским мятежом", а теперь, как выяснили дотошные изыскатели, представляющееся скорее напрасно затеянной Керенским паникой, — в городе в качестве революционного ответа на происки реакции был немедленно заарестован доживавший свой век на покое 67-летний старик, бывший ярославский губернатор и член правления всероссийского Союза русского народа сенатор Римский-Корсаков.

После октябрьского переворота в Кременце еще дней двадцать большевики вели прения о власти с другими партиями социалистического направления, покуда 18 ноября военно-революционный комитет попросту не сместил командующего стоявшей здесь Третьей армии генерала Парского и начальника гарнизона генерала Нечаева, заменив их более подходящими по его соображению подпоручиком Анучиным и солдатом седьмой автороты Чутковым, соответственно. Объединивший уже три сословия совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов возглавил большевик Коган. А такой же соединенный ревтрибунал тотчас прямо с января восемнадцатого принял к производству целый ряд дел "контрреволюционного характера".

Но двадцать пятого февраля подошли регулярные немецкие части, заняли без боя полностью разложившуюся базу Западного фронта и на целых девять месяцев водворили в Кременце порядок по тевтонскому образцу; всеми делами гражданского населения при них ведала восстановленная Городская управа.

Однако летом следующего года у них загорелся свой собственный дом, и в июне девятнадцатого они очистили город. Красная власть в знак победы за-

крыла по возвращении Софийский собор для богослужения, создав в нем музей – который, правда, скорее служил складом, куда свозились реквизированные по всей губернии церковные ценности.

Прошло лето, и в сентябре ко Кременцу вплотную подступили теперь уже поляки, захватившие всю левую сторону Славы; восемь месяцев прямо поперек многомученика-города шла позиционная война между красноармейцами и легионерами.

Поляки удалились в мае 1920-го, и в ознаменование нового одоления супостата внутри собора-музея был установлен некогда знаменитый прибор по имени "маятник Фуко".

Он представлял собою повторение опыта, сделанного в девятнадцатом столетии под куполом парижского Пантеона известным физиком: в вышине свода подвешивалась длинная веревка с тяжелым шаром на самом конце, который едва не касался пола. Раскачанный шар этот безо всякого к нему прикосновения постепенно смещался в своих колебаниях от нарисованной внизу оси, с настырной очевидностью предъявляя изумленным оболтусам наглядное доказательство вращения Земли и, следовательно, всеобщей удобоподвижности окружающего нас мира.

После свержения самодержавия по Руси пронеслось целое поветрие приспособлять затворяемые обитатели мракобесия под такого рода естественнонаучные гнезда для перевоспитания дремучих сограждан, и почин ему был положен в Исаакиевском соборе Петрограда.

Любопытно, что именно в ту же пору совершала по свету не столь шумное для слуха, зато гораздо более сокрушительное для подобного пошиба мировоззрения шествие теория относительности, согласно которой для точного знания нет разницы – движется ли Земля вокруг Солнца или наоборот.

Не будучи человеком технической складки, последние из изложенных выше неожиданных мыслей Разумник почерпнул из нарочно доставленной своим скрытым путеводителем Платоном книжки математика, философа и богослова отца Павла Флоренского, вышедшей в соседние с описываемыми годы, а точнее в 1922-м, в Москве под названием "Мнимости в геометрии" и снабженной рисунками художника Фаворского.

Принцип относительности, говорилось в ней среди всего прочего, бросает "неожиданный пучок света на средневековое представление о конечности мира", ибо "с точки зрения современной физики мировое пространство должно быть мыслимо именно как пространство эллиптическое и признается конечным, равно как и время – конечное, замкнутое в себе".

"Специальный принцип относительности, – пишет далее ученый священник, внешнюю правоту которого признала современная наука переизданием на разных языках множества его работ, а внутреннюю истину доказал он сам мученической гибелью на Соловках в тридцать седьмом, – утверждает, что никаким физическим опытом убедиться в предполагаемом движении Земли невозможно"; иначе говоря, теория относительности "объявляет систему Коперника чистой метафизикой в самом порицательном смысле слова...

Нет и принципиально не может быть доказательств вращения Земли, и, в частности, ничего не доказывает пресловутый опыт Фуко: при неподвижной Земле и вращающемся вокруг нея, как одно твердое тело, небосводе, маятник так же менял бы относительно Земли плоскость своих качаний, как и при обычном, Коперниковском, предположении о Земном вращении и неподвижности Неба. Вообще, в Птолемеевой системе мира, с ее

хрустальным небом, "твердью небесной", все явления должны происходить так же, как и в системе Коперника, но с преимуществом здравого смысла и верности земле, земному, подлинно достоверному опыту, с соответствием философскому разуму и, наконец, с удовлетворением геометрии.

Но было бы большой ошибкой объявлять системы Коперниковскую и Птолемеевскую **равноправными** способами понимания: они таковы – **только** в плоскости отвлеченно-механической, но, по совокупности данных, истинной оказывается последняя, а первая – ложной".

Таким образом, – заключил уже по своему разуму Сельнокринов, – всё дело зависит от выбора точки отсчета. И покуда верное понятие о ней, высказанное одиночкой-мыслителем, овладевало умами весомого множества его соотечественников, протекло более полувека – за каковой промежуток на Руси вытворялось, коротко скажем, всякое...

Прощаться... Прощаться...

ОСЕННЕЕ

Какая в небе акварель! –
Как Лель кочует по полотнам,
В сезоны перепутав дверь
Одним движеньем мимолётным.
Туда, где легче продохнуть
Во сне глубоком, непроглядном,
Где в сизых спицах предзакатных,
Как завязь зреет зимний путь,
К которому всего лишь срок –
Кусок, глоток длины орбиты
И прелью лиственной покрытый,
Омытый ливнями порог.
Какая в небе акварель!
Вот-вот падёт на лица благодать.
Её с привычною отвагой
Мы принимаем и теперь.
Нам с детства сладок этот плен
Игры небес в тонах пастельных.
С багровым солнцем сопределен
Подтекст податливых колен.
Понятен сумерек урок:
Природа всё-таки едина
И в этом забиваньи клина
Или сшивании дорог
Меж днём и ночью.

В нитях тех

Легко уместится полжизни.
В равнинах и холмах отчизны
Почти что тяга к темноте.
И ничего-то не поняв,
Под небом сумеречно-чистым
Кочует Лель и строг, и истов,
Свирель на шубу променяв.

* * *

Под лезвием ножей, в полозьев злом напеве –
Вся киноварь знамён, бунтарский дух страстей.
Свободы сводный хор, что плод в добротном чреве –
Вступает в свой черёд, как Флавий в Колизей.

И мыслить, и суметь сломить слежалый слепок
Уклада бытия – неимоверный труд.
Подранков в камышах освобождают слепни
Не от земных тягот, а от сомнений пут.

Богатыри идут из бирюзовой бездны
В ночной дозор, в разор вдоль кладок крепостных.
Их ныне пресен след и присно путь их крестный –
В багровой пелене, и сне веков немых.

Не в сказочный прогал вёл златоустый гений
В горящей чешуе могучих удалцов –
В отечественный сплин, в грядущие гоненья
По щучьему веленью прославленных отцов.

Когда полозьев визг осознанно и рвано
Опередит на миг зарвавшихся коней,
Я знаю, кто-то вновь из сладкого тумана
Под вой и рёв толпы вступает в Колизей.

*** * ***

**Зима! Весёлая попытка
Вновь одолеть печаль дорог
И неба серого избыток,
И тряский путь торопких дрог.**

**И знание, что пробег недолог,
Уже закралось исподволь.
Сияет щедро снежный полог,
И Пушкин вдруг впервые столь**

**Мне близок. А дорога мчится,
И слог-то лёгок. И вот-вот
На раздорожье сядет птица,
Посмотрит косо и проймёт**

**До сердца веком полусонным
(Там так давно заведено.
И будь ты пеший или конный –
Здесь всё одно, здесь всё одно)...**

**Замкнёт на снеге след убогий.
О птичьих лапок каббалу
Запнусь. И выгнутся пороги,
Что провожали. На полу**

**Следы просохнут, и возьмутся
Сырые доски горбылём...
Туда, конечно, не вернуться.
Но об ином здесь, об ином.**

*** * ***

**Снова в поиск. Саднит, надрывается горло ключа.
Каждый выплеск – посыл из глубин в глубину**

мирозданья.

Это слово, срываясь в невнятную речь, горяча
И уродуя смысл, нас толкает к его пониманью.

Снова в поиск. Уже понимаем заждавшихся птиц.
Их гравюрный полёт отпечатан на ветренном небе.
И заря, перед стаей багрово упавшая ниц,
Провожающий взгляд обожжёт до слезы и ослепит.

Снова в поиск. Ещё эту лёгкость не знает душа...
По каким-то незримым, но прочным и трепетным
нитям
Мы находим пути из глухих тупиков, не дыша,
По внезапным догадкам, вернее сказать, по наитью.

Вот и вышел на ясный огонь акварельной зари.
Свежий ветер в вихры поредевшие врежется слепо.
Рассыпает луна по оврагам свои янтари...
А дорога, когда разглядишь, – упирается в небо.

* * *

Октябрь пролетает, не ведая пыли своих колесниц.
Извивы его колеи на челе меж морщин уместятся,
Меж наших печалью покрытых и бледным
неверием лиц.
Когда всё решится, нам бледность и эти печали
простятся.

Когда всё уляжется, в жёлто-оранжевый
лиственный дым
Мне, может, за тысячи вёрст предстоит окунуться.
Потянется между стволов и песков, и не станет
другим
Всё то, что сгибает и всё же мешает, мешает
согнуться.

Леса и уезды, и веси упрямая память хранит,
И сердце отчизны, где кровь – холодок, что сбегает
за ворот.
На Стену российского Плача Пожарский и Минин
глядит.
Да с Лобного места, наверное, тот растекается
холод.

Октябрь пролетает, и мне говорят, что настигнет
тропа
О камни которой у блудного сына – где б ни был
далече –
Изодраны ноги.
Но где же порог, на котором тебя
ожидает судьба,
И руки, что вольно падут на уставшие плечи.

* * *

О чём разговор? Всё давно решено,
Разыграно всё, что ложилось на карту.
Сомнамбулы тянутся к линии старта
С каким-то неясным старанием. Но

Восходит крапивой трава-мурава,
Что крохи, кристаллики влаги вбирая.
Багряную изморозь солнце, вставая,
В унылую слякоть уронит сперва.

Но прямо у прочерка между огнём,
Снедающем мысль, и угрюмою былью,
Как будто у Стикса, во весь окоём
Сбиваются тени дорожною пылью.

Я тоже, как будто с монеткой во рту,
Стою на пороге, заросшем травой,

И птицы проносятся над головою,
И крылья сбивают об эту черту.

Октябрь, шепчу твой суровый диктант...
Вон царственно клёны порфиры надели,
И ели свой вечнозелёный талант
Быть времени мерой проявят на деле.

И прожитый год лишь усилит тщету,
Всё разом исправив, пуститься в дорогу.
И новой травой зарастают пороги...
И ветер, и привкус железа во рту.

* * *

Отвезут... отвезли. Ну и всё.
Вот и всё, что обещано Богом.
Мы придумали сами её,
Эту в радужных бликах дорогу.

Это так мимолётно и вскользь,
Что покаяться время не сыщешь.
И как жилу, заветную ось –
Не увидишь, а только услышишь.

Да и то – бледногубым лицом
У лопатую срезанной кромки, –
Самым точным и честным резцом,
Что нашаривал воздух в потёмках.

Почему же так остро и зло
Безвоздушность твою принимаю?
Чёрной пропасти, словно залог
Ком рассыпчатой глины бросаю.

Благодарным потомкам не лгут:
Всё навыворот как-то и косо.
И по-прежнему липы цветут,
И звенят над соцветьями осы.

Ах, в стремнине запомнить бы след
И воды нестихающий ропот.
Но уже за спиною торопят
И не ждут оправданий в ответ.

* * *

Опять разделился весь мир пополам...
Осенний бедлам в облетающей роще.
Но синее небо и тёплый шафран
Почти что едины, почти что порочны

В таком совершенстве. И гордый мой дог
Кружит по-щенячьи в прогалинах света.
А дай-ка на счастье мне лапу, дружок!
Мы оба сегодня с тобою поэты.

Мы вновь одурачены этой красой,
Её листопадом и долгим молчаньем.
Ты словно хлебнул молока с беленой,
И я захмелел от крепчайшего чая.

За линией леса лежит горизонт,
За линией памяти – горечь лесная
И яд волчьей ягоды. Этот озон
Быть может, последний в сезоне? – не знаю.

Прощаться... Прощаться... И дело – к зиме,
И голос за словом едва поспевает.
И пёс чёрным демоном жмётся ко мне,
И тихо скулит, будто всё понимает.

* * *

Стекают и гаснут часы и минуты,
Как струйкою крови от нас убегают,
Как всплеском купели, капелью как будто,
Последней любовью ли, первой – не знаю.

Стекают, когда циферблат опустелый
Опять возродится без мирры и нарда,
Покрывшись, как струпьями, инеем белым.
Из праха взлетать надоело, – а надо.

Стекают и гаснут часы и минуты,
Уходят туда, где закатное небо,
От стай журавлиных ослепнув как будто,
Колышется нимбом Бориса и Глеба.

И крик журавлиный касается слуха,
И строчек забытых всплывает пропажа, –
Что всё суета и томление духа,
И всё, что случится, случилось однажды.

Дом на Триумфальной

Это воспоминания не о какой-то конкретной судьбе или конкретных событиях. Я считаю, что моя версия так же правомерна, как десятки других, хотя она – чистейший вымысел, а не подтасовка фактов.

И так так это мой вымысел, я должен просить снисхождения у тех, кто видел этот драматизм иначе, чем я.

И мне было когда-то семнадцать. Я был великолепный неуч. Но несколько от этого не страдал. Учиться было некогда. Первая советская школа тогда только вступала в период своей реконструкции. Оценок не ставили. Учителей выбирали. Посещение было свободным. Завтраки бесплатными. Многие ходили в школу вообще из-за завтраков. Возможно, что неучами были все. Или мне это только казалось. Так или иначе, но никакими комплексами неполноценности я в то время не страдал. После окончания школы я поступил на 1-ую Московскую кинофабрику или, может быть, она называлась тогда "Межрабпом-Русь". Никакой 2-ой фабрики не было и в помине. Ближайшая была за две тысячи верст в Берлине. Но то была уже глубокая провинция. Там ставили слащавые мещанские мелодрамы. И вообще там шел мировой кризис. Настоящее кино делалось у нас на Поты-

лихе. Я был принят в штат в качестве творческого работника. Сколько мне платили – совсем не помню. Кажется, поначалу какую-то смехотворную сумму. Но дело было не в этом. Деньгами, по-моему, тогда никто не интересовался. Редакторов тоже не помню. Помню директора студии. У него была большая иссиня-черная борода. Он был совсем старик. Ему было уже за 30. Кроме творческих работников, на студии были работники технические. Больше никаких градаций не было. Режиссерами и сценаристами были все. Тут же, в коридоре, на клочке бумаги, а то и просто устно, сочинялись сценарии, собиралась группа, все вместе шли к директору и он запускал или отвергал. Но, по-моему, чаще запускал. Съёмки шли месяц; если совсем было туго с пленкой, то два. На следующий день после сдачи фильма можно было идти смотреть его в кинотеатр. Я чаще ходил на Никитскую в "Унион".

В то самое время, когда Миша Ромм высасывал из пальца свою умозрительную историю про пустыню, красноармейцев и басмачей, я писал по ночам в коммунальной квартире на Триумфальной свой опус № 1, который чуть позднее шел за границей под названием "Трехспальная кровать". У нас он назывался поскромнее. Миша никогда в жизни не видел ни басмачей, ни песков. Я никогда не видел любовных треугольников, а целовался к тому времени, по-моему, только раз. И к тому же со своей будущей женой. Я уже раз десять смотрел свой шедевр в "Унионе" на приставном стульчике – такая была давка! – когда вернулся из пустыни Миша. Он был впервые в жизни выбрит, бледен и растерян. Жаркое солнце пустыни светило мимо него.

– Ты знаешь, – сказал Миша, подозрительно оглядываясь, – у меня заболел герой и мне при-

шлось отправить его в Москву. Мы слали телеграмму за телеграммой, но никто больше не рискнул приехать...

– У тебя же было 13 героев, не считая басмачей.

– Вот именно, что 13! В этом вся трагедия.

– Миша, – удивился я, – с каких это пор ты стал суеверным?

– Не говори глупостей! – рассердился Миша. – При чем тут суеверие? Ты что, не понимаешь?

– Нет, – честно признался я.

– Их было тринадцать, ну?..

– Ну?..

– А стало двенадцать, ну?..

– Ну?.. – Глупо сказал я и почесал то место на голове, где светился мой персональный нимб.

– Мой фильм назывался "Тринадцать" – по числу героев... – дрожащим голосом начал Миша, недоверчиво поглядывая на меня. – А как я его теперь назову – "Двенадцать"?

– Угу, – согласился я.

– Да ты что, с ума сошел?! – закричал Миша истошно, и я подумал, что с пустыней действительно шутки плохи. – Кто же это пропустит?! Они что, апостолы, да?..

– Как кто пропустит?.. – забормотал уже я, – Ничего не понимаю...

– К нам назначен Главный редактор, – сказал Миша уже спокойно, но сурово. – И вообще начинаются реорганизация и тарификация. Образуются творческие объединения. Уже намечены художественные руководители... Ты вообще в своем "Унионе" все проспал. Ты стоишь в списке сценаристов, а я – режиссеров. Радуйся, что проскочили. Но про кровати больше писать не надо, – добавил Миша, глядя на меня холодными немигающими глазами.

Наступила томительная пауза.

– Ну, назови его "Кровь в песках", – сказал я, с трудом выдерживая тяжелый Мишин взгляд.

– В Берлин тебе надо ехать, в Берлин! – пронзительно сказал Миша, буравя меня своими черными глазами. – Они будут там стонать, рыдать от восторга! – "Кровь в песках"! "Кровь в песках"!..

Он все же назвал свой фильм "Тринадцать", и ни новый редактор, ни его 1-й заместитель, ни 2-й, ни 3-й и ни один из 329 редакторов нового, расширенного штата не потрудились пересчитать героев. Больше того, фильм идет до сих пор и этого не заметил ни один зритель.

Но мне было не до смеха.

Я поехал к себе на Триумфальную и весь вечер думал о том, что принесут эти новшества нашей фабрике и вообще нашему кинематографу. Ведь мне уже стукнуло 19.

Я жил тогда на Триумфальной улице вместе с родителями в огромной и мрачной коммунальной квартире. Но и от этого не страдал. Насколько я помню, все тогда жили в коммунальных квартирах. Во всяком случае все, у кого я бывал хоть раз. А бывал я у многих. То было веселое, почти бесшабашное время. И казалось, что ему не будет конца. В квартире было 8, а может быть, и 10 больших комнат. В каждой жило по несколько человек. Я жил в одной комнате с бабушкой, а мама с папой – в соседней. Бабушка была просто папиной мамой, папа играл на литаврах в Первом симфоническом оркестре, его тогда называли сокращенно – Персимфанс – это вообще была эпоха великих сокращений, – а мама три раза в неделю вела прием больных в своей гомеопатической поликлинике. В то самое время, когда на моей кинофабрике потянуло первым дымком всевозможных реорганизаций, расширений и сокращений, глухие удары пе-

ремен начали сотрясать всю нашу семью. Сначала начали критиковать в печати папин оркестр за то, что он играет без дирижера. Затем часть маминой поликлиники оккупировали алопаты, и началась длинная и нудная компания в газетах против гомеопатии. Потом бабушку вызвали в райсобес, чтобы произвести перерасчет пенсии. Из-за больных ног бабушка на улицу к тому времени не выходила уже лет пять. Но по такому случаю папа сбегал за извозчиком, и бабушка поехала в это учреждение лично. Вернулись они с папой расстроенные, и вечером бабушка даже плакала. К тому времени мама уже ходила на работу нерегулярно, а вскоре и совсем перестала. В оркестре появился дирижер, а газеты перестали бичевать гомеопатов и весь металл обрушили на всякие "черные магии" – телепатов и каких-то там иллюзионистов. Заодно досталось и клоунам. Но ни клоунов, ни иллюзионистов в нашей семье не было. Не было их и у соседей. Юрий Никулин жил в то время на другой улице и, кажется, не умел еще говорить. Только несколько лет спустя он скажет своей маме: "Мама, я хочу стать клоуном". На что мама ответит: "Тише, сынок, соседи услышат". Может быть, мама Никулина еще помнила те газетные статьи, а может, просто стеснялась. Я точно не знаю.

Мои новые сценарии рубила грозная редактора. И хотя время от времени как будто бы возникали просветы, сценарии прочно застревали в высоких сферах и иногда вообще не возвращались оттуда. Поэтому я начал копировать их сначала от руки, а потом купил за бесценок подержанный "Ундервуд" с русским шрифтом и стал строчить все под копирку. Но тем не менее я продолжал числиться в штате и считать себя сценаристом. К тому времени мама купила швейную машинку и под руководством соседки Людмилы Ивановны начала

обшивать сначала знакомых, а потом и незнако-
мых.

Кажется, я начинаю приближаться к истинным героям моего рассказа. У нашей соседки Людмилы Ивановны был муж. Кажется, он был писателем. Во всяком случае, когда я только поступил на кино-фабрику и начал марать бумагу, я знал его фамилию и инициалы. Несколько раз я даже просматривал в студийной библиотечке подшивки газет и журналов того времени, пытаюсь найти его имя. Но имени не было. Не значился он и в книжных каталогах. Я бросил эти поиски и про себя решил, что если он и в самом деле писатель, то уж во всяком случае ненастоящий. Когда у нас дома заходила речь о нем — это случилось раз или два всего, — то папа отмалчивался, а мама почему-то понижала голос и объясняла, что когда-то там, чуть ли не сразу после революции, он написал хорошую пьесу и ее даже поставили где-то, но потом сняли. Мама назвала и театр, в котором это случилось — какой-то очень известный московский театр, — но название театра сразу выпало у меня из памяти. Я был молод и устремлен в будущее. Прошлого для меня как бы не существовало.

Сосед — буду называть его здесь хотя бы Михаилом Поликарповичем — жил с Людмилой Ивановной через стенку от моей комнаты. Что-то он там все время писал — поздно вечером, когда затихала наша неугомонная коммунальная слободка, я слышал за этой стеной редкие и робкие удары пишущей машинки. Очевидно, сосед творил долго и трудно. Жилось им, кажется, не сладко. Людмила Ивановна была филологом и иногда замещала преподавателей в ближайшей школе, он же на моей памяти на службу не ходил никогда. Был он чем-то болен. Изредка даже приезжала неотложка. В такие дни Людмила Ивановна ходила с заплакан-

ным лицом, а мама тоже переживала и старалась угостить их чем-нибудь вкусненьким. Так и шло — мама гремела своей машинкой, я стучал на своей, а за стенкой раздавались длинные очереди швейной машины Людмилы Ивановны и редкие, робкие удары "писателя". Однажды пришел фининспектор и принес новый налог на ремесленников. Обе швейные машинки застучали быстрее. Через неделю фининспектор пришел снова и, вздыхая и сморкаясь, отдал маме еще один перерасчет налога. Машинки забились в истерику. Еще через неделю фининспектор, уже не здороваясь, сунул маме в темной прихожей еще одну квитанцию. Это был фантастический, грабительский налог на миллионеров. Обе швейные машинки смолкли разом и навсегда. А Людмила Ивановна посетила в первый раз ломбард. В это самое время пришла теперешняя мода на экранизации. Это придало мне бодрости и открыло новый, неиссякаемый источник вдохновения. Наша семья вздохнула свободнее, и мама снова разложила по ящикам уже приготовленные жалкие бабушкины и свои украшения. И опять я десять раз подряд ходил в "Унион", переименованный к тому времени в "Красный факел". За стенкой пишущая машинка соседа пыталась стучать бодрее, но ей это плохо удавалось.

То там, то здесь вспыхивали мастерские ремесленников. В городе говорили, что их поджигают сами хозяева, доведенные до отчаяния удесятеренным налогом. Но в это было трудно поверить. Началось долгое "Слёзкинское дело" о вредителях...

Шло время. Умерла бабушка. Я женился. Мама подолгу плакала в соседней комнате. Мне дали комнату недалеко от студии, я перевез туда колченогий стул и табуретку и иногда ночевал там на матрасе. Но дом на Триумфальной не оставлял. Очень редко видел я соседа в коридоре. Он часто

кашлял и шея у него всегда была завязана шарфом. Мы здоровались и проходили мимо. И только однажды – никогда себе этого не прощу! – я заговорил с ним. Всего несколько фраз. Почти ни о чем. Я вышел из комнаты с полотенцем в руках. Перед дверью коммунальной ванны в ожидании своей очереди стоял сосед. Он плохо выглядел. Мы поздоровались. Возвращаться обратно в комнату мне показалось неудобным. Стоять рядом и молчать было неудобно тоже. Я что-то сказал. Он что-то ответил. Возможно, о погоде. Надо было сказать еще что-нибудь, но ничего не придумывалось. И тогда я спросил первое, что пришло в голову, дежурное и немудрящее, как порой спрашиваешь: Как живете? – на что обычно отвечают: Спасибо, ничего. Я почти так и спросил: "Над чем работаете?" – и ждал такого же дежурного ответа. Но сосед начал серьезно и подробно что-то объяснять. Я слушал только из вежливости и наверняка совершенно забыл бы этот эпизод через несколько минут, если бы не непривычные слова – "Иуда Ишариот". Я начал прислушиваться внимательнее. Сосед говорил что-то о том, что пишет большую книжку о великой любви и сейчас работает над эпизодом встречи Иисуса Христа с Иудой Ишариотом – эпизодом очень сложным и важным, имеющим большое значение для всей книги. "Что-то в этом роде". Сосед говорил бы еще и еще – тема эта его как будто вдохновляла, – но тут щелкнула дверь, и из ванной вышла старушка Палаша. Продолжать разговор в очереди перед свободной ванной было странно и неудобно, сосед скомкал свой рассказ и пригласил зайти в любое время к ним в комнату – поговорить о том, о сем и обсудить написанное. Я поблагодарил и пообещал. Но, конечно же, не пошел. И не то чтобы я совсем не верил в существование соседского творения о великой любви. Просто оно меня совершенно не интере-

совало. Вроде бы еще пару раз при встрече с соседом в коридоре меня мучили легкие угрызения совести – надо бы зайти, неудобно, пообещал же. А может быть, мне это только теперь кажется. Но так или иначе, я к нему не зашел никогда.

Мы с Любой спали у смежной с соседской комнатой стены. Однажды посреди ночи меня будто током ударило. Я проснулся. За стеной что-то хрипело и булькало. И вдруг смолкло. И тут же ночную тишину прорезал отчаянный женский крик, нечеловеческий, почти звериный. Заворочалась Люба. Я ее разбудил:

– Люба, у соседей что-то неладно. Кажется, Людмила Ивановна кричала.

Люба привстала с кровати:

– Может быть, ему плохо.

Я сказал:

– Пойду скажу маме.

Но мама уже не спала. Она тихо крестилась и плакала.

– Вовочка, ты слышал?

– Мама, что это?..

– Он умер, Вова, он – умер.

– Может быть, пойти, помочь...

– Нет, Вовочка, не надо. Чем теперь поможешь?..

Кажется, со времени смерти папиной мамы мама стала часто плакать. Я вернулся в свою комнату. Люба лежала с открытыми глазами. В комнате соседа еле слышался женский плач.

Его похоронили незаметно. Кажется, большое участие в похоронах приняли папа и мама. Может быть, и деньгами. На меня чужое горе всегда действовало тяжело и я постарался бывать в эти дни на Триумфальной как можно реже. И ночевал на Потылихе, теперь уже Мосфильмовской. Людмила Ивановна за эти несколько дней сильно сдала,

сгорбилась и стала шаркать ногами. Она и раньше была тихой и незаметной, теперь это была почти бестелесная тень. Когда она встречалась со мной в коридоре и здоровалась, то я понимал это только по движению головы. Кажется, на похороны приехал кто-то из Союза писателей.

Прошло почти сорок лет. Умерли мама и папа. Люба уже шаркает ногами. Я пока держусь. Но недавно на своем юбилее в Доме Кино упал со сцены. Правда, меня уронили. Весь зал ахнул и вскочил. Но все обошлось. Да, и еще прическа не та. А так ничего, держусь. Я сделал около пяти десятков фильмов. Написал несколько десятков книг. У меня дома часто бывают молодые. Им теперь много труднее, чем мне когда-то. И я им помогаю сколько могу. Меня любят. Большую часть года я живу в Переделкино. Дом у нас зимний, теплый. И еще недавно пристроили застекленную террасу. Это уже для внуков. Все чаще и чаще дает о себе знать память об ушедших. Молодым это не дано. Да и не надо, наверное, очень уж это больно, мучительно больно. К близким могилкам прикипаешь душой, когда начинаешь считать не годы, а дни. И еще мучает меня совесть. Одна и та же мысль: "Может быть, ему, кроме меня, и выговориться было не с кем?" Но я ее гоню. А она опять приходит.

Несколько лет назад получил я один журнал. Развернул. А, вот и незнакомое мне имя! Читаю. Чудо, как хорошо! И вдруг – Иуда Ишариот. А вскоре – Иисус Христос. Боже мой, что это?! Память что-то шепчет, словно бредит. Память что-то знает. Читаю дальше. Какая любовь! – "Великая любовь"! – Стоп!.. Вижу темный коридор, вижу коммунальную квартиру, вижу дом на Триумфальной... – Стоп! Вижу очередь перед ванной. Сосед! Как его? Как

его? Да вот же – напечатано имя! Читаю дальше. А память шепчет – это он! Читаю дальше, и каждая буква – это робкий, неуверенный тычок пишущей машинки за соседней стеной. Какая сердечная боль! Какая глухота, слепота. Слезы застилают глаза! Люба говорит, что после смерти мамы и папы я стал излишне сентиментальным. Я их не вытираю – пусть себе текут.

Я вижу его комнату в доме на Триумфальной. Комнату, в которой я никогда не был. Комнату, в которую я не решался, – нет, вру! – не захотел зайти. Она ведь, конечно же, была похожа на соседнюю – мою. Я мысленно измеряю его комнату по длине коридора – да, совсем, как моя, – ни больше, ни меньше. Несомненно тот же нелепый потолок метрах в восьми от пола. Те же закопченные каменные своды с еле проглядывающими сквозь протечи дождевой воды таинственными фресками. Те же огромные, чуть ли не пятиметровой высоты окна с остатками цветных витражей. И вид из них на ту же сторону Москвы – с рядами разновысоких крыш и далекой полоской Москва-реки. Этот дом строил, наверняка большой выдумщик и для большого богача, миллионщика. Я вижу беломраморные выщербленные ступени парадной лестницы, лифт с фанерными заплатами на месте венецианских зеркал, спящих каменных львов в холле и большой макет фасада, вмонтированный в боковую стену и когда-то застекленный. Я вижу его комнату с такой же пишущей машинкой, как у меня, и такой же швейной машинкой, как у мамы. Я вижу кровать, на которой он умер, – такую же, как была у меня и которую мы недавно выбросили, чтобы заменить ее на новую, финскую с французским пружинящим матрасом. Я вижу его, сидящего за "Ундервудом", сгорбленного, закутанного в шарф и

осторожно нажимающего на клавиши. Я вижу все это. Это мучительно больно. Но от этого мне, пока я жив, не уйти никуда.

Его уже опубликовали почти всего. Выпустили только самую малость. По мотивам "Великой любви" за границей сняли два фильма. Или, вернее, – я видел два заграничных фильма. Югославский и французский. Это было не хорошо.

Время от времени у нас отмечают его скромные юбилеи. Он умер задолго до настоящей старости и поэтому цифры не такие большие. Пару раз и меня приглашали посидеть в президиуме. Просто так приглашали. Они ведь пока ничего не знают про мое житье-бытье в доме на Триумфальной. И пусть не знают! Я на эти юбилеи не хожу. Сидеть как истукан на сцене и смотреть в зал на публику я не люблю, а говорить про нашу встречу перед ванной до сих пор не хотелось. Несерьезно это как-то звучит. Или слишком серьезно. Но я, так сказать, не сумел бы. Вот написать – дело другое. Но есть и другая причина, по которой я не хожу на его скромные юбилеи. Жива Людмила Ивановна. Я ее видел как-то в Доме Литераторов на каком-то эпихальном, но незначительном лично для меня торжестве. Она меня, конечно, не узнала. Даже если бы рассмотрела. А я ее узнал сразу. Удивительно, но время обошло ее тленом. Ее водил под ручку какой-то официальный молодой человек, а потом посадил в такси и увез. Очевидно, она была почетной гостьей. Я навел справки, как она живет. Мне сказали, что ей дали однокомнатную квартирку в тихом районе, потому что в дом престарелых – ей предлагали какой-то привилегированный – она ехать отказалась. По закону об авторском наследовании ей ничего от мужа не полагалось. Крайний срок 30% отчислений от гонораров автора истекает

через 25 лет после его смерти, а его напечатали спустя 30. Но все же удалось, правда с трудом, выхлопотать ей пенсию в 80 рублей. Говорят, что ей на питание должно хватать. Я все-таки этому не поверил и перевел относительно значительную сумму на ее имя. Разумеется, инкогнито. Хотя вполне мог и подписаться. Имя мое она, конечно, слышала, но никак не может уже связывать его с тем домом на Триумфальной, с той коммунальной квартирой, где прошли моя юность и вся его жизнь.

1975 г.

Лестница воспоминаний

Утро в день переезда на новую квартиру было насыщено делами. Не надеясь более на свою память, Владимир Павлович почти каждый вечер заготавливал на будущий день листок – "шпаргалку". По лености, по обстоятельствам – чужим и своим, – что-то, как правило, оставалось несделанным и, суммируясь, набегало на день "икс". Сегодня был как раз такой черный день. Старые дела в новое место везти не хотелось.

Шел уже четвертый час пополудни, когда Владимир Павлович наконец подъезжал к своей остановке. Автобус шел полупустым, но приближалось время "пик". Надо было спешить. Вещей – тех, что при себе – казалось, было немного. Часть гардероба – в основном зимнего – прессовалась в шкафу у Зиновия Яковлевича – плотными, сомкнутыми рядами – моль не проползет. Часть вот уже лет пять хранилась в Андрюшиной новой квартире – из тех, что и носить не хотелось, и выбросить было жалко. Часть лежала у Зины, часть у бывшей жены. Порой, роясь в старой одежде, брошенной на хранение, он

находил давно забытые вещи, которые опять входили в моду. Других плюсов в этой кутерьме не было.

На стекло косыми рядами ложились струйки дождя. Погода опять менялась – дул сильный северный ветер. Когда вылезал из автобуса, слышал, как вдали словно что-то зарычало – в той стороне, где находился аэродром. Не сразу сообразил, что это грохочет гром. Осень стояла в этом году суматошная – то снег, то теплынь. Можно было уходить из дома, коченея, в метель, а возвращаться вечером в духоте прекрасного бабьего лета, перебросив через руку никчемную уже шубейку.

Взлетев к себе на верхотуру (он давно заметил, что ему везет на последний, двенадцатый этаж) и обливаясь потом от спешки и нетерпения, Владимир Павлович открыл дверь и вошел в дом.

Никого не было. Он поставил на плиту чайник, хотя и был сыт. Оставалась кой-какая еда, жалко было выбрасывать. А везти ее с собой через всю Москву просто глупо. Еще со времен студенчества в чужом городе осталось у него особое отношение к еде – не мог взять и выбросить.

Ритуал сборов за долгие годы бродяжничества был отработан до винтиков. Сначала все барахло вываливалось на кровать. Затем сортировалось по кучкам. Затем впихивалось в емкости.

Роль кровати в этой квартире выполняла так называемая козетка в метр с "кепкой" длиной. К ней совместными с хозяйкой усилиями были прилажены твердые диванные спинки, а сбоку – валики от того несуществующего дивана. Эта шаткая конструкция имела обыкновение расползаться по ночам. Приходилось вставать и сдвигать все заново. За год он научился проделывать эту манипуляцию в полудреме, почти не просыпаясь. И как бы гордился этим. Впрочем, что было, то прошло...

Вещей тем временем набралось неожиданно много, несмотря на естественный отбор. Владимир Павлович огорчился. На кухне давно пел чайник, уже захлебывался, хрипел. А Владимир Павлович все стоял в задумчивости.

Приходилось привыкать к мысли о такси. Владимир Павлович представил себе эту гору вещей в своих руках и четыре предстоящие пересадки и понял, что находится за пределами человеческих возможностей.

Мысль о такси росла и каменела. Ватными ногами он добрался до кухни, выключил истошно орущий чайник и почти упал на стул. Давно замечено, что деньги плывут к деньгам, а нищета – к бедности. Предстоящий расход минимум в семь рублей был внеплановым, грабительским, бездарным.

Если говорить как на духу, то Владимиру Павловичу приходилось пускать на ветер почти без всякого сожаления и гораздо большие суммы. Но сегодня и семи рублей было довольно. Сегодня был черный день. Мало того, что он ежемесячно выбрасывал два кооперативных взноса, забывал и терял с трудом нажитое добро, питался втридорога, черт знает чем и где, – сейчас он вообще не видел выхода из этого дьявольского круга. Кочевая жизнь была просто разорительна. Другую он создать не сумел. Он просто недоумок, вечный неудачник. Надо наконец взяться за ум. Тоже мне непризнанный гений, аскет, стоик! Научиться ловчить, устраиваться. И прежде всего заняться своим бытом. Невозможно жить так до бесконечности. Не мальчишка. Почти 40. Чертов йог! Беспризорник!..

Что-то шевельнулось в голове. Какое-то смутное воспоминание. О чем это он? Да, да, о квартире... Теперь явственно щелкнуло. Потом послышался звук. Как в телевизоре, который только что

включили. Шум многолюдного помещения. И появилась картинка. Он узнал ее сразу...

* * *

Это была комната в редакции "Цирка и эстрады" – журнала, в котором Басову довелось недолгое время служить. Вот за левым столом Женя Филонова. Она только что вернулась с Сочинского фестиваля и сейчас разбирает фотографии. Дай Бог памяти – это последние числа или июня, или июля. В этот самый день его как раз послали в командировку. Надо было брать интервью и писать статью об одном очень известном актере. Актер тогда еще жил в Ленинграде, но уже собирался переезжать в Москву. Редакция, как всегда, дотянула до последнего, а может быть, статья какая-то вылетела и нужно было скорее латать номер. В общем, к 12-ти он пришел на службу, а уже через час его вызвали к заму, и тот объявил, что это почетное и интересное задание поручается ему из-за крайней срочности материала и его, Басова, молодости. Как сказал Дмитриев – его, Басова, вызывающей молодости. Зам, как видно, умел из необходимости сделать конфетку. Командировку и деньги дали, а билета, конечно, не было, потому что редакционный билетер принимал заказы на билеты зимой не позже, чем за 3 дня, а летом – за 10. Басов тут же в кабинете решил, что как-нибудь уедет – Ленинград все-таки не Сочи, и поехал домой.

Жил в те времена тоже не близко. По пути захватил на Дзержинку и в "своей" столовой съел обязательную селянку с неизменным рубленным шницелем. Кстати, это классическое меню сохранилось здесь и по сей день – во, руку набили! Дома взялся за телефон (без телефона в больших городах

никак нельзя), 28 раз набирал номер общегородской железнодорожной справочной – представляете, как бы он вызванивал из автомата – легче смотреть на вокзал – час туда, час обратно. Дозвонился-таки: часы "пик" начинались с десяти. В девять вечера сунул во внутренний карман плаща (Ленинград – не Сочи) зубную щетку, электробритву, еще раз проверил деньги и документы и поехал на вокзал.

В душном тесном зале народу было, как обычно – пропасть, но возле касс – по одному, по два. Билетов, конечно, не было никаких. Поразмыслив над расписанием, Владимир Павлович подошел к окошку мягких и международных – зам подпишет на оплату, никуда не денется – там ничего. К окошку возврата – тоже ничего; еще и обругали – Знаете ведь, все, что возвращают, сразу же поступает в кассу. – В какую, их здесь целая дюжина? – Кассирша через бойницу смерила его взглядом от пролысины на макушке до узких плеч – Много знать хотите, скоро состаритесь. – А все же?.. – А это в какую придется. – Значит... – Владимир Павлович представил себя мечущимся от кассы к кассе, задыхающимся, с высунутым языком – и не выдержал – расхохотался. Кассирша удивленно вскинула брови – должно быть, с весны не встречала веселых пассажиров.

У окошка администратора громадным клином нависала грозная толпа. Владимир Павлович достал свое кожемитовое удостоверение цвета бордо и по очереди показал его в воинскую кассу, кассу матери и ребенка и в бронирование билетов. В первых двух на его удостоверение даже не взглянули, а из третьей сочувственно вернули – Ничего нет, товарищ из цирка... – Что же делать? Может, махнуть на электричке до Калинина, а там на проходящий? Впрочем, с этим можно повременить – по-

следние поезда до Калинина идут после полуночи. Взгляд упал на табличку возле массивной дубовой двери – "Зал депутатов Верховного Совета СССР и Союзных республик". Тоже вариант – рискнем перед Калининым. Владимир Павлович вышел на платформу, отдышался и еще раз мельком пробежал глазами знакомое до слез расписание поездов. Что это? Внизу белела в полутьме маленькая прищепленная записка. По складам разобрал нацарапанное бледными, разведенными фиолетовыми чернилами: "Объявление. С Курского вокзала отправляются поезда на Ленинград в 1.12 и 4.25. Администрация".

Доехать на метро до Курского было делом десяти минут. В окошечке сказали – на проходящие продаем за час до прибытия. ...Когда же они прибывают? Отстоял очередь в справочную. Поезд Адлер – Ленинград прибывает в 1.02, поезд Сухуми – Ленинград в 4.00. – Простите, а когда они приходят в Ленинград? – Адлерский в 9.40, а Сухумский в 12.15. – Спасибо. Значит, так... Цифры перемешались и метались в голове пчелиным роем. Эх, надо было записывать! Еще раз стоять очередь не хотелось. Значит, так... 1.12 приходит в 1.02, билеты за час, за час, от часа две отнять час будет двенадцать ноль две. Второй приходит в 4.10, билеты будут в 3.10. Если будут...

Стрелка стенных электрических часов дернулась и застыла возле полуночи. Владимир Павлович вернулся к кассе и занял место в небольшой очереди. Люди быстро отходили от окошка. Подойдя к кассирше, Владимир Павлович попросил одно купейное место до Ленинграда на поезд Адлер – Ленинград. – Сведений нет. – Как же, а за час?.. – Запоздывает. – Кто запоздывает, поезд? – Сведения запоздывают, гражданин!..

Он прислонился к стене. Кому-то выписывали

служебные до Брянска. Кто-то хотел и не мог уехать в Курск. Ростов-на-Дону третьи сутки метался по вокзалу. У Армавира умирала мать...

Он уехал жутким сухумским поездом с первыми солнечными лучами. Разбитый плацкартный вагон храпел и видел цветные сны. Усатый абхазец выдал ему серое влажное белье. Через два купе сифонило из окна, позвякивали стаканы и вполголоса гундосили не по-нашему. Потом поблизости заплакал ребенок. Глаза у Владимира Павловича совсем слипались. Он наскоро постелил белье и уснул еще раньше, чем ощутил покой и блаженство.

Хождение и шум начались рано. Около девяти начали требовать белье. После того, как кто-то второй раз грубо, молча и настойчиво дернул за край одеяла, Владимир Павлович решил, что поспать больше не дадут, и стал подниматься. Шел всего лишь десятый час. Но чувствовал он себя на удивление выспавшимся. Во всем теле ощущался какой-то упругий боевой задор. Он выпил пустой подостывший чай, достал из плаща бритву и встал перед туалетом. На улице вовсю сверкало солнце и вообще намечался отличный день. Электрическая розетка в туалете не подавала признаков жизни. Владимир Павлович ополоснул лицо, смотал шнур и решил, что побреется на вокзале.

Последний час тянулся, как всегда, томительно долго.

С вокзала он поехал на Ленфильм. Из бюро пропусков позвонил по внутреннему телефону в актерский отдел. Там ему сказали, что интересующий его Актер к трем часам приедет в тон-ателье на озвучивание. Басовская чрезвычайная миссия разворачивалась как нельзя более удачно. Ему выписали пропуск, и он долго бродил по полупустым,

темным после яркого солнца коридорам и холлам, разглядывая всякие стенды и фотографии, пока не попал в буфет. Здесь ему понравилось и он не спеша смаковал уже вторую чашечку двойного кофе, разглядывая входящих и припоминая их фамилии. Да, были и в его жизни удивительные встречи. Он видел живых гениев, общался с ними. И вот предстоит еще одна...

Актер оказался таким, каким он представлял его себе, и не совсем таким – моложе и, пожалуй, застенчивее. Басов умел записывать, не глядя в блокнотик. Беседа текла интересно и непринужденно. Оказывается, некоторое время тому назад Актер тоже был москвичом и тоже почти что бездомным, как и он, Басов. У него тоже была жена и маленький сын, и они с временной пропиской ютились втроем в пустой 9-метровой комнате, где стояла только детская кроватка, а сам Актер с женой спали на полу. Как раз в то время он снялся в ставшем теперь классическим фильме одного большого режиссера. Фильм этот послали на кинофестиваль в Канны, и он тоже поехал туда в составе делегации. Большое жюри и шикарная публика смотрели фильм, а они с режиссером, героиней и партнером тоже сидели там, в маленькой ложе позади зала.

Смотреть на себя на экране было, оказывается, мучительно тяжело. И не потому, что не нравилось, нет, просто казалось, что все это слишком личное, близкое, не интересное и не понятное всем этим прожженным кинематографическим дельцам, разряженным господам и дамам. Зал как будто вымер. В зале было тихо. Никто не смеялся, не шептался. Тишина давила мертвящим грузом. Он встал и вышел из ложи – больше не было сил. За фасадными окнами Дворца по ярко освещенной набе-

режной Круазетт катилась веселая шумная толпа. Он не мог смотреть на чужое веселье – вернулся в ложу. Здесь было тихо и печально, как на кладбище. Фильм катился к концу. Вот и последний кадр с маленьким смешным человечком. Он мельком взглянул на экран. Конец. Вспыхнули люстры в зале. И вдруг... – Что это? Не может быть?! Они хлопают, они стучат ногами, стульями, они что-то кричат. Боже, где мы?! Или мне это только снится? Во Дворце фестивалей нельзя хлопать, нельзя вслух выражать свое мнение. Как написано повсюду: "Это мешает работе Жюри". Какой успех! Какой удивительный успех! Неужели эта простая и немного грустная история одной прожитой жизни способна так взволновать этих беспечных, выдавших все на свете буржуа? В ложу вбежал член Большого Жюри от Советского Союза, кинулся их обнимать. – Ребята, или фильм получает Гран при, или ты, Кирюша, приз за лучшую мужскую роль. Третьему – не бывать!..

Он не мог заснуть в эту летнюю ночь. Открыл дверь и вышел на балкон. Набережная Круазетт тоже не спала. Но он не видел ее, не слышал музыки, голосов. Он был мысленно в Москве, в маленькой комнатухе у Колхозной, где сейчас спали его жена и сын.

– Боже, прости меня! Сделай так, чтобы фильм не получил Большой приз.

И он представил себе, как приходит в Моссовет к заместителю председателя исполкома (к председателю его все же не впустят), кладет на стол сафьяновую папочку с золотым тиснением и скромно говорит: "Здравствуйтесь, на кинофестивале в Каннах я был признан лучшим актером этого года в мире. У меня к Вам небольшая просьба – если можно, однокомнатную отдельную квартиру, если только можно..."

Фильм получил Гран при.

Владимир Павлович мучался три дня, но истории этой так и не написал. Он ходил по комнате (18 кв. м.), выходил на балкон, видел перед собой ночную Круазетт с подсвеченными пальмами и брызгами волн, видел лицо спящей жены и своего маленького сына, зовущего во сне папу. Он видел все это и все же не написал ни строчки. Потрясающая эта история не хотела влезать в статью. Ей там было душно...

Он очень старался, писал на совесть, совсем не подходил к телефонным звонкам, почти не ел, ни разу не вышел на улицу. Когда он сдавал статью секретарю редакции, его ноги тряслись. Секретарь сказал равнодушно: "Дмитриев интересовался вами". Ноги дрожали по-прежнему и он пошел домой отсыпаться. На душе было чудовищно пусто. Как будто он кого-то предал...

* * *

С Актером все уже давным-давно в наиполнейшем порядке. За последние годы он поменял несколько квартир, дач, автомашин. С "повышением" переехал в Москву. Стал классиком, именем почти что нарицательным. Отснялся в нескольких десятках фильмов. Озвучил многие десятки. Развелся и женился по новой. У него открытый счет в банке. Каждое лето с женой он на месяц-полтора ездит на Ривьеру — поправлять внезапно пошатнувшееся здоровье.

Бывал ли он еще в Канне? Выходил ли на балкон над набережной Круазетт пьянящей летней ночью — с по-прежнему мягким, но как бы округлевшим лицом, с отяжелевшим животиком — всё такой же милый, скромный, всё еще моложавый?

Вспоминал ли тот первый в своей жизни фестиваль, ту бессонную ночь и маленькую комнатку на Колхозной?

Владимир Павлович этого, конечно же, не знает. Но почему-то хочется ему верить, что Актер непонятым для новой жены образом избегает Кани, что ездят они только в Ниццу, что выходя ночью на балкон, видят перед собой набережную Променада де Англе, окаймленную белой пеной прибоя, и мысли Актера, такие ухоженные и покойные, не возвращаются в давнишнюю Москву...

С тех пор Владимир Павлович никогда не встречал Актера наяву, а видя его на экране, ощущал какое-то чувство стыда и обиды, — что-то ушло, исчезло в новых ролях, в его гладком, умиротворенном лице, жестах, голосе. Что-то улетело безвозвратно...

В такие минуты Владимиру Павловичу вдруг становится панически страшно за себя и не хочется даже думать о собственной квартире.

1977 г.

"В этом времени стихам не место..."*

Четверть века назад (так недавно...) я рыскал по библиотекам, жадно выискивая добычу: стихи. Мне не много было нужно: хоть две строчки. И они появлялись иногда (нередко, помню, в алма-атинском "Просторе"). Автор, какая-нибудь молодая девушка, могла, обязательно должна была сделаться поэтом. Невидимые ниточки протягивались между нами, я ждал следующих номеров журнала, ее новых стихов...

А они исчезали. И я переставал ждать, забывал имена, да даже и стихи тоже... Все было тривиально - до кошмара, до запоя. Никаких репрессий - если бы! Но было проще, мерзее: змеиные хвосты очередей, хамство мужа, совслужба душили, добивали. То, что могло бы *стать*.

"Мы давно называемся взрослыми..." И я понимаю теперь, что, в сущности, всё это было абсолютно нормально. И прочее тоже: неандертальское позорище суда над Бродским, убийство Василя Стуса... Ну и что? Тоталитаризм - весьма точное слово; "тотал" - не антипод нормальному бытию мира, а *полнота* этого бытия. И до коммунизма пускал себе пулю в лоб Клейст, и "царствовал какой-то холод тайный" в душе просчитывающего свою гибель Лер-

* Эти заметки предваряют следующую за ними подборку стихов молодых московских поэтов, составленную В. Пухановым. Редакция намерена эту подборку расширить.

монта... И куда подальше, в какие-то Мессалонги ехал умирать Байрон - в сомнительной компании "борцов за свободу"...

Так что вчерашний день советчины - всего лишь "тотализированная", доведенная до совершенства норма. Норма взаимоотношений поэта и общества.

А сегодня? Что же сегодня?

...Недавно один человек прочел мне восемь строк. Это было именно то, от чего "трезвая голова Сильно кружится по вечерам подолгу". Стихи - прилагательное перед этим словом бессмысленно... "Это... было уже где-нибудь?" Он поежился. "Да такие я даже и не записываю. Это я просто... Вам". "В этом времени стихам не место", - добавил он вдруг.

Ни грамма снобизма в его тоскливом омерзении не было. Он хочет понять окружающий мир - но ему этого не дано. Непьющий, он с ужасом видит скоропостижную деградацию, гибель своих друзей. Он захотел почувствовать то же, что и они, - и однажды, в геологической экспедиции, заставил себя запить. Пил добросовестно, две недели подряд. И валялся в блевотине, и плакал, и бормотал что-то про "тысячелетье на дворе...". И так ничего и не понял.

Всё просто: он опоздал родиться, на пару десятилетий. Вряд ли когда-нибудь поэты бывали членами общества трезвости. Было всё: лихорадочная сдача по утрам пустой тары, а потом пробежка назад уже с полной, и девочки, и стихи...

А сегодня... Бессильно сидишь часами на стуле, в параличе мыслей, образов, ощущений. Писать не хочется (зачем?), да и чувствовать не хочется тоже. А потом - надо ведь что-то сделать, наконец! - протягиваешь руку к бутылке... Но почему же всё это? Ведь литературная жизнь стала намного свободнее, это вроде бы сомнений вызвать не может. Цензуру постановили отменить...

"Дали вчера свободу. Что я с ней делать буду?" - хрипит, предупреждает из лагерных десятилетий Высоцкий.

Отменили цензуру? Есть один стих (замечательный стих, по-моему...), а в нем такая строчка. "В Москве апрель, а в Кирове вот-вот..." И ни одному редактору стих не нравился. А потом вдруг понравился всем. И поэт не мог понять, в чем дело - пока не сообразил с ужасом. Возникла группа "Апрель" - и строчка стала злободневным, очень своевременным политическим намеком!

Лихой анекдот? Да мне десятки таких все знакомые поэты рассказывают. Им это тоже было смешно поначалу - пока не привыкли. Нормальное отношение к поэзии в эпоху бурных революционных преобразований.

Мысль о том, что литература нуждается в давлении, в терроре, столь же неоригинальна, сколь и сомнительна. Во всяком случае, выхода из трагического тупика, в который попала наша культура, она не подсказывает. Можно, конечно, построить концлагеря специально для поэтов - авось, возродятся...

Серьезное рассмотрение скоротечной эгалитаризации нашего общества - тема особого разговора. Разговор уже начат, он идет. Напоминают - как всегда, немногие, очень немногие, - что демократизация - это не просто, когда "диктатуры нету". И даже не в первую очередь.

"Когда спросили: "Он ваш лидер?" - я ответил: "Он наш король". Смысл статьи С. С. Аверинцева об академике Сахарове ("Референдум № 37") в том, что без элементов аристократизма демократия теряет ценность, обращается в охлократию - одну из своих противоположностей.

Но трагедия в том-то как раз и состоит, что даже такие статьи ни на йоту не меняют общественных штампов. Сахаров остается демократом. Борцом с бюрократией. С... элитой!

И, разумеется, пошлейшая путаница *терминов* - точнее отражение эгалитарного перемешивания *понятий*. А при перемешивании тонкое, благородное, ценнейшее - не выживает...

"Лучше я загуляю, запью, заторчу", - надрывается, слышен еще сквозь джазовый ор голос удушенного време-

нем поэта. Немудреная песенка о том, что "до последней черты, до креста" - лучше так. Чем обидеть, предать, чем стать негодяем, потерять простые моральные ориентиры. Старомодная песенка, непонятная и безопасная теперь, - в стране, по-иному, по-новому пьющей и торчащей: кто сермяжно, как прежде (казалось бы...), кто в площадной бессмыслице демократических митингов. Под ловлю кайфа, под восторги почтеннейшей публики утратившие остатки стыда аппаратчики нашивают слева от несмываемого клейма "коммунист" красно-желтую бирку "анти".

О, сколь многое стало можно! А всё труднее, почти нельзя уже - просто дышать.

Что ж, впервой ли нам, реакционерам и мракобесам, на амбразуры времени вышагивать. Остались же, есть все-таки еще люди, не могущие не писать эти самые... как бишь они назывались тогда... стихи. И другие есть еще тоже, у них странно меняются глаза при звуках классического, нормального, перестроившегося русского языка...

Виталий ПУХАНОВ

* * *

У Себастьяна Баха
Была одна рубаха,
Он в ней ходил на службу и так ее носил.
Когда она протерлась на ворота и локте,
Он новую рубаху у Бога попросил.

Он попросил у Бога
Так мало, так немного, -
Ни смерти, ни спасенья, ни истины земной,
И Бог был опечален -
Ведь Бах необычаен,
Но не было у Бога рубахи ни одной.

* * *

Последний жук без видимой печали
Упал в траву и в лучший мир отчалил.
И думает, что он незамечаем
Затем, что он на веточку похож.

А над жуком деревья отлетают
И видят: жук последний засыпает.
Они его листвою подтыкают
За то, что он на веточку похож!

А я жуков совсем не различаю
И за его название не ручаюсь,
Я только отдаленно замечаю,
Как этот жук на веточку похож!

* * *

Ваньке безбородому
Говорили ложь:
Выбирай – За Родину
Или так умрешь.

Все дороги пройдены,
Что тут выбирать –
Русскому за Родину
Легче умирать.

Взял он вилы дедовы,
Взял он хлебный нож, –
И пошел с победами
За родную ложь.

* * *

Я сам себе и Моцарт и Сальери.
Мазетро мертв, но музыка звучит, –
Что отворил, что алгеброй поверил –
Уже никто не сможет различить.

Никто не сможет – музыка звучит,
Когда горят пасхальные свирели,
Приходит Бах. Он может, он молчит,
Он сам себе и Моцарт и Сальери...

ПЛОЩАДЬ ПУШКИНА

Так много их бродило здесь, –
Что в камне след уже не спрячешь.
И ничего уже не значит –
То, что они бродили здесь.

И что – я тоже здесь ходил
И по земле ногой водил,
Следа не оставляя.
Пусть каждый будет знаменит.
Нам только Пушкин предстоит,
И ты, земля сырая...

* * *

Зачем мне знать, откуда Пушкин родом
И чем любезен был доверчивым народам,
Как чувства нежные он лирой пробуждал,
И милость к падшим призывал.

Как Николаю перед всем народом
Он чувственную руку целовал.

Как вечерами душу торговал, –
И все-таки не отдал...

Но знаю я, что он не умер весь.
Я прижимаю руку, – Пушкин здесь,
На дне души, как антрацит, темнеет,
И с отвращением читает жизнь мою...
Я слезно жалуюсь, я горько слезы лью,
И признаюсь, но он тому не верит.

* * *

Пока я жил на этом свете,
За двадцать лет,
Я только то узнал о смерти –
Что смерти нет.

Когда она, меня заметив,
За мной брела –
Я знал, что смерти нет на свете.
А жизнь была.

* * *

Сквозил ноябрь из всех щелей лесных,
По всей земле дома подорожали,
Как будто кольца слитков золотых
На дне сухого дерева лежали.

И женщины стареющей гурьбой
Просили петь Прощание Славянки
И гармонист, родной и дорогой,
Аккордеон выносит из столярки.

Он танго аргентинского кино
Перебирает на родном дыханьи,
И музыка, не то, что бы Оно,
Но все-таки похожа на прощанье.

Владимир ЕРЕМЕНКО

* * *

Внезапно станешь одноликой
В зрачках повинной головы.
И принесешь меня уликой
На грань Великой и Псковы.

Туда, где каменные вдовы
Полощут простыни с утра.
Где в землю купол бирюзовый
Зарыт холопьями Петра.

Я буду верить в складки платья,
В чудесный умысел земной,
Но только б не было заклатья
На голос, выстраданный мной.

И пусть скулит в тумане сиром
Моя грошовая вина,
Я лягу в мир и буду миром:
По мне пройдет его стена.

* * *

Божество земли – слепая вена,
Синева, звучащая опально.

Материнство женщины – надменно.
Материнство осени – печально.

О, у каждой завязь осторожна,
Плод жесток, цветенье уязвимо.
Ощущенье замысла тревожно,
Побуждение опыта незримо.

Но потом, в безумной круговерти,
Принимая богово без гнева,
Женщина глядит в глазницы смерти,
И дитя кричит на грани чрева!

А природу сковывает дрема –
Забывает тех, кого явила.
И в лучах холодного светила
Яблоко лежит у окоема...

Федор ВАСИЛЬЕВ

* * *

День прибрал имеющее цену,
но пространство – чистый водоем, –
копны неухоженного сена
делят звезды пополам с дождем.

Помахав худыми рукавами,
спрячусь в дом до наступленья дня, –
в сундуке с полезными вещами
есть немного места для меня.

* * *

Под покровом синей ночи
Русские деревни.
Всё бы новенький платочек,
Слёзоньки царевны,

Бог хранит вас, век хоронит,
Ветры утешают,
То не ветер ветку клонит,
Стеньку провожают,

В синем храме отпевают
Девицу Анфиску,
Небо низко над домами,
Небо близко-близко.

ВОТ И ВСЁ

Низко под ногами град и гром,
Вот и дом,
На ладонях воск, в гортани лёд,
Вот и свод,
Свод на нет, по контуру, иглой,
Я укрыта ледяной золой,
Даже если ты меня спасешь,
Я не отогреюсь, вот и всё.

АНГЕЛ

Я уже не верил в чудо,
но услышал голос твой:
"Хочешь, ангелом я буду
в изголовье над тобой?"

Милый ангел, поздно очень
оказался рядом ты.
Не страшны мне больше ночи,
дни мои не так пусты.

Помнишь, как тебя я прежде
из последних самых сил
в лёгкой облачной одежде
прилететь ко мне просил?

Как тебя бы полюбил я!
Как бы стало нам светло!
А теперь твои мне крылья
грудь сдавили тяжело.

Улетай же ради Бога!
Нам невесело вдвоем.
Милый ангел, слишком много
света в облике твоём!

Слишком позднее свиданье
нам сулили небеса.
Слишком позднее сиянье
обожгло мои глаза.

Что ты, милый, я не плачу!
Даже плакать не могу.

Я глаза от света прячу
и дыханье берегу.

Что ты, милый! Бог с тобою!
Я спокоен, отчего ж
сам ты плачешь надо мною,
крылья на руки кладешь?

Полно, милый! Ну, не надо!
Что так жалобно приник?
Всё равно ведь сердце радо,
что ты все-таки возник.

Ты сдержал ведь обещанье:
появился рядом ты.
Пожелай мне на прощанье
очень лёгкой темноты.

Я, как милую надежду,
отпущу тебя к другим.
Влажный край твоей одежды
поднесу к губам своим.

Георгий СУДОВЦЕВ

НА ЗАКАТЕ

Так мало от жизни осталось.
Это, наверное, старость:
пойти на перрон к электричке
и сесть у окна, и не видеть
пейзажи евангельской притчи,
куда не войти и не выйти,

мелькание ближнего мира
и мягкую грусть удаления
далеких домов и деревьев,
растущих, быть может, не мимо.

* * *

Пока ползли сырые мхи по камню,
пока росли и падали деревья
и гнили, в черный уголь превращаясь,
пока шагали твари неуклюже,
с натугой отрываясь от земли,
вода и ветер беглыми руками
тесали остывающие тверди,
работы ни на миг не прекращая,
и возникал над миром настоящим
из камня – человеческий строгий лик.
Но мимо шли стада зауроподов,
и шелестел крылом археоптекрис.
Вода и ветер не искали смысла:
лик исчезал – и появлялся снова
напоминанием о днях совсем иных,
когда двуногий в шкурах и с дубиной
вдруг разглядит свое изображение...
Как бы предчувствует людей природа,
и, может статься, что не нас одних,
но ЭТИХ – мы не знаем.
И не видим.

В ПОИСКАХ ГАРМОНИИ

Какой-то странный календарь:
за октябрем идет январь,
потом декабрь сердца морозит –
и сразу наступает март,

но не весна сползает с нар,
а лишь ноябрь: дожди да слезы.
О, эти прихоти природы!
Судьбе их не избыть до дна:
едва закончится одна,
как мы другой слагаем оды
и строго соблюдаем моды
на тот или иной сезон,
но забываем про резон
календарей

и время года,
про то, что, кажется, погода
устала уж сходиться с ума,
что с нами посох и сума –
две высших степени свободы.

В ЗИМНЕМ ЛЕСУ

Деревья – чернь и серебро.
Березы – серебро без черни.
Но не вернуть былую верность,
не распрямиться в полный рост,
не выдохнуть шершавый дым
и не вдохнуть морозный воздух...
Нет, ничего еще не поздно,
но путь уже – исповедим,
и относительно добро,
и встали звезды между терний,
хранящих чернь и серебро,
кующих серебро из черни.

Елена ГЕССЕН

Вокруг Маканина, или штрихи к портрету

Года три с лишним тому назад, на заре перестройки и гласности, когда и приезды советских людей на Запад, и смелые публикации были еще в новинку, некая очень интеллигентная московская дама из литературных кругов привезла знакомому в Бостон несколько номеров "Нового мира" за 1987 год: дама считала, что эмигрантской общественности следует ознакомиться с гранинским "Зубром". Увы, ее усилия не были вознаграждены; знакомый, возвращая ей журналы, весьма раздраженно сказал: "Что ты мне подсовываешь публицистическую однодневку, когда у вас там появился настоящий писатель". Речь шла о напечатанной в том же номере повести "Утрата" Владимира Маканина. Бостонский эмигрант, живущий на Западе лет пятнадцать и, казалось, полностью оторвавшийся от тамошней интеллектуальной жизни, каким-то шестым чувством учуял особость положения Маканина в советской литературе.

Писать о Маканине трудно – потому что о нем очень много уже сказано и усмотреть что-то новое, кажется, почти невозможно. За двадцать пять лет работы (его первый роман "Прямая линия" датирован 1965 годом) Маканин стал этакой суперзвездой советской критики, на все лады толкующей его

творчество. Нет, пожалуй, ни одного сколько-нибудь заметного критика, правого, левого ли толка, который хоть раз не высказался бы относительно маканинской прозы: Лев Аннинский, Владимир Бондаренко, Игорь Дедков, Наталья Иванова, Алла Марченко, Инна Соловьева, дуэт Пискуновых — называю лишь самых приметных. Не чурались участия в "критических ошибках" вокруг его имени и писатели: свою лепту в маканиноведение внесли Руслан Киреев и Татьяна Толстая. И если я решаюсь присоединить свой слабый голос к этому разномастному, неслаженному, но внушительному хору, — то лишь потому, что мне показалось интересным взглянуть на Маканина как бы с другой стороны, из другой жизни, глазами жителя заокеанского города Бостона, столь далекого от ихней "бучи, боевой, кипучей".

Впрочем, и эмигрантской критикой, вообще-то довольно ленивой и нелюбопытной, Маканин тоже не был обойден: мне известны по крайней мере три статьи, появившиеся в эмигрантских журналах. В одной ему пытались приписать антисоветчину — вовсе ему несвойственную, в другой утверждалось, что в человеке писателя интересует лишь его биологическая природа, в третьей, полной мало разъяренных восторгов, его проза сравнивалась с концертом в Малом зале консерватории и серым московским деньком. Что ж, каждый пишет, как он слышит, — только проза Маканина этим отнюдь не исчерпывается*.

Разнобой и пестрота критических мнений вокруг Маканина объясняется, среди прочего, и тем,

* Ссылаясь исключительно на напечатанные работы, не могу, однако, не упомянуть о содержательном докладе Елены Краснощековой на конференции Американской Ассоциации славистов в декабре 1988 г.

что начинал он, как многие, с ростињьяковской ноты, с оглядки на собственный опыт — опыт юноши, приехавшего в Москву из уральского захолустья, захваченного и ошеломленного большим городом, который подлежал завоеванию и, несомненно, предназначался победителю. При этом щемящая тоска по оставленным местам, по старому поселку создавала абстрактно-противоречивый фон, придававший городской прозе начинающего Маканина оттенок некоторого своеобразия. Так создавалось клише социально ориентированного писателя, в творчестве которого ставятся и решаются "нравственные проблемы наших дней", даются "психологически и социально достоверные портреты современников", и довольно долго критика все им написанное заносила по этому разряду — до тех пор, пока это написанное не начало с тугой настойчивостью лезть из клише, как перебродившее тесто из квашни, и не замечать этот процесс стало уже просто-таки неприлично. Тогда-то и начались критические разброд и шатания.

Маканин не относится к числу литераторов, охотно дающих интервью, поясняющих, в какие часы утра ему лучше всего пишется и что именно он хотел сказать образом, положим, поэтессы Алевтины. Но никто, пожалуй, в современной русской литературе не вводит столь часто и охотно в текст писателя (самого себя?), сочинителя, придумавшего своих героев и на глазах у читателя размышляющего о них, прикидывающего варианты их судеб, просчитывающего сюжетные ходы, наконец, прямую размышляющего о своем литературном труде. Похоже, следя за превращениями этого гипотетического альтер эго, можно кое-что понять и в развитии самого Маканина.

В повести "Погоня" (1979) молодой писатель Игорь Петрович уходит из дома, от тирании тещи,

осуществляющей неусыпный надзор над непрерывностью стука его пишущей машинки, попадает к спекулянтам, вынужден сам заняться спекуляцией, но и о своем призвании не забывает и заносит в записную книжку, рядом со сложными подсчетами прибылей и долгов, наблюдения над незнакомой ему сферой жизни: авось пригодятся на будущее. Можно предположить, что так зафиксирован Маканиным первый этап его творчества, этап сбора и прикидки, когда он прилежно учился у старой прозы, словно примериваясь к разным жанрам, осваивая бродячие сюжеты и пробуя на зуб разные типы героев. Тут шли в дело и плутовской роман, и городской анекдот, и молодежная повесть "оттепельного" образца, в действии участвовали ниспровергатели основ и конформисты, детдомовцы и плуты (в современном варианте перевоплощавшиеся в фарцовщиков и книжных спекулянтов). Трудными, порой едва ли не мучительными поисками собственного места и собственной позиции отмечены первые годы Маканина в литературе.

Писатель из романа "Портрет и вокруг" тоже занят сбором материала, только это уже – сборосмысление, с установкой на создание портрета реального человека. Правда, замысел с самого начала отдает умыслом: материал подбирается под уже почти готовый образ. Затея не удастся, жизнь (та самая затрепанная и отклишированная правда жизни) начисто отвергает стереотип, и портрет, задуманный исключительно в черных тонах, расцветивается новыми и неожиданными красками. Позже собиратель, превратившийся в аналитика (или, в маканинском словаре, "копателя"), заключит, что "портрет как всякий жанр – заблуждение. Игра с собой. Но и хуже – игра с читателем... Портрет ничего не может выразить, даже и того, что он портрет". Впрочем, и сюжет не лучше: "Портрет и

сюжет – два глупых всеобщих мифа, за которые пишущие люди держатся, как римляне за греков”. Как выразился Лев Аннинский, Маканину стало интересно не то, что в портрете, а то, что вокруг.

Но произошло это после создания (или одновременно с ним) галереи блистательных портретов, вереницы типов, в которых многие увидели едва ли не зеркальное отражение героев – а вернее, антигероев – нашего времени. В самом деле, тут был, например, мебельщик Михайлов в “Отдушине”, словно воплотивший в себе практицизм и антидуховность семидесятых, “мебельного времени”, “полосы обменов” (название одного из рассказов Маканина), когда обмену (размену) подлежали не только – и не столько – квартиры, но чувства и традиции, а порой и честь, и любовь, и порядочность, а то и сами судьбы человеческие (“Ключарев и Алимужкин”), когда обмен сплошь да рядом превращался в обман, в подмену – и не только в результате словесных игр, подстановок и аллитераций, но по неписанным законам времени и среды. Но тут же был и “человек свиты” Родионцев, видевший смысл и цвет жизни исключительно в холуйстве, в существовании подле порога директорского кабинета, и “антилидер” Куренков, органически, до физической боли, до страдания не переносящий никаких отклонений от установленной средой его обитания человеческой “нормы”, и “гражданин убегающий”, первопроходец, страстный любитель дикой природы и одновременно ее разрушитель и злостный неплательщик алиментов, обаятельнейший Павел Алексеевич, настигаемый, словно разгневанными Эриниями, своими давно брошенными детьми – типы, никак не ограниченные ни временем, ни пространством, существовавшие во все века и на всех широтах. И ретроспективно приходила мысль, что, может, и те рассказы, где так остро чувствовалась

современность, были отнюдь не на злободневность нацелены, но, обладая вневременной субстанцией, представляли собой по преимуществу поиск всечеловеческой сути и сущности, нащупывание различных типов человеческого поведения.

Наиболее внятно высказался Маканин о писательском ремесле в "Голосах", повести, которую можно назвать программной. Написанная в 1977 году, она как бы подводила некоторые итоги десятилетней работы автора и устанавливала правила на будущее. Обладая сложной полифонической структурой, бессюжетная, склеенная наподобие лоскутного одеяла из разных и разнородных кусков – воспоминания о детстве в уральском поселке, притча о появлении барабана, легенда об уральском разбойнике, начало задуманного рассказа, сильно упрощенный парафраз собственной повести "Отдушина", эссе о Гоголе – вещь эта держится на стержне размышлений о сути писательского труда.

Попытки начинающего передать в слове свой опыт приводят писателя к горькому заключению, что жизнь невозможно зафиксировать, воплотить в слове: "Одна из первых утрат пишущего – понимание, что живой в нашем деле не участвует. Возникает ощущение неслышимых голосов или, скажем, огоньков – ощущение, что тебе по силам, быть может, изображение мыслей, дней и ночей людских, черточек и штрихов характера, но сами-то живые в стороне, они живут и живут, а потом они умирают, гаснут, как гаснут ночью огоньки, а ты, сколь жаростно ни спеши, ничего не успеешь".

И в качестве единственного способа запечатления живой жизни, в противоположность "всегдашним и вечным" стереотипам, предлагается то, что писатель называет голосами, то, что звучит в человеческой душе, взывая к воплощению. Голосом

может стать что угодно: "голос несет в себе желтые вершины гор или степь или Курский вокзал, он несет в себе ту или иную боль, то или иное поразившее тебя, но вполне конкретное человеческое лицо, конкретно улицу или конкретно поселок. В каждом человеке есть свое и особое кладбище голосов. Они погибли. О них можно помнить, но поправить уже ничего нельзя, потому что их звучание в тебе кончилось: они мертвы".

Открытие голосов несводимо ни к литературной игре, ни к роду пижонства, ни к уловке – оно порождено стремлением перейти от конкретных наблюдений к обобщениям, от событий сегодняшних – к вневременным, от времени событийного – к времени бытийному.

Это стремление отразилось и в построении повести, с ее удивительно четко и изящно выдержанной рамочной конструкцией: начинаясь с рассказа о короткой жизни и жестокой смерти тринадцатилетнего Кольки Мистера, повесть кончается обобщенным образом ухода человечества, когда моющиеся в бане старики, застигнутые автором в момент обнажения немощной старческой плоти, неспешно, один за другим скрываются в парилке. "Студент и болтун, уже подпорченный игрой обобщений, я видел, что это уходят люди вообще... люди как бы дошли до своего конца и часа, исчерпали развитие, – и опять уходили в воду, в пар". Маканин мог бы повторить вслед за Пастернаком: "Не знаю, решена ль / Загадка зги загробной, / Но жизнь, как тишина / Осенняя, подробна". Или – вслед за Томасом Манном: "Существует какая-то закономерность в том, что в известном возрасте начинаешь терять вкус ко всему чисто индивидуальному и частному, к отдельным конкретным случаям... к житейскому и повседневному... На передний план выходит интерес к... вечно челове-

скому, вечно повторяющемуся, вневременному, короче говоря – к области мифического”^{*}.

Сквозной миф маканинского творчества, вообще чрезвычайно богатого взаимопересечениями, пронизанного как бы общим током, это, несомненно, старый поселок, что-то вроде святого Грааля, которого взыскуют и к которому никак не могут добраться маканинские герои, кровно связанные, как единой родословной, этим старым поселком где-то едва ли не на краю земли – хотя на самом деле всего лишь на Урале: ощущение бесконечной отдаленности возникает оттого, что взрослому герою поселок этот становится недоступен. Он стремится назад, тоскует, видит сны – но когда наконец, преодолев, как и положено искателю Грааля, все препятствия, попадает туда, оказывается, что ничего давно уже нет: ”Старый Поселок мертв. Пуст. Ни бараков, ни котельной... Остатки остатков... Ключарев бродит и каждую минуту ловит себя на том, что никак не может совместиться с этим вымершим местом”.

Разумеется, происходящее с героем куда серьезнее, чем просто неудавшееся возвращение на святыне руины: в маканинской системе возвращение в поселок становится актом прикосновения к чему-то непреходящему (хотя, в действительности, давно прошедшему), прорывом в подлинность – из рутины повседневности, о которой и говорить-то не

^{*} Замечу в скобках, что Маканин, которого все критики в один голос выводят из русской классической традиции (и возражать против этого трудно), немало взял и из немецкой – или немецкоязычной – литературы: в его прозе чувствуется внимательное чтение и Томаса Манна, и Германа Гессе, и Макса Фриша. Недаром в недавней анкете, проведенной журналом ”Знамя” среди писателей, Маканин на вопрос, что из прочитанного в минувшем году произвело наибольшее впечатление, назвал ”Человека без свойств” Роберта Музиля.

стоит (недаром у Маканина то там, то сям натыкаешься на ироническую скороговорку: "А жизнь идет. И всё дела, и все важные", или "время шло, как и положено идти времени"), и потому этот мотив возвращается с постоянством музыкальной темы. В "Утрате", одной из позднейших повестей, герой, некий "он", лишенный даже имени – "человек – а ему уже лет за сорок, и имя его не важно" – оказывается не просто на руинах, но на кладбище поселка, находит могилы родных и "совсем уж удивительный крест, не крест, а то, что осталось: три чурочки, которые, тлея, так и лежали рядом. Ни имени. Ни дат. На жестяном листочке сохранилось нестертым только делящееся тире... и больше ничего: сама вечность".

Поселок с его барачным укладом у Маканина – аналог некоего начального, первобытного общества, в котором человеческое "я" еще не выявлено, еще не существует. В бараке царит атмосфера безындивидуальности, характер здесь – большая редкость, все словно на одно лицо: "Мать и отец не замечались, как не замечались и прочие". Неимоверная теснота мешает людям хоть как-то проявлять свои собственные свойства, каждый, чтобы выжить, должен обезличиться, стать как все. Маканин сравнивает эту противоестественную общность с общностью естественной: деревья, чтобы они росли, необходимо прореживать, а с людьми "само собой происходит нечто, в силу чего они уплотняются, незаметным, невидимым образом, и прореживать их не надо: живут... Одинаковость – это и было прореживание в людях, это и было платой за тесноту".

Человеческая подлинность способна проявиться только в отрыве от барака, вне поселковой общности (да и город, совсем, казалось бы, другой, своей обезличенностью и тягой к созданию внутри себя групп и кланов напоминает маканинскому персо-

нажу родной поселок). Ключарев, излюбленный герой маканинской прозы 70-х годов, впервые сталкивается с характерами, лишь попав в деревню к бабке, причем с характерами не просто яркими, но, что важнее, разными: бабушка Матрена – крестьянка в красной косынке, грубоватая, с заскорузлыми от работы руками, самолюбивая, уверенная в себе и в чем-то жестокая, и "голубая" бабушка Наталья – дворянка, голубая по цвету платья, по таинственному свечению лица, хрупкая, беззащитная, но гордая и несгибаемая в своем достоинстве, всегда прямо держащая спину. "В бабках... личное бросалось в глаза прямо и непосредственно, зато и было влияние: уже тогда, без жестокой поступи и в душе не наследив, незримым путем голубое и красное из цветов превратилось в некое знание жизни". В повести "Голубое и красное" запечатлен момент, когда в душе маленького Ключарева зазвучали собственные голоса. Томас Манн когда-то сказал об аналогичном процессе, что "рассказывал о рождении "я" из первобытного коллектива". Маканин дает этому свое определение: "Голос выбивался из хора и – пусть даже слабый – был слышен..., а сам хор... делался рядом с ним как бы фоном, как бы тишиной или молчанием".

Противопоставление хора и голосов составляет мифопоэтическую основу и повести "Где сходилась небо с холмами". Аварийный поселок, в котором вырос композитор Башилов, остается в его памяти местом обитания мифических великанов, огромных людей, вступающих в поединок с огнем (поселок при небольшом заводике и создан-то специально для борьбы с пожарами) и мастерски владеющих искусством пения. Но за музыкальный дар Башилова поселок платит страшной ценой: из него постепенно уходит песня.

Знак надвигающейся беды можно различить

еще раньше, когда талантливой подростка провожает в Москву один из лучших певцов поселка – "первый силач, красавец и прекрасный низкий голос с чарующей кантиленой" – и, впервые попробовав московского пива, увлекается им столь самоабвенно, что теряет голос. А когда через годы Башилов, уже ставший композитором, приезжает на несколько дней в поселок, его поражает видимое начало утраты песенного дара – хотя ему пока еще невнятен пророчески-зловещий выкрик поселковой старухи: "У, пьявка, высосал из нас все соки! Души высосал..."

Но проходит еще время – и теперь, отправляясь в поселок, Башилов уже не обманывается, знает, что едет "на песенные руины": красота и плавность поселковых песен, ставших источниками башиловской музыки, окончательно сменилась модными шлягерами, звучащими из приемников, и никто, кроме самого композитора, не тоскует по утраченному искусству и не ощущает немоту, охватившую поселок, как постигшее его наказание. "Он смотрел туда, где небо сходилось с холмами. Эта врезавшаяся в память волнистая линия жила в Башилове постоянно. В больших городах и в малых, в Бухаре и в Киеве, стоило закрыть глаза, линия холмов рождала мелодию еще раньше, чем он успевал о чем-либо подумать. Но, кажется, волнистая эта линия плодоносила именно в воспоминаниях, и только в воспоминаниях. Он ее унес. И здесь, наяву, эта местность уже ничего не рождала. Она была выпита..." Не стоит искать в этом сюжете традиционные для писателей почвеннического склада ламентации насчет того, что цивилизация несет гибель живому и естественному деревенскому укладу (ладу). Содержание повести существенно шире, глубже и не сводимо к столь оголенно-упрощенному толкованию.

Потеря голоса или немота в маканинской системе равнозначна потере индивидуальности: в рассказе "Дашенька" милая молодая женщина, чтобы полностью привязать к себе мужа, много превосходящего ее интеллектуально, добивается его полного молчания, отучает говорить. В другом месте возникает образ безголосых, "забракованных" мальчиков, не принятых в хор: они потерянно бредут неведомо куда, и "пыльные дороги и белое море поглощали их каждого в отдельности". Тут, вероятно, очень важен этот зрительный образ "каждого в отдельности": ведь если бы мальчики шли вместе – они и исчезли бы из виду все разом, группой, "стайкой", однако подчеркивается именно их разъединенность, обособленность, одиночество каждого. "Голоса, не попавшие в хор", голоса, отпочковавшиеся от хора, выделившиеся или выпавшие из него, превращаются в символ человеческого одиночества, получающий наиболее развернутое воплощение в одной из последних повестей (написана в 1983-м, опубликована в 1987-м), где уже разорванность названия – не "Двое", не "Он и она", а "Один и одна" – предувещивает читателя о главном свойстве персонажей: их беспредельном одиночестве и неумении обнаружить друг друга.

Люди шестидесятых годов, унесшие с собой в другое время юношеский максимализм, идеализм и романтический строй тех лет, Нинель Николаевна и Геннадий Павлович пережили "сезон своей души". В новой эпохе, которая кажется им эрой прагматизма и бездуховности, они чужие, странники без руля и ветрил, обреченные на существование вне настоящего, несовпадение с ним: героиня придумывает себе несуществующие связи, героя постоянно отовсюду выталкивают, выбрасывают – из такси, из завязавшихся было дружб и привязанностей, он теряет должность (тоже род выпадения),

наконец, молодые подвыпившие парни выбрасывают его из электрички: "все было так быстро" – этими словами завершается и рассказ Геннадия Голощекова о последнем "выпадении", и сама повесть.

Отношения человека со временем становятся, пожалуй, центральной темой Маканина в последних повестях, уже полностью бессюжетных, где пересекаются несколько планов повествования, и само повествование строится как бы по круговому принципу – основные события прокручиваются по несколько раз: сначала нам предлагается как бы конспект события, а затем оно повторяется либо более подробно, либо чуть-чуть в другом ракурсе, как бы с другой точки зрения: словно из краткой записи в блокноте рождается рассказ (или даже несколько его вариантов).

В музыке – а прозе Маканина несомненно присуща внутренняя музыкальность – такая форма называется рефренно-вариационной. Повести "Утрата" и "Отставший" состоят как бы из трех разных пространственно-временных слоев: в "Утрате" старая уральская легенда соседствует с историей болезни героя, лежащего в травматологической палате в московской больнице, и с историей возвращения другого персонажа в родной поселок. В "Отставшем", где диапазон повествования расширяется еще больше, тоже сводятся воедино уральская легенда, воспоминания героя о первой любви и первом писательском опыте, и все это рассказано из сегодняшнего дня, заботы и дела которого составляют один из планов повести, и эти разные временные планы и пространственные плоскости непременно в какой-то точке соприкасаются. Достижимый эффект точно определила Инна Соловьева: "Глухая, волнующая энергия всякий раз рождается тем, что близко сдвинуты непересекающиеся

плоскости повествования: между ними наэлектризованное поле, при перемещении в этом поле возникает ток”.

Тексты Маканина – находка и подарок для семиотика. Его проза буквально нашпигована различными знаками, происхождение многих из которых явно мифологично: тут и подземелье (туннель, лабиринт – пещера), и окно, и лестница. В сравнительно раннем рассказе “Река с быстрым течением” молодой инженер Игнатьев, размышляя о скоротечности жизни – его жена смертельно больна – набредает на образ жизни как реки с быстрым течением, “которая за какие-то полтора десятка мгновений пронесла мимо него жизнь жены и унесла”. В “Утрате”, где промотавшийся купчик Пекалов роет никому не нужный туннель через Урал, река постоянно мешает работе, угрожая прорваться сквозь крепь, разрушить построенное, унести жизни строителей. В “Один и одна” писатель Игорь Петрович, сторонний наблюдатель – но одновременно и создатель – жизни своих героев, то и дело возвращается к видению из детства: река, посреди которой лежит избитый в драке человек и тяжело стонет: “пить, пить”. Перед нами – три мифологических образа реки: река как жизнь, стержень вселенной, мировой путь, и река царства мертвых, и препятствие, а в “Один и одна” это еще и рубеж между жизнью подлинной и иллюзорной, которой живут герои, их неумение увидеть в другом родную душу (“От жажды умираю над ручьем...”).

Но, пожалуй, самый частый и постоянно возвращающийся мотив – это плач ребенка, возникающий посреди повествования иной раз таинственно и внезапно, вне всякой связи с сюжетом – и всегда остающийся неразъясненным. В “Рассказе о рассказе” герой день за днем слышит через тонкие стены современного звукопроницаемого дома детский

плач; когда он приходит наконец в квартиру, откуда по его расчетам плач доносится, открывший дверь мужчина недоуменно пожимает плечами: в квартире, объясняет он, нет детей. Герой поворачивается, чтобы уйти, и в последний момент замечает у ноги соседа плюшевого зверя с бантом... Герой "Предтечи", гениальный целитель, "старикан с восьмью классами школы, с ИТК и с упавшим на голову бревном", которое и пробудило в нем уникальный дар врачевания, вдруг посреди пустеющей улицы в ночи говорил: "Ребенок где-то плачет". "Никакого и нигде, конечно, ребенка". И только через несколько минут спутники старика явственно слышали "плач ли, крик ли детский... Где-то вверх. В одном из высоких домов". В "Утрате" герой из больничного коридора видит в окне дома напротив личико девочки, что-то кричащей – ему кажется, взывающей о помощи. Он бросается туда, идти трудно – он на костылях, дойти невозможно – он попадает в лабиринт каких-то странных коридоров, оказывается в подземном туннеле, который роет упрямый Пекалов, и все же он вновь и вновь повторяет попытки добраться до девочки, отчаянно жетикулирующей в окне. Дойдет ли он? Скорее всего, нет. Но, может, тут важнее сама попытка, порыв дойти, дотянуться, достучаться, докричаться? Попытка окликнуть человека в обыденности и глухоте его существования? Не случайно ведь самый удивительный из маканинских героев, "предтеча" Якушин, исцеляющий не только травмами и гипнозом, но и словесными заклинаниями – о любви к людям, о необходимости нравственной и праведной жизни – рассказывает своим ученикам притчу о племени, идущем к смертельному обрыву, и спасителе, который, понимая это, постоянно отвлекает внимание идущих, и они, ругая болтуна, мешающего их продвижению, все же неуклонно

отклоняются от пути в смерть. И вот: "Я окликаю вас", – говорит о себе Якушин.

Повесть "Голоса" открывается поэтическим описанием гор, памятных герою с детства: дойти до их желтых вершин было невозможно, хотя видны они были хорошо и казались вполне достижимыми. Стоило, однако, пуститься в путь, как "желтые горы оказывались не там, где мы сидели и где разжигали костер, а дальше – горы как бы отодвигались. Сколько ни иди, желтые вершины отодвигались, и попасть на них было нельзя – а видеть их было можно". Таким "отодвигающимся" эффектом обладает, похоже, и проза Маканина: чем ближе подходишь к ней, тем больше возникает вопросов и тем меньше уверенности в правильности ответов. Но нелегкое это путешествие несет радость познания человека и мира в их сложных, неоднозначных и вневременных связях – и потому, несомненно, пускаться в него стоит.

Что же до возможности дойти до цели – то "найденные слова все опишут, все назовут, но упустят при этом саму тайну". А может, так оно и лучше? Ведь в конце концов тайна – неременная компонента подлинного Слова.

Красный террор в годы гражданской войны*

*по материалам Особой следственной
комиссии Белой армии*

Положение о создании "Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков, состоящей при главнокомандующем вооруженными силами на юге России", было подписано в Екатеринодаре генерал-лейтенантом А. И. Деникиным 4 апреля 1919 года. Ровно через год, с уходом Деникина, комиссией стал руководить новый главнокомандующий Белой армией барон П. Н. Врангель. Согласно Положению, комиссия была создана "для выявления перед лицом всего культурного мира разрушительной деятельности организованного большевизма". Руководствовалась комиссия Уставом уголовного судопроизводства 1914 года и имела право вызывать и допрашивать потерпевших и свидетелей, производить осмотры, обыски, выемки, освидетельствования и другие следственные действия, предусмотренные статьями 271, 271, 292 и 368 Устава. Протоколы, составленные Комиссией, имели силу следственных актов.

Задача "Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков" состояла в сборе сведений о мероприятиях большевиков, направленных "к уничтожению демократических, общественных

* Публикация и предисловие Юрия Фельштинского.

организаций и к водворению на их место, насильственным путем, советских организаций, основанных на диктатуре меньшинства (разгон органов местных самоуправлений, избранных на основе всеобщего избирательного права)"; к уничтожению "органов судебной власти, регулируемых законом" и замене их "безответственными трибуналами", руководствующимися "революционной совестью", "выяснение порядка этой замены и результатов ее", "уничтожение организованной, юридически подготовленной защиты". Советскому правительству вменялись также в вину ликвидация "принципа свободы совести и наряду с этим гонение против церкви и ее служителей (порушение храмов, глумление над мощами, иконами, священными предметами, разгон и расстрел крестных ходов, массовое уничтожение духовенства и пр.)", "уничтожение свободы слова (закрытие всех периодических изданий, кроме официозных и коммунистических)", "уничтожение свободы союзов и собраний (разгоны и расстрелы инакомыслящих собраний, борьба с кооперативами и пр.)", "уничтожение неприкосновенности личности (обыски, аресты); экономические мероприятия советской власти (национализации, конфискации, реквизиции, контрибуции), "деморализация рабочего класса", "сокращение производительности труда", "принудительные способы проведения коммунистических начал вообще и диктатуры пролетариата в частности (массовое уничтожение своих идейных врагов из числа мирного населения - интеллигенции, буржуазии, казачества и всяческое их угнетение)", "принуждение к унижительным и не в меру тяжелым работам, лишение продовольственного пайка и пр.", "общий террор", "индивидуальный террор как способ возмездия и устрашения"; "противоречие между программными обещаниями коммунистов и действительным их

осуществлением", привлечение к управлению страной людей с уголовным прошлым, без образования, зачастую наркоманов и алкоголиков.

Особая комиссия была создана белыми для расследования земельного вопроса. Ей предстояло выяснить, "произведен ли общий передел земли", были ли случаи захвата крестьянами чужих земель, хуторских и отрубных участков, и "не были ли все эти земли также включены в общий передел земли", кто именно наделен землею и "признают ли крестьяне примененный порядок наделения землею справедливым", "увеличилось или уменьшилось землевладение крестьян и в какой мере", "увеличилась или уменьшилась посевная площадь", "не изъяты ли целые площади земли как помещичьей, так и крестьянской, в распоряжение Советов для образования крупных советских или коммунистических хозяйств", "не свозился ли в эти хозяйства живой и мертвый инвентарь, насильно отбираемый от помещиков и от крестьян", "подвергались ли крестьяне принудительным работам в этих хозяйствах", "производилась ли реквизиция урожая и скота, присылались ли вооруженные отряды для отобрания хлеба у крестьян и как население на это реагировало (восстания, уничтожение хлеба, зарывание его в землю и т. п.)", "действовали ли советы [комитеты] бедноты, из кого они состояли и каково было отношение их к различным группам крестьян", "не было ли натравливания одних групп крестьян против других", "преследовались ли более зажиточные крестьяне и в каких формах это выразилось (отобрание земли, пользование их скотом, инвентарем и т. д.)", "много ли уничтожено крестьянских хозяйств", "сохранились ли нетронутыми частновладельческие имения и были ли какие-либо распоряжения об их уничтожении", "сохранились ли посевы многолетних трав (клевер, люцерна

и т. п.), а также посевы, связанные с сельскохозяйственной промышленностью (свекла, картофель для сахарных, винокуренных, крахмальных заводов)", "сохранилось ли племенное животноводство (скотоводство, коневодство и т. д.) и не подвергались ли животные расхищению и уничтожению".

Результатом работы комиссии явились обвинительные акты, а также фотографии, сделанные военным следователем Добровольческой армии в присутствии членов союзных военных миссий. Большая часть фотографий комиссии была отснята летом 1919 года после оставления большевиками Харькова. Они поражают бессмысленной жестокостью, заставляют прочувствовать те мучения, которые испытали перед смертью жертвы террора. За сухой фразой "расстрел заложников" стояло много более болезненная смерть, чем нам хотелось бы думать. Вероятно, и документы и фотографии говорят достаточно сами за себя для того, чтоб разъяснять их содержание и значение. Однако нельзя не подчеркнуть, что жестокость, отраженная этими документами и фотографиями, не вынужденная жестокость, свойственная войне вообще. Это была жестокость, граничащая с садизмом, жестокость бессмысленная, бесцельная и бесконтрольная. Наверное, все мы должны испытывать понятное неудобство из-за того, что наша история последних семидесяти с лишним лет начиналась именно так: отрубленными руками, проломанными черепами, вылуценными половыми органами. С таким началом к чему же мы могли прийти?

Мне хочется отвести здесь знакомое указание на жестокость обеих сторон. Белой армии как раз и была присуща жестокость, свойственная войне вообще. Но на освобожденных от большевизма территориях никогда не создавались Белыми организации, аналогичные советским ЧК, ревтрибуналам и

реввоенсоветам. И никогда руководители Белым движением не призывали к расстрелам, к гражданской войне, к террору, к взятию заложников. Белые не видели в этом идеологической необходимости, поскольку воевали не с народом, а с большевиками. Советская власть, напротив, воевала именно с народом (в этом нет ни тени преувеличения, поскольку гражданская война была объявлена всему крестьянству, всей буржуазии, т. е. интеллигенции, всем поддерживавшим социал-демократов меньшевиков рабочим). За вычетом этих групп кто же оставался, кроме голого слова "пролетариат"?

Осмысление революции и гражданской войны необходимо для создания всей нашей последующей истории. Хранящиеся на Западе архивные материалы оказывают нам в том большую помощь. Публикуемые ниже материалы заимствованы из архива НТС. Копии этих же документов хранятся также в архиве Гуверовского института (коллекции Б. И. Николаевского и П. Н. Врангеля).

Юрий Фельштинский

КРАТКАЯ СПРАВКА
о грабежах и разбойных нападениях,
произведенных большевиками
в городе Ставрополе (Кавказском)
с 15 октября по 2-е ноября 1918 г.

В период властвования советской власти в г. Ставрополе-Кавказском с 15 октября по 2 ноября 1918 года большевиками были разгромлены местные окружной суд, съезд мировых судей, камеры нескольких судебных следователей и мировых судей. В последних были размещены части красной армии, которые уничтожили все дела, книги законов, вещественные по делам доказательства и все канцелярское имущество этих мировых судей. Затем большевиками были расхищены склады Ставропольского губернского земского

комитета помощи больным и раненым воинам, местные интендантские склады и склады союза труда. Кроме того, ими же были совершенно разграблены товарные склады и пакгаузы на станции железной дороги. Дома и имущество мирного населения, бежавшего от большевиков, боясь их произвола и насилий, были распоряжением советской власти предоставлены на разграбление разнузданным и развращенным войскам красной армии, которые, согласно этого распоряжения, рыскали по городу и грабили мирное население, причем брали все имущество, и нужное и ненужное, обездоливая и разоряя мирных граждан. В части же домов не взятое имущество они уничтожали, изрубая мебель, разрывая материи, книги и т. д., и обращали его в груды хлама и мусора. Таких случаев разграбления домов и имущества мирного населения установлено свыше 100.

АКТ РАССЛЕДОВАНИЯ о грабежах и разбойных нападениях, произведенных большевиками в городе Ставрополе Кавказском с 15 октября по 2-ое ноября 1918 г.

После отхода Добровольческой армии из Ставрополя значительная часть мирного населения, боясь произвола и насилий со стороны большевиков, бежала вслед за армией, оставив свои квартиры и имущество на попечение близких лиц, соседей и прислуги или же прямо запертыми без всякой охраны.

Когда же красная армия заняла город, то последовало распоряжение большевистских властей произвести обыски в оставленных квартирах, причем красноармейцам было разрешено взять из них все, что они захотят.

Этим распоряжением советской власти город Ставрополь был отдан на разграбление разнузданным и развращенным войскам красной армии. Группами по несколько человек рыскали красноармейцы по городу и, найдя покинутый дом, разграбляли его. Бралось все, и нужное, и ненужное, начиная с икон, автомобилей, велосипедов, мебели, кроватей, тюфяков, одежды, обуви, белья, посуды, продуктов и кончая мелочами домашнего обихода, безделушками и даже вставными зубами. Иногда одни и те же квартиры последовательно разграблялись несколькими группами красноармейцев.

В некоторых же домах грабители, не довольствуясь расхищением имущества, уничтожали то, что не успевали

забрать с собою: они рубили мебель, рвали материю, книги, бумаги и т. п., оставляя после себя вместо ценного имущества груды хлама и мусор.

После изгнания из Ставрополя большевиков и водворения там власти, основанной на праве и законе, в производстве местных судебных следователей возникло множество дел о разбойных нападениях и грабежах, совершенных большевиками в период их властвования в Ставрополе с 15-го октября по 2 ноября 1918 года. Осмотром этих дел, в количестве 107, было установлено, что не только дома частных лиц, но и многие казенные учреждения и судебные установления подверглись разгрому и расхищению. Так, 27 октября красноармейцами медико-санитарного отдела советской Таманской армии, во главе с политическим комиссаром Курочкиным и помощником его Томазиным, было разгромлено помещение окружного суда, при чем были похищены и уничтожены книги законов и справок о судимости, уголовные дела, вещественные доказательства, многие предметы обстановки и канцелярского имущества, евангелие, крест и епитрахиль; была разбита касса, откуда взяты деньги и марки; затем, при помощи вытребованных специалистов, были взломаны замки во всех помещениях суда и разбито и уничтожено имущество и дела эвакуированных в Ставрополь из других городов судебных установлений. В помещении съезда мировых судей была разграблена часть канцелярского имущества. В камерах мировых судей 2 и 3 уч. г. Ставрополя и 7 уч. Ставропольского уезда были размещены части красной армии, которые перевернули вверх дном все дела, архив и канцелярское имущество этих трех мировых судей, так что в целом виде не осталось ни одного дела, книги, бланков и т. д., все это было разорвано, свалено на пол и обращено в кучу мусора.

Из камер судебных следователей 1 и 2 уч. Ставропольского уезда были похищены и частью уничтожены многие вещественные доказательства по производившимся у них делам и уничтожены книги по их канцелярии и часть дел.

Независимо от этого большевики-красноармейцы разграбили в Ставрополе за тот же период времени склады Ставропольского губернского земского комитета помощи больным и раненым воинам; неоднократно открыто похищали из местного интендантского склада казенное имущество, а перед оставлением города разграбили его окончательно, раздав часть вещей населению, и, наконец, расхитили 1 ноября мануфактурные товары из складов Союза Труда (Земгора).

Грабежу красноармейцев подвергались также товары и багаж, хранившиеся в пакгаузах и складах на станции железной дороги. Большевистские солдаты, спустя неделю после занятия Ставрополя, взломали замки в пакгаузе малой скорости и в товарном складе, и сначала брали оттуда только некоторые вещи в присутствии своего коменданта, а затем перед оставлением города они сложили из пакгауза малой скорости все грузы на бронированный поезд, а оставшиеся багажные места на приведенные ими подводы, в количестве (неразб. – Ред.) 50, и все это имущество увезли с собою.

СВЕДЕНИЯ

об арестах, производившихся большевиками в Ставрополе Кавказском с 1 января по 8 июля 1918 г.

За время нахождения у власти в городе Ставрополе губернском (Кавказ) органов советской власти (большевиков-коммунистов), т. е. с 1 января по 8–10 июля 1918 года, как официальными лицами ее правительства, так и отдельными красноармейцами и рабочими, действовавшими именем Совета Народных Комиссаров, были произведены массовые аресты среди населения, лица военные, гражданские и целые группы смешанного характера захватывались на улицах, в частных домах, в собраниях без всяких гарантий, хотя бы лишь формального характера, обоснованности ареста, без соблюдения самых элементарных и всюду принятых правил производства ареста и с умышленным нарушением первых, основных прав личности и сохранения личного достоинства задерживаемого. Расследование обстоятельств этих арестов показало, что число произведенных арестов не поддается никакому учету, живые свидетели говорят: "помещение было забито "арестованными", "арестованных" кучей, толпой повели" и т. д., арестованные в подавляющем большинстве приводились без регистрации их, без документов о распоряжении на арест, исходивших от каких-либо – облеченных правом лишения свободы – органов или лиц, и часто даже при одном устном заявлении конвоя, что приведенное лицо подлежит аресту. Мест содержания под арестом было несколько, и официальные представители, начальники таковых, не имели ни списков арестованных, – а если и были, то неверные, – ни связи между собой, не говоря уже о полной непригодности помещений и условий содержания арестованных в

таких пунктах. Единственным местом заключения, где арестованные не были просто толпой известного состава лишенной свободы людей, оставалась Ставропольская губернская тюрьма, но и то лишь благодаря тому, что там оставалась администрация, существовавшая и до 1 января 1918 года, а также по количественно небольшому размеру этого пункта, все же остальные пункты, при коих содержались под стражей люди, как-то: комендантское управление у начальника гарнизона, во дворе бывшего юнкерского училища, в следственной комиссии и т. д., — всех метавшихся по ним в розысках своих родных, близких и знакомых, уведенных неизвестно куда, либо отсылали с бранью и угрозами прочь, либо отзывались неведением, либо сознательно указывали иное место, куда родственники бросались в тщетных усилиях найти арестованного или узнать о его судьбе, или осведомиться хотя бы лишь о причинах ареста. Помимо этого, даже приблизительный учет арестов за время существования советской власти фактически оказался невозможным и потому, что арестованные убивались просто, без следствия и суда, по устным распоряжениям коменданта, начальников красноармейских частей, требованиям толпы "всех пустить в расход", или переводились из одного пункта, от одного лица к другому, или отпускались на свободу по прихоти руководителей совета либо по иным не основанным на каких-либо нормах поводам и также простым словесным распоряжениям начальников всякого рода и степени власти, или, наконец, одни арестованные заменялись другими, соглашавшимися на то лицами, как это устанавливается документально в отношении так называемых "заложников". В громадном большинстве аресты основывались на подозрении задерживаемого в контрреволюционности, под чем большевики-коммунисты подразумевали всё, что не признавало советской власти, произвола и насилий ее агентов и представителей; далее, была группа лиц заложников, т. е. лиц, арестованных в обеспечение исполнения какого-либо общего к мирному населению г. Ставрополя требования советской власти, напр., уплаты наложенной "контрибуции", и лишь незначительная часть арестов, как, напр., арест офицеров, может быть, не требовал бы объяснения ввиду общеизвестной слепой ненависти и огульному обвинению их большевиками. Аресты сопровождались угрозами, насилиями, издевательствами и побоями. Арестовывались дети с 14 лет и старики свыше 70 лет, и отмечается также ряд случаев повторных арестов одного и того же лица. В тех же возрастах арестованные убивались без следствия и суда с бессмысленной жестокостью, искалыва-

лись штыками на улицах, на свалочных местах. Расследование убийств граждан г. Ставрополя большевиками составляет отдельное производство. Но если изложенное по данным показаний целого ряда свидетелей указывает на невозможность учета всей массы арестов, численно превышавшей сотни случаев, то яркое показательное значение имеют данные по Ставропольской губернской тюрьме, которые указывают: 1) на соотношение случаев ареста, обставленных хотя бы с формальной стороны согласно гарантиям личной свободы, и арестов без соблюдения и этих минимальных условий правильности ареста, 2) на прогрессивное увеличение числа неформальных, внесудебных арестов с развитием деятельности советской власти, и, наконец, они дают представления об отношениях советской власти к категориям арестованных, первое и второе разъясняют цифры по тюрьме с 1 января по июль 1918 г., а именно: 1) число арестованных, на коих имелись документы, удостоверяющие личность арестованного, должностное лицо, распорядившееся арестовать, основания ареста и обвинение, предъявляемое к арестанту - в январе 7 человек, в феврале 12 человек, в марте 6 человек, в мае 9 человек, в июне 4 человека, в июле 1 человек, 2) число арестованных, на коих имелась формальная бумага, удостоверяющая личность арестованного, и лицо, распорядившееся арестом без указания мотивов и оснований - в январе 11, в феврале 26, в марте 36, в апреле 55, в мае 60, в июне 73, в июле 3, 3) число арестованных, с коими в распоряжение тюрьмы поступила лишь неформальная записка об имени или фамилии задержанного - в январе 1, в феврале 4, в марте 36, в апреле 4, в мае 2, в июне 24. Последнее видно из показаний лиц тюремной администрации, а именно: они говорят, что к лицам, находившимся под арестом, как "уголовным", т. е. как совершившим известное преступное деяние, большевики относились благожелательно, допуская, а иногда и требуя для них всяких облегчений ареста, вплоть до произвольного освобождения их вовсе из тюрьмы и, наоборот, к лицам, арестованным по политическим основаниям, к так называемым "буржуям", к заложникам и особенно к военным это отношение менялось на крайне суровое и жестокое, у арестованных отбирались безвозвратно деньги и ценные вещи, запрещались свидания и т. п.

Изложенное основано на расследовании, произведенном согласно Положению об Особой Комиссии с соблюдением всех требований Устава Уголовного Судопроизводства.

СВЕДЕНИЯ
о массовых убийствах, совершенных
большевиками (коммунистами)
в июне-июле 1918 года
в городе Ставрополе (Кавказск.)

Большевистская власть организовалась в городе Ставрополе в январе 1918 года. Не имея поддержки в здоровой части общества, а опираясь исключительно на хулиганские и преступные элементы черни, власть эта вынуждена была потворствовать грабительским и кровожадным инстинктам этой толпы и постепенно, но очень быстро пришла, как и везде, к проведению в жизнь жестокого террора, разыгравшегося в полной мере в конце июня и начале июля 1918 года. Подготовкой к этому явились обыски и реквизиции; первоначально было объявлено об обязательной регистрации оружия, якобы для выдачи разрешений на право его иметь. Когда же соответствующие сведения поступили, то все это оружие было отобрано; затем были организованы обыски для отыскания скрытого оружия, причем отбиралось всё, не исключая охотничьих ружей, кинжалов и т. п.; обыски эти были использованы производившими их красноармейцами и матросами в целях безудержного и повального у всех обыскиваемых грабежа. Одновременно был применен и общепринятый большевиками прием — наложение контрибуции на "буржуев" с взятием заложников и заключением их в тюрьму.

Вслед за этим распространялись по городу слухи о предстоящем избиении "буржуев", под какое понятие и здесь, как и везде, подводятся прежде всего офицеры, затем состоятельные люди и, наконец, интеллигенция. Наибольшая опасность угрожала офицерам, которые, в числе до 900 человек, все были арестованы. Слухи эти были основаны на том, что красноармейцы открыто угрожали таким избиением, некоторых же обывателей предупреждали об этом, советуя уехать или принять иные меры предосторожности. В городе создалось напряженное, тревожное состояние; выходить на улицу после 10 часов вечера было запрещено; с наступлением этого часа на улицах воцарялась жуткая тишина, в домах же люди не спали в ожидании надвигающихся ужасов, по улицам мчались автомобили с черными флагами, с сидящими в них людьми, вооруженными с ног до головы, возбужденными, кровожадными и, в то же время, полными страха от кажущихся им всюду врагов и заговоров. Одновременно по

квартирам бродили шайки красноармейцев и вооруженных рабочих, часто пьяных.

Обыски, в которых принимали непосредственное участие и высшие представители советской власти, уже не ограничивались одним грабежом, а часто заканчивались арестами обыскиваемых, производившимися по усмотрению любой кучки красноармейцев.

Кровавый террор начался в ночь с 19 на 20 июня; с этого числа все последующие дни и ночи комиссариат был переполнен арестованными и конвойными красноармейцами. Из этих арестованных многим не суждено было больше вернуться на свободу, так как эти несчастные, по циничному выражению палачей-большевиков, "пускались в расход", т. е. были убиваемы самым бесчеловечным образом. Первым был убит в ночь с 19 на 20 июня А. А. Чернышев, педагог, гласный городской думы, социалист-революционер, арестованный 16 июня на вечеринке за то, что неодобрительно отзывался о большевиках. 20-го июня труп его был обнаружен и опознан в Мамайском лесу, близ города, причем на трупе были следы многочисленных шашечных и штыковых ударов, нанесенных главным образом в грудь, в голову, в частности в висок и в лицо; пулевая рана в спину между лопатками, отрублен указательный палец, раздроблена голова, выбит глаз, вывихнута кисть руки. 20-го июня был арестован и на следующий день убит отставной генерал Н. А. Мачкалин, 80 лет, участник Крымской кампании, покорения Кавказа и Турецкой войны, который уже по возрасту своему не мог представлять для большевиков никакой опасности; тем не менее убит он с исключительной жестокостью: труп его был найден в так называемом "Холодном роднике", в овраге, под несколькими другими трупами. Весь окровавленный, труп престарелого генерала был в одном нижнем белье и в носках, залитых кровью; в области груди и спины оказалось до 24 колотых ран, голова почти была отделена от шеи ударом шашки сзади. Трупы, из-под которых было извлечено тело генерала, оказались трупами домовладельца города Ставрополя В. Г. Жукова, его сына Ивана Бедрика и офицера Мирзоева. Жуков и Бедрик были убиты поселенными в их доме красноармейцами, которые вывели их на улицу, тут же зарубили их и, вернувшись вслед за этим в их квартиру, пьянствовали там и плясали, заставив проживавшего в квартире Жуковых англичанина Бэйэра играть им на рояле и танцевать, причем предварительно его ограбили. Вслед за этим были убиты старший советник Ставропольского губернского Правления Барабаш, сын генерала Мачканина штабс-капитан Н. Н. Мач-

канин, за то, что осмелился похоронить труп своего отца, генерал-майор в отставке С. А. Акулов, полковник Никольский, 72 лет, офицеры Газинов, Яковлев и многие другие; убивали людей повсюду: около их домов, близ вокзала, в казармах; трупы находились на улицах, в канавах, в лесу под городом и т. д.; среди зарубленных были офицеры, частные лица, старики, подростки-гимназисты; все найденные трупы оказались в одном нижнем белье, одежда и обувь отбирались красноармейцами; на всех трупах обнаружены многочисленные ранения и огнестрельным, и холодным оружием, преимущественно по голове, по лицу, по глазам, следы побоев, вывихов и даже удушения, у многих головы раздроблены, лица изрублены; все это свидетельствует о невероятной жестокости убийц, наносивших своим жертвам раньше, чем с ними покончить, возможно больше мучений.

Все возраставший террор большевиков, многочисленные аресты и убийства офицеров и мирных граждан привели оставшихся еще в Ставрополе офицеров к сознанию, что всех их ждет неминуемая смерть; вследствие этого в существовавшую задолго до этого небольшую офицерскую организацию стали поступать новые члены, и участникам этой организации стало ясно, что единственная надежда на спасение заключается в немедленном выступлении против большевиков. Выступление это состоялось 27 июня, но вследствие крайней малочисленности фактически принявших в нем участие и вследствие полной неподготовленности окончилось неудачей: почти все участники восстания были перебиты в неравном бою нескольких десятков человек с тысячами красноармейцев и вооруженных ими рабочих. Вождь восстания полковник Ртищев с братом были доставлены в город и здесь расстреляны на Ярмарочной площади, а наиболее жестокая участь постигла тех, кто был пойман и посажен в тюрьму; таковых было 12 человек: Дмитрий Иванович Новиков, Георгий Иванович Новиков, Валентин Иванович Руднев, Сергей Пospelов, Николай Шереметьев, Александр Ангаров, Александр Цыпин, Борис Еремеев, Василий Бибер, Аразам Аролод Белоусов, Сергей Иванович Васильев и Леонид Михайлович Михайлов.

Яркую картину патологической жестокости казней-убийств на дворе тюрьмы рисуют очевидцы — чины тюремной администрации. Все указанные лица были доставлены в тюрьму как кадеты толпой красноармейцев и рабочих, которые стали требовать немедленной казни заключенных; ворвались в тюрьму и заставили надзирателей открыть камеры; в это же время приехал в тюрьму большевистский комендант

города Промовендов, который и приказал казнить всех приведенных "кадет". Были выведены на секретный двор трое: братья Новиковы и Руднев, которые тут же самым зверским образом были зарублены шашкой одним из красноармейцев Коваленко, с остервенением наносившим удары куда попало. Зрелище было настолько потрясающее, что даже озверевшие рабочие не могли вынести этого и, по их требованию, казнь остальных девяти была приостановлена, а один из зарубленных — Георгий Новиков, чудом оставшийся в живых, несмотря на нанесенные ему по шее, груди и рукам 13 ран, был отнесен в тюремную больницу, вопреки протестам рубившего его красноармейца Коваленко, члена малой коллегии комиссаров Лапина и некоторых других, требовавших, чтобы Коваленко было предоставлено добить Новикова, причем сам Коваленко метался по тюрьме с окровавленной шашкой, ругаясь самыми непристойными словами и грозя перебить всю тюремную администрацию. Позднее приехал в тюрьму начальник красной армии в Ставрополе Шпак, по приказанию которого были выведены во двор остальные девять заключенных и, за исключением двух — Михайлова и Цыпина, относительно которых кем-то было заявлено, что они рабочие, все были убиты тем же Коваленко и другими красноармейцами, рубившими их шашками и коловшими штыками. Один из казненных, Еремеев, с вытаращенными глазами и ужасным криком вырвался от палачей и побежал вокруг тюрьмы, за ним с шашками гнались какой-то красноармеец и рабочий. Еремеев, маленький и юркий, вскочил на погреб и хотел перелезть через забор, но его стащили со стены за ноги. Тогда он вырвался и спрятался в погреб, но его вытащили и оттуда; он опять вырвался и бежал, но споткнулся о камень и упал, причем перевернулся на спину и стал отбиваться руками и ногами. Его тут стали рубить шашками, причем порубили ему руки и ноги.

Одновременно с этими трагическими событиями в тюрьме и в последующие дни происходило избивание людей, как и во многих других пунктах города. Арестованные большевиками офицеры и частные лица, многие из которых не имели никакого отношения к выступлению офицерской организации, группами избивались и на улицах, и площадях города, и на городских свалках, и в стенах правительственных советских учреждений. Но главным местом казней был двор бывшего юнкерского училища — громадное место в центре города, огороженное с трех сторон высокой каменной стеной, а с четвертой замыкаемое зданием, в котором помещался комиссариат, куда и приводили всех арестованных.

Оттуда этих несчастных проводили внутрь двора, где загоняли в тесные, полные мусора камеры в полуразвалившейся башне, и там они ждали своей мученической смерти; некоторые были замучены внутри этой же башни, большинство же были выведены в конец двора, где растут большие деревья, и тут изрублены. Долго на стволах этих деревьев сохранялись следы шашечных ударов, кровь, прилипшие волосы. Здесь люди избивались десятками, и трупы их частью закапывались тут же в саду, частью вывозились на дрогах за город и там сбрасывались где-нибудь в канавах. Здесь были убиты генерал Л. А. Росляков, 64 лет, полковник Пенковский, 63 лет, братья Пашковские, 14 и 17 лет, и многие другие. Выстрелы, крики и стоны избиваемых и ругань палачей днем и ночью оглашали участки смежных владельцев и наводили ужас на весь город.

Террор этот грозил гибелью всему населению, никто не мог быть спокоен за свою жизнь и за жизнь близких, и прекратился только благодаря приближению отрядов Добровольческой Армии, занявшей город 8 июля 1918 г.

С приходом их было приступлено к расследованию всех этих злодеяний большевиков, были разрыты десять могил, которые удалось обнаружить в разных местах, и было извлечено всего 96 трупов, из которых 65 опознаны родными и близкими. Эти жертвы торжественно погребены в братской могиле в ограде архиерейской Андреевской церкви, в городе Ставрополе, но указанной цифрой далеко не исчерпываются все погибшие за кровавые дни июня и июля 1918 года, — много жителей пропало без вести, и нет другого объяснения этому, как то, что они были убиты и вывезены и закопаны неизвестно где.

Все вышеизложенное основано на данных, добытых Особой Комиссией в судебно-следственном порядке.

КРАТКАЯ СПРАВКА

об арестах, производившихся большевиками
в Ставрополе (Кавказском)
с 1 января по 8 июля 1918 года

С 1 января по 8 июля 1918 года в Ставрополе-губернском (Кавказ) в период советского правительства были произведены многочисленные аресты, число лишившихся свободы лиц не поддается точному учету, так как полный произвол арестов без регистрации и фиксировавшихся докумен-

тально распоряжений об аресте, без соблюдения хотя бы формальных гарантий правильности ареста вызвал отсутствие необходимых сведений. Арестовывать мог каждый представитель новой власти, официальные лица и отдельный красноармеец и рабочий именем советской власти, и арестованные сдавались в различные пункты при советских учреждениях без документа; проследить и выяснить причину ареста, грозящее обвинение, место содержания и судьбу арестованных часто бывало невозможно. Кроме Ставропольской тюрьмы, количественно незначительного пункта из тех мест, куда препровождались арестованные, нигде сведений об арестованных не было или были неверные и даже ложные. Данные Ставропольской тюрьмы указывают на взаимоотношение различного рода арестов – так, арестовано с 1 января по июль 1918 года продолжавшими еще функционировать судебными властями, с соблюдением формальных гарантий правильности ареста – 54 человека, без соблюдения таковых, но с удостоверяющими факт ареста и личность арестованного данными за то же время – 269 человек, без всяких формальных условий – 71 и в качестве заложников 63 человека.

Арестованные частью непосредственно за арестом убивались, частью содержались по различным местам заключения, частью освобождались, причем все происходило по бесконтрольным распоряжениям лиц, бывших в данное время у власти, и без суда и следствия.

АКТ РАССЛЕДОВАНИЯ о насильственном захвате власти большевиками (коммунистами) в Ставропольской губернии в 1918 г.

Город Ставрополь и Ставропольская губерния, отрезанные от центра возникшей на Дону и Кубани гражданской войной, только к концу 1917 года начали захватываться волнами большевистской анархии и разрухи, которым главным образом способствовали солдатские массы, дезертировавшие с фронта и распропагандированные уже на местах никому не известными безответственными элементами. Местная административная власть в лице Губернского Комиссара Временного Правительства и Президиума Губернского Комитета Общественной Безопасности напрягала все усилия на борьбу с большевизмом, пытаясь заручиться даже поддержкой Дона и Кубани, но все усилия были напрасны. Разруха усиливалась с каждым днем и особенно широко распростра-

нилась по губернии после захвата власти в Петрограде и Москве большевиками и начала мирных переговоров в г. Бресте, — тогда появился полный развал армии и дезертирство ее с фронта, чем воспользовались весьма умело организовавшиеся к тому времени коммунисты. Желая затянуть полный захват власти большевиками, Губернский Комиссар Сторлычанов совместно с Городским Самоуправлением и Губернской Земской Управой решили созвать общегубернское народное собрание учредительного характера, в основу созыва которого было положено представительство Губернского Земства, с выборными из каждого села, все общественные организации, политические партии и даже некоторые правительственные учреждения. Однако это собрание было обречено на полную неудачу, так как большевистская демагогическая пропаганда нашла себе вполне подготовленную почву в деревнях, куда являлись с оружием в руках бежавшие с фронта солдаты, самовольно сменившие органы волостного земства, введенные Временным Правительством и построенные на основе всеобщего, прямого, тайного и равного голосования, и заменили их Совдепами (советами депутатов), в которые угрозами и силой заставляли крестьян выбирать самих себя.

Местные крестьяне, довольно зажиточные и вполне обеспеченные землей, относились враждебно ко всем этим начинаниям, но не могли бороться с вооруженной силой и потому сдавали свои позиции. Таким образом, вместо действительно выборных от народа попадали в собрание захватчики, которые, вместе с членами созданного к тому времени Губернского Крестьянского Съезда, состоявшего также преимущественно из солдат, могли проводить в жизнь лозунги борьбы за советскую власть, сулившую народу всю власть, все богатства и прелести полного безделья.

Первым симптомом перехода власти в руки черни явился разгром солдатскими массами в конце ноября в гор. Ставрополе винного склада, местные же советы открыто обсуждали вопрос о необходимости скорейшего захвата власти и удаления от дел представителей Временного Правительства. К открытию народного собрания, 30 декабря, выяснилось, что настроение в нем явно большевистское, почему помещение, предназначенное для собрания, было захвачено съездом крестьян и воинскими частями, а на другой день, вместо организованного собрания, открылся митинг, на котором тотчас же были упразднены земства в губернии и всеобщее избирательное право.

Состав этого митинга, заменившего народное собрание,

был очень оригинален и состоял почти из одних солдат, людей не местных и чуждых местным интересам. При обсуждении прав на представительство в Народное Собрание получились совершенно неожиданные результаты: так были исключены представители школьного союза, так как в школах и гимназиях учатся буржуи, исключены были представители почтово-телеграфного союза, так как на почте посылки пропадают, а биржевой комитет был допущен — "биржевые извозчики", по словам одного оратора, "народ трудовой". В ночь на 1-е января под оружейную стрельбу на улицах и площадях был провозглашен переход власти к народным комиссарам и советам.

Было решено организовать Губернские Советы из 180 человек, Исполнительный Комитет из 30 человек и Совет Народных Комиссаров как исполнительная власть из 7-8 человек. Законодательным органом явился исполнительный комитет, так как Губернский Совет не был организован сразу, и в него вошли, кроме коммунистов, представители других социалистических партий, которые, однако, по прошествии нескольких дней, выбыли из его состава за невозможностью работать при создавшихся условиях, и большевики стали беспрепятственно проводить свою программу под девизом "диктатуры пролетариата" и "власти беднейших", вследствие чего разруха в губернии и городе стала принимать угрожающие размеры и вылилась в форму самосудов, грабежей и захватов, беспорядков в инородческих степях, грозивших перейти в открытые бунты и мятежи.

Связи с населением центральная коммунистическая власть не имела никакой и распоряжения ее встречали явное противодействие со стороны местных органов, проводивших свою программу.

Наряду с этим прежние учреждения как правительственные, например, Губернское Правление, Губернское Присутствие и даже сословные, как Дворянское Депутатское Собрание, Дворянская опека, продолжали свое, хотя и жалкое, существование, и большевистская власть требовала, чтобы в журналах заседаний этих учреждений была бы вслед за подписью Председателя Совета также подпись Предводителя Дворянства.

Эта власть Совета фактически продолжалась до конца марта 1918 года, когда среди большевистских деятелей началась борьба за власть, а с появлением вновь образовавшегося Военно-Революционного Комитета и прибывшего из Ростова-Дону для борьбы с контрреволюцией штаба матросов раздались призывы к борьбе и крови, результатом которых,

по словам свидетеля Мещерикова, явились памятные Ставропольские кровавые дни.

В конце концов вся власть перешла к красной армии, которая с помощью специально присланных инструкторов от центральной Советской власти организовалась в губернии, причем под ее давлением совет народных комиссаров стал более настойчив в смысле проявления большевистской активности, последовало распоряжение о высылке из пределов губернии местных общественных деятелей на станцию Кавказскую, где, по словам свидетеля Мещерикова, "царили ужас, откуда нельзя было вырваться, так как эти высылки были равносильны смертной казни". 24 марта 1918 года была разогнана Городская Дума, избранная на основании всеобщего, тайного, равного и прямого голосования и состоящая из представителей социалистических партий в количестве 42 гласных, из общего числа 72. Еще задолго до разгона Думы против нее начался поход в советской периодической печати, а 27-го февраля Исполнительный Комитет опубликовал положение об учреждении Общегородского Совета депутатов из представителей профессиональных групп населения по курьальной - цеховой системе выборов, что, по выражению одного из представителей фракции социал-демократов, указывало на сплошную демагогию, крошущуюся во всей позиции большевиков, плетущихся за разнузданной толпой, что вся система выборов, установленная положением об Общегородском Совете, преследует одну цель - изъять интеллигенцию из выборов, чтобы обеспечить в Совете темное и бессознательное большинство, необходимое демагогам для укрепления деспотизма. Чрезвычайное Собрание Думы постановило не признавать законность роспуска и выпустило воззвание к населению. Однако 24-го марта, когда гласные явились в помещение Думы, путь им был прегражден военным караулом, под предводительством рабочего Лупантина, который под угрозой применения силы и оружия принудил председателя очистить зал заседания. Таким образом вся деятельность вновь созданных большевиками учреждений сводилась не к развитию общественной жизни в крае, а к полному развалу земской и городской деятельности. Образовавшийся в конце апреля военно-революционный комитет, в составе бывшего Председателя Губернского Исполнительного Комитета Мещерякова, бывшего жандармского ротмистра Коппе, матроса Якшина, солдата Топунова, рабочего Лупантина, бывшего прапорщика Занозина и др., проявил тотчас активную деятельность, арестовав Председателя Совета Народных Комиссаров Пономарева и военного комиссара

Мирошников. При Штабе Красной Армии образовалась малая комиссия, члены которой были наделены чрезвычайными полномочиями, производили реквизиции, аресты, а потом и казни. Так член этой комиссии солдат Топунов 28 апреля опечатал зал заседаний Окружного Суда, кассу, кабинет Председателя, канцелярию уголовного отделения, из кассы было захвачено 4.000 рублей, а из канцелярии увезено имущество.

В начале мая были произведены в связи с арестом части офицерской организации и наступлением Добровольческой Армии массовые аресты, население было обложено пятимиллионной контрибуцией и взято из зажиточных граждан 58 заложников, причем на сессии народного собрания комиссар путей сообщения Петров заявил, что при продолжении наступления Добровольческой Армии заложники будут расстреляны.

Во второй половине июня были организованы по инициативе только что освобожденного из тюрьмы матроса Игнатьева с товарищами особые карательные отряды и особый трибунал в составе матроса Игнатьева, коменданта Промовендова и солдата Ашихина, заседавший обыкновенно ночью и санкционировавший синодик казнимых граждан. Первыми жертвами этих карательных отрядов были гласный Думы социалист Чернышев и бывший Предводитель Дворянства Мачканин, которые были изуродованы красноармейцами и выброшены в окрестностях города. Вспыхнувшее в ночь на 27 июня офицерское восстание было подавлено красноармейцами с особой жестокостью: ими были зверски убиты 96 видных граждан города Ставрополя.

Убийства эти прекратились только после вступления в город частей Добровольческой Армии.

Все вышеизложенное основано на данных, добытых Особой Комиссией в судебном-следственном порядке.

Составлено Апреля 11 дня 1919.

Екатеринодар.

АКТ РАССЛЕДОВАНИЯ по делу о взрыве большевиками бомб на учебном судне "Рион"

Вступление в конце марта (по старому стилю) 1919 г. большевистских (коммунистических) войск Российской со-

ветской республики в пределы Крыма вызвало сильную панику среди жителей, опасавшихся обычных зверств красного террора и ужасов гражданской войны, а потому началась спешная эвакуация части гражданского населения и учреждений краевого правительства. В г. Севастополе утром 29 марта местный большевистский военный-революционный комитет издал и распространил прокламации, в которых приглашал рабочих прекратить работы по эвакуации и воспрепятствовать выходу судов в море.

В тот же день на Севастопольском рейде грузился беженцами и должностными лицами с их семьями большой трехтрубный океанский пароход, учебное судно "Рион", водоизмещением около 13.000-14.000 тонн, принадлежащий ранее Добровольному флоту под названием "Смоленск". Корабль по состоянию своих котлов и машин был лишен возможности самостоятельного движения, не имел электрического освещения, действовавших водопровода и помп.

Все палубы и обширные пассажирские помещения были переполнены несколькими тысячами людей с их имуществом, причем в публике все время передавались тревожные слухи о том, что большевики не выпустят в море "Рион", что с пароходом может случиться несчастье и что его ждут "великие испытания".

В 6 часов 40 минут вечера в эмигрантском помещении на второй палубе, близ трюма № 4, раздался оглушительный взрыв снаряда, причем через остекленный люк трюма вырвался сноп пламени с дымом, имевшим запах пироксилина, и посыпался дождь разбитых стекол. Силою взрыва на верхней палубе были изломаны части укрепительных кронштейнов и головки паровых тумб двух погрузочных лебедок, тела которых рухнули вниз. Внутри помещения стальные листы водонепроницаемой переборки, толщиной в 8 миллиметров, были выпучены и раздвинуты, а заклепки в соединениях вырваны, крепления наугольного железа изломаны, деревянная бортовая обшивка расщеплена, внутренние деревянные застекленные перегородки снесены со своих мест и частью разрушены. Стальная дверь переборки, весом в 18 пудов, была сорвана с двух своих петель и отброшена в соседнее помещение, где задержалась у вентиляционной трубы на расстоянии 21 фута от места своего прикрепления.

Хотя главная разрушительная сила газов направилась по пути наименьшего сопротивления наружу, через широкое отверстие трюмного люка, и начавшийся пожар был быстро потушен энергичными мерами судовой администрации, тем не менее от взрыва снаряда пострадало более 100 человек.

Расследованием отмечено 21 убитых и умерших от ран и 83 раненых, из числа которых 52 были помещены на французское госпитальное судно "La Navarre", причем среди них оказалось 24 мужчины, 13 женщин и 15 детей в возрасте от 4 до 12 лет. Большинство ранений было причинено в верхнюю часть тела – в голову, шею, грудь и руки, нередко с повреждением костей, иногда с ожогами от газов. Многие получили повреждения от осколков стекла, причем у одного мальчика было обнаружено на голове до сорока таких ранений.

По заключению экспертов, взрывчатый прибор представлял собой аппарат, сделанный из меди или латуни, снаряженный каким-либо бризантным веществом и начиненный пулями неизвестного металла. Прибор в момент взрыва был расположен около водонепроницаемой переборки, отделявшей эмигрантскую камеру от соседнего пассажирского помещения, на второй полке железной коечной сетки, на высоте 2 футов от пола.

Влияние этого взрыва на жизнеспособность корабля, не повлекшего за собой повреждений каких-либо существенных его частей, было, по мнению экспертов, весьма незначительным.

Происшедший взрыв подтвердил основательность тревожных ожиданий пассажиров и явился источником новых волнений и страхов. В жуткой темноте громадного многоэтажного парохода, с узкими проходами, коридорами и кабинами, тесно жались испуганные люди, ожидая каждую минуту нового, еще более страшного взрыва.

В 11 часов 40 минут вечера в средней части корабля, на второй палубе, между второй и третьей трубами в правом коридоре кают 1 класса два гимназиста почувствовали запах гари, о чем сообщили проходившему офицеру Маркову. В этом месте было обнаружено шесть бомб, соединенных между собою шнуром, с патроном и недогоревшим фитилем длиной в четверть аршина. Бомбы были завернуты в газетную бумагу и положены в самом углу совершенно темного коридора, близ каюты № 17.

Взрыв в этой части корабля, в виду замкнутости помещения, обилия сухих деревянных частей, узости коридоров, близости угольных ям, а также бездействия машин, водопровода и освещения, – грозил чрезвычайной силой разрушительного действия снаряда, большим пожаром и громадной паникой. Все прилежавшие помещения I класса были заняты почти исключительно женщинами и детьми. По заключению экспертов, при этом втором взрыве могли пострадать паровой трубопровод, часть котлов и экономайзеров.

В течение дня и вечера удалось задержать на пароходе матросов бывшей команды парохода "Рион" Дыкмана, Маховского и Логинова, которые явились, якобы, за получением причитавшегося им содержания по службе и которые были заподозрены в соучастии во взрыве. Допросом этих лиц установлено, что два других матроса того же корабля, Акулов и Вержбицкий, вошли в сношение с местной большевистской организацией в Севастополе и получили от нее взрывчатые вещества для взрыва парохода "Рион".

Когда ночью, по обнаружении новых бомб, было приказано Дыкману бросить их с баржи в воду, — Дыкман, предполагая, очевидно, что бомбы ударные, метнул их на палубу под ноги офицеру Маркову и производившему дознание чиновнику Полетика, — а сам стремительно, вниз головой, нырнул в воду, где и был убит.

При обыске, произведенном в 4 часа утра 30 марта в г. Севастополе по Георгиевской улице, в доме № 10, в квартире Акулова и Вержбицкого, последних там не оказалось, и был задержан лишь квартирохозяин Ларионов с женой, а в общем сарае жильцов были найдены три электрических прибора для адских машин. На допросе Ларионов заявил, что знал о готовившихся Акуловым и Вержбицким на пароходе "Рион" взрывах двух адских машин в 7 часов вечера и в 12 часов ночи. Жена Ларионова подтвердила, что 29 марта Акулов и Вержбицкий в нетрезвом виде на минной пристани в 4 часа дня говорили ей, что сегодня они подорвут "Рион". Ларионова предупреждала о том Маховского, советуя ему не задерживаться на пароходе, так как там приготовлен буржуям "гостинец".

При производстве на пароходе розысков при помощи полицейской собаки-ищейки, последняя, обнюхав бумагу, в которую были завернуты найденные в коридоре I класса бомбы, пробежала по лестнице в кают-компанию, затем по верхней палубе, по лестнице вниз и дошла до канцелярии эвакуировавшегося судебно-уголовного отделения, где бросилась прямо на Логинова. Когда ему указали на поразительный факт его опознания, Логинов заявил: "Меня наказывает Бог и собака", но все же отрицал свою виновность во взрыве.

Расследованием установлено, что Ларионов являлся одним из активных большевистских работников, ездил в Москву и командовал отрядом матросов во время борьбы с казаками генерала Каледина.

При попытке к бегству с корабля "Рион" Маховский, Ларионов и Логинов были убиты.

Составлен 19 апреля 1919 года в городе Екатеринодаре.

СПРАВКА о сожжении красноармейцами казака Якова Чуса

17 апреля 1919 года на фронте у реки Маныча красные атаквали близ села Хомутовскато сотню Запорожского полка и потеснили ее, причем при отходе был тяжело ранен в живот казак Яков Чус, которого вынести из боя не удалось и красные захватили его в плен. Тогда они на виду у отступавшей сотни облили Чуса бензином и живого зажгли его.

По подходе резервных сотен запорожцы перешли в контратаку, выбили красных и нашли тело зверски замученного Чуса, которое было одето лишь в штаны и обуглено, особенно сильно на груди и около шеи.

Кожа на груди у Чуса около левой подмышки растрескалась; глаза лопнули, рот же был чрезмерно раскрыт и лицо сохранило выражение сильных мучений. Около тела были найдены пустые банки с запахом бензина.

АКТ РАССЛЕДОВАНИЯ по делу о неудавшемся нападении большевиков на поезд Французской миссии на станции Велико-Анадол и об убийстве там же офицеров Добровольческой Армии

В ночь на 15 февраля 1919 года мимо станции Велико-Анадол Южных ж. д. проходил по направлению от Мариуполя к Дебальцеву поезд, в котором следовала французская миссия. На этот поезд было организовано нападение третьей роты 6-го Советского полка, причем на линии железной дороги была задержана неизвестная женщина, которая, как потом оказалось, была подкуплена и подослана большевиками, поручившими ей перевести железнодорожную стрелку под поездом французской миссии. Но по счастливой случайности нападение не удалось: поезд с французской миссией миновал станцию минут за десять до прибытия туда большевиков, и

нападение, подготовлявшееся на французскую миссию, было совершено на встречный товаро-пассажирский поезд, прибывший на ту же станцию через несколько минут после появления большевиков. Тотчас по остановке поезда большевики открыли с перрона станции ружейный огонь по классному вагону, в коем ехало более 20 офицеров и генерал Львов. Первый же вышедший из вагона офицер был тут же убит. Остальные в течение более трех часов отстреливались из вагона, пока, наконец, красноармейцы не подогнали его к пакгаузу, из-за которого зажгли вагон ручными гранатами. Горевший вагон был потушен железнодорожными служащими, после чего красноармейцы ворвались в него и, раздев и ограбив убитых офицеров, уехали в деревню Владимировку, где помещался штаб 6-го Советского полка. При обстреле вагона, кроме офицеров, были убиты одна женщина и рабочий.

Через два дня станция Велико-Анадол была отбита у советских войск частями Добровольческой Армии. Несчастные жертвы большевиков представляли ужасное зрелище: пять трупов лежало в вагоне среди разрушенных ручными гранатами скамеек, а тринадцать трупов выброшены были на полотно железной дороги и их поедали собаки и свиньи. Трупы были раздеты догола и обезображены, лица многих были исколоты штыками. Некоторые сами лишили себя жизни, на что указывают огнестрельные ранения в области височной кости.

СООБЩЕНИЕ о гонениях большевиков (коммунистов) на церковь в Донской области

Высшее духовенство донской епархии привлекало особенное внимание большевиков, так как представители его, стоя на страже церкви и порядка, силою вещей были впереди лиц, настроенных несочувственно к глашатаям новой правды. В ноябре и декабре месяцах 1917 года с церковной кафедры собора раздавались речи, осуждавшие братоубийственную гражданскую войну, начатую большевиками. Для подъема религиозного настроения устраивались крестные ходы. 26-го ноября 1917 г. епископом аксайским Гермогеном была произнесена горячая речь над гробами двадцати партизан Каледина. Епископ предал убийцу суду Божию, как Каина-братоубийцу. 11 февраля, накануне занятия Новочеркасска большевиками, епископ Гермоген служил в соборе по-

следнее молебствие войсковому кругу, покидавшему город, а 12 февраля он находился уже под домашним арестом. После освобождения из-под ареста епископ вынужден был скрыться из дому и, вплоть до занятия города казаками, искать приюта у своих знакомых, ибо большевики объявили, что "накрошат мяса из архиерея".

Во время занятия Новочеркасска большевиками архиепископ донской и новочеркасский Митрофан оставался в своих покоях. На другой день, 13 февраля, к нему ворвались четверо вооруженных матросов; не снимая шапок, с папиросами в зубах, угрожая револьверами, они заявили в самой грубой форме, что должны произвести обыск. На предложение предъявить соответственное полномочие один из матросов подал удостоверение своей личности. Когда ему заметили, что в удостоверении не говорится о праве обыска, матросы заявили, что по такой бумаге они везде обыскивают. Войдя в кабинет и спальню архиепископа, матросы перерыли всё. Ничего не обнаружив, они обратились к архиепископу и бывшему с ним протоиерею Артемьеву со словами: "вы, товарищи, скажите по совести: есть у вас оружие или нет". Получив отрицательный ответ, они удалились. Через несколько часов явилась новая группа матросов, человек пятнадцать. На этот раз во время обыска матросы взяли все более или менее ценные вещи, вплоть до очков в золотой оправе. После обыска матросы заявили, что архиепископ арестован. Когда архиепископ, выходя из дому, перекрестился, по его адресу посыпались насмешки: "молиться стал; думает Бог ему поможет; да и не молись, какой там еще Бог". На извозчике архиепископ Митрофан был отвезен на вокзал в штаб. В штабе выразили удивление по поводу ареста. Когда же матросы заявили, что архиепископ проклинал большевиков, решили, что "это дело нужно разобрать", и архиепископа повели в атаманский дворец. Его сопровождали те же матросы и толпа народа. Толпа и конвоиры требовали, чтобы арестованный, несмотря на преклонный возраст и высший сан, шел в город по грязи пешком. "Будет тебе в карете ездить, походи-ка пешком", — раздавались возгласы, — "новочеркасского бога ведут", "вот ему чего надо", — кричал народ, потрясая кулаками. Когда утомившийся архиепископ попросил разрешения отдохнуть, ему предложили сесть в грязь, а когда он отказался, матрос воскликнул: "а ты, буржуй, в креслах привык сидеть. Не хочешь на землю садиться, так иди". В атаманском дворце допроса не состоялось, и архиепископ на этот раз был отправлен на гауптвахту, где его заключили в грязную одиночную камеру вместе с войсковым атаманом генералом Наза-

ровым и еще одним офицером. Спать приходилось вдвоем на голой лавке, которая днем служила сиденьем. Через маленькое отверстие камеры все время раздавались брань и угрозы. Сначала к архиепископу беспрепятственно пропускали посетителей, затем эта льгота была прекращена; свободно допускались лишь те, кто являлся с явным намерением глумиться. Лишь через десять дней это заключение окончилось после приговора военно-революционного суда, признавшего архиепископа невиновным.

Если арест двух высших представителей донской епархии окончился для них благополучно, то значительное количество священнослужителей поплатились своей жизнью только за то, что они являлись представителями церкви. Отношение красноармейцев к духовенству было в высшей степени определенное и безоговорочное. "Убить попа" да еще посмеяться над ним, по-видимому, входило в правила поведения советского воина. Один документ – письмо красноармейца к родным – является чрезвычайно ярким показателем этого настроения. Между прочим, письмо это принадлежит солдату красной армии, против которого имеется серьезное основание считать его участником убийства священника хутора Персиановского о. Иоанна Куликовского. После обычных приветствий и поклонов родным и знакомым следуют такие строчки: "новостей у нас много. Сколько можно, столько пропишу. Помощника Каледина Богаевского поймали и привезли к нам в Новочеркасск и с него снимают допрос. А потом – на расстрел его предадут. Затем когда мы наступали на Персиановку, тогда меня ранили в левую руку, эта рана была очень легка, два пальца вышибла; но и мы, когда вошли в Персиановку, не щадили никого. Били всех. Мне тоже пришлось застрелить попа одного. А теперь мы еще ловим чертей в Новочеркасске и бьем, как собак..."

О. Николаю Добросельскому (слоб. Ровенки) после обыска 14 марта 1918 года старшим красноармейцем был объявлен приговор: за противобольшевистские проповеди обрывать волосы и расстрелять. Приговор не был приведен в исполнение, благодаря заступничеству собравшихся прихожан, и заменен денежным выкупом.

Полного списка убитых в Донской области священнослужителей еще нет возможности составить, однако в настоящее время можно отметить следующие убийства:

- 1) 7 января 1919 года был убит священник Троицкой церкви поселка Калиновского о. Николай Борисов. Когда в этот день священник Борисов после литургии возвращался домой, его встретил отряд красноармейцев и приказал ехать

на ст. Ханженково. Получив разрешение проститься с семьей, о. Борисов был посажен на линейку и увезен. Через некоторое время лошадь привезла на линейке труп. На теле, кроме огнестрельной раны, было обнаружено несколько штыковых. Жители поселка были так терроризированы красноармейцами, что никто не пришел помочь семье снять тело, не решился зайти в дом, делать гроб, продать доски для гроба, вырыть могилу.

2) 13 января 1918 года в слободе Михайловке был убит священник местной Николаевской церкви о. Феохтист Георгиевич Лебедев, 39 лет. О. Лебедев был энергичным и деятельным человеком. С начала войны он состоял председателем волостного комитета по распределению пособий семьям призванных на войну. Естественно, что по своей деятельности ему приходилось иногда отказывать в пособии отдельным лицам. Это послужило основанием к недоброжелательству со стороны обиженных, и еще во время войны о. Лебедев получал с фронта оскорбительные и угрожающие письма. Когда же к концу 1917 года в селении в большом количестве появились фронтовики, враждебное отношение к священнику стало принимать угрожающие формы. 12 января слобода была занята советскими частями. Вслед за этим у о. Лебедева был произведен обыск, сопровождаемый всякими издевательствами и угрозами раздаться за прошлое. Утром 13 января о. Лебедев попытался скрыться из слободы, но был узнан и схвачен. Когда его привезли, толпа стала требовать немедленного расстрела, и не успел о. Лебедев сотворить крестного знамения, как уже повалился от выстрела в спину. Его сейчас же добили штыками и чем попало. Труп бросили в свалочное место и запретили хоронить. Лишь на другой день растерзанный труп священника удалось выхлопотать родственникам убитого и похоронить.

3) Настоятель Троицкой церкви хутора Ягодино Кадамовского священник Петр Иванович Жаханович был расстрелян 2 февраля 1918 года налетевшими из г. Александровск-Грушевского красноармейцами, когда шел служить вечерню.

4) 12 февраля 1918 года священник хутора Персиановско-Грушевского Иоанн Куликовский был арестован большевиками, по-видимому, за сочувствие партизанам и "кадетам". Выведя на улицу, его свалили выстрелом в живот, затем добили штыковыми ударами. Тело не позволили хоронить и в течение двух дней труп лежал на улице, едва прикрытый чем-то, так как обувь и одежда были сняты с него.

5) Священник пос. Иваново-Слюсаревского о. Василий Зеленый был арестован большевиками и отправлен в штаб в

станцию Кушевку. В половине февраля 1918 года по сведениям жителей этой станицы в ее окрестностях был расстрелян какой-то священник и с ним еще два человека. На расспросы слюсаревцев о судьбе их священника в штабе ответили, что его отправили "на Харьков".

6) Священник Флоро-Лаврской церкви станицы Великокняжеской Владимир Николаевич Проскуряков был убит красноармейцами 28 февраля 1918 года, когда отправился на станцию ходатайствовать об освобождении двух своих сыновей, которые к моменту появления Проскурякова на станции были убиты.

7) 2 марта 1918 года временный священник Покровской церкви поселка Медвежинского о. Иоанн Смирнов был взят конным большевистским разъездом, угнан в другой поселок и там убит. Тело убитого было найдено 14 марта.

8) На хуторе Владимирове близ станции Морозовской был убит священник местной церкви Андрей Казинцев, который всегда открыто восставал против большевизма. 11 апреля 1918 года рано утром прибывший на хутор отряд красноармейцев прямо направился к дому священника о. Казинцева, подняли его с постели, вывели на площадь и здесь произнесли ему смертный приговор. Его связали и увезли на станцию Морозовскую. Через три дня труп о. Казинцева был найден пастухом в балке близ хутора Владимирова. На груди убитого было обнаружено шесть штыковых ран.

9) Священник Рождество-Богородицкой церкви хутора Петровского Александр Иванов 10 мая 1918 года был расстрелян красноармейцами среди бела дня на церковной площади, на глазах семьи и прихожан. Ему ставилось в вину то, что он был сторонником казачества и противником большевизма.

10) 14 мая 1918 года диакон-псаломщик Иоанно-Предтеченской церкви хутора Чернышкова Кир Петрович Маланьин был убит ударами шашки и штыков. Хоронить тело не разрешили, и погребение удалось совершить лишь по занятии хутора казаками.

11) 23 мая 1918 года в станице Тишанской красноармейцами был захвачен псаломщик Иоанн Мелихов и увезен из станицы. На следующий день был найден совершенно раздетый труп И. Мелихова с массой штыковых ран и отрезанным половым органом.

12) 2 июня 1918 года в слободе Мариновке утром красноармейцы явились на квартиру священника этой церкви о. Георгия Парфенова и произвели обыск, взяв писчую бумагу и фотографии и опросив о. Парфенова, сколько ему лет, где

учился и т. п., удалились. Часов через пять к нему явились снова, забрали священника вместе с одним прапорщиком и, отведя обоих к полотну железной дороги, расстреляли. Из свидетельских показаний устанавливается, что отношение прихожан к о. Парфенову не было враждебным. Но явившиеся с фронта солдаты относились к священнику явно недоброжелательно и угрожали ему.

13) 2 июля 1918 года был расстрелян красноармейцами священник Успенской церкви хутора Самсонова Павел Алексеевич Вилков. Он был расстрелян вместе с двумя своими сыновьями-офицерами. Труп был брошен в яму. Хоронить было запрещено, и только через несколько дней семье удалось тайно выкупить труп казненного. Ему вменялось в вину, будто бы он стрелял из окна в красноармейцев. После казни штаб красноармейцев, разобрав дело, вынес письменное постановление о том, что о. Вилков был расстрелян без вины.

14) Священник Петропавловской церкви при ст. Зимовники о. Михаил Рукин 5-го июля 1918 года убит красноармейцами. Похороны убитого происходили под шум насмешек и угроз по адресу вдовы.

15) Священник Георгиевской церкви хутора Фомино-Лиховского о. Михаил Стритонович Пашутин. Он был взят матросами и красноармейцами, привезен на ст. Лихая и там расстрелян. Труп был зарыт, но церковного погребения совершить не было дозволено.

Кроме этих случаев казни следует отметить смерть диакона Митрофана Судина (30 декабря 1917 года) и монаха Донского архиерейского дома Никанора (17 июня 1918 года), которые погибли при обстреле большевиками селений.

В этих казнях обращает на себя внимание ненужная, часто садистическая жестокость. Расстрелять, уничтожить человека считалось недостаточным. Обычно истязали свою жертву при жизни и глумились над телом после смерти. Как общее правило, расхищали одежду, запрещали хоронить и бросали в свалочные места. Это делалось не потому, что данные лица в чем-либо особенно провинились. Если были признаки обвинения, они сводились обычно к расплывчатому обвинению в "кадетстве" и "противо-большевизме". Всецело же они были направлены против духовенства, именно как против священнослужителей. Считалось необходимым "убрать попа", "убить попа как собаку", "похоронить по-собачьи", требовалось "накрошить мяса из архиерея".

Священника слободы Михайловка Иоанна Штурбина, выходившего со святыми дарами из дома умирающего, которого напутствовал о. Штурбин, красноармейцы остановили,

поместили около него караул с винтовками и в течение полу-часа во дворе чинили ему допрос и обыск.

Когда в той же слободе стали готовиться к похоронам убитого священника о. Лебедева, накануне уже поползли слухи, что завтра перебьют всех священников и потребуют, чтобы о. Лебедева хоронили "по-собачьи".

Пасхальная заутреня 1918 года в церкви при ст. Раков-ка была прервана красноармейцами, прибывшими с целью отобрать у народа пасхи, яйца и прочее, "кстати остричь по-па".

Замечалось иногда стремление облечь убийство в форму закономерного акта народного гнева. Такая инсценировка имела место при расстреле священника Андрея Казинцева. Немедленно по занятии хутора Владимирова отряд красно-армейцев появился у квартиры священника и привел его на площадь. Собирали народ. Когда образовалась кучка человек в 50, командующий отрядом спросил присутствовавших, нужно ли оставить священника или убрать. При этом он по-яснил, что суд будет короткий: если хотят оставить, — оста-вят, если желают убрать — пуля в лоб. При этом командир обратил внимание присутствовавших, не будет ли в священ-нике нужды в виду дней поста и приближающейся Пасхи. Он предложил вместе с тем решить дело поскорее, так как отря-ду пора уходить, и здесь же потребовал подводы. Народ стал расходиться, чтобы выполнить это последнее требование. Осталось человек двадцать горлопанов. Они и проголосовали поднятием рук формулу командующего "убрать попа" и ре-шили участь отца Казинцева.

Красной нитью проходит стремление поколебать и ос-корбить религиозное чувство верующего, возможно сильнее осквернить его душу. Поэтому врывались с обысками не только в частные жилища, не щадя при этом высших пред-ставителей церкви, — вторгались в церкви и производили там бесчинства и разгромы.

На хуторе Шебалине в Осиевской единоверческой церк-ви был произведен настоящий разгром. Взорвали железную кассу; разбивали кружки для сбора пожертвований в пользу больных и раненных воинов и в пользу вдов и сирот; уничто-жили библиотеку; вырывали листы из книги записей браков; уничтожали брачные документы, рассыпали Св. Дары, изло-мали ковчежцы с запасными дарами; изломали напрестоль-ный крест; стреляли в иконы; зачем-то обрезали у подризни-ков рукава, изрезали священническое облачение, у другого облачения обрезали подкладку; изорвали церковную завесу; изрезали покров на престоле, выпоров подкладку.

В Крестовой церкви Донского Архиерейского дома было разлито по полу Св. Миро, частицы мощей были рассыпаны и растоптаны красноармейцами, ходившими по церкви в шапках и с папиросами в зубах.

В Новочеркасском кафедральном соборе в алтаре матросы надевали траурную митру, стараясь прикрепить к ней красноармейскую кокарду, и под площадную брань сбросили на пол плащаницу.

Семинарская церковь в Новочеркасске по всем признакам служила местом попойки, так как на другой день были обнаружены по всему храму валявшиеся окурки, объедки хлеба, банки из-под консервов и бутылки.

Следственным материалом устанавливаются такие и подобные им действия в отношении 1) церкви Донского архиерейского дома, 2) Новочеркасского кафедрального собора, 3) церкви на хуторе Персиановско-Грушевском, 4) Никольской церкви хутора Ильинского, 5) церкви хутора Островского, 6) Осиевской единоверческой церкви на хуторе Шеба-лине, 7) церкви Новочеркасской мужской гимназии, 8) Тихоновской церкви станицы Кривянской, 9) церкви станицы Хомутовской, 10) церкви в Персиановке, 11) Семинарской церкви в Новочеркасске, 12) церкви села Староселья, 13) церкви при ст. Раковка, 14) Преполовенской церкви в ст. Гниловской, 15) Николаевской церкви Усть-Койарского хутора, 16) Свято-Никольской церкви хутора Генералова, 17) церкви хутора Алексикова, 18) Успенской единоверческой церкви хутора Калача, 19) Пантелеймоновской церкви хутора Летовского.

Этот обзор далеко не полон. Причиной является то обстоятельство, что расследование по необходимости касалось незначительной сравнительно части территории Донской области, очищенной от большевиков.

Остальная часть области в настоящее время находится под их владычеством. Население, возмущенное большевистским режимом в отдельных местностях, восстало против Советской власти. Летчик, возвратившийся из командировки в район восстания, привез сообщение о том, что большевики, заняв станицу Мигулинскую, устроили в местной церкви "венчание священника с кобылой". К морде лошади, приведенной в церковь, подносили крест, как бы давая прикладываться. Гремел оркестр музыки. Священника и жену его заставили плясать. В конце концов священника расстреляли.

Все вышеизложенное основано на данных, добытых Особой Комиссией в порядке, установленном Уставом Угол. Судопр.

Составлен 18 мая 1918 года в г. Екатеринодаре.

СВЕДЕНИЯ

по делу о вскрытии большевиками
мощей Св. Сергия Преподобного
в Троицко-Сергиевской Лавре близ Москвы

В номере 82 издаваемой в Москве газеты Российской Коммунистической партии "Правда" от 16 апреля 1919 года приведен, под заглавием "Святые чучела", протокол вскрытия мощей Сергия Радонежского 11 апреля 1919 года. Протокол этот, судя по его содержанию, носит официальный характер и начинается с перечисления всех лиц, присутствовавших при этом новом, неслыханном еще проявлении кощунства большевиков над религиозным чувством Православного народа. В присутствии президиума и членов местного губернского исполкома, представителей партии коммунистов, членов "технической комиссии по вскрытию мощей", представителей волостей и уездов, врачей доктора медицины Ю. А. Гроздиковского и доктора И. П. Попова, представителей красной армии, верующих, членов профессиональных союзов и духовенства была разобрана рака с мощами Св. Сергия Радонежского в Троицко-Сергиевской Лавре, близ Москвы.

В 20 ч. 50 м., по приказанию председателя Сергиевского Исполкома финна Ванханена, один из иеромонахов и игумен Лавры вынуждены были приступить к кощунственному акту вскрытия мощей одного из наиболее чтимых святых угодников православной церкви. Те, которые посвятили свою жизнь молитве Преподобному Сергию, должны были во исполнение приказания большевистского комиссара в течение около двух часов собственными руками разбирать покровы и мощи Св. Сергия, который более пятисот лет тому назад благословлял русский народ на борьбу с тяжким татарским игом во имя спасения и объединения России.

А теперь большевистская власть покусилась на покой святых останков великого молитвенника земли русской, к мощам которого одно столетие за другим стекались со всех концов православного мира миллионы богомольцев для поклонения и благоговейной молитвы.

В 22 ч. 30 мин. позорное дело было закончено. Протокол, скрепленный более чем 50-ю подписями, кончается указанием на то, что вскрытие мощей сопровождалось киносъемкой.

Имеются указания, что это не единичный случай вскрытия мощей, для чего, как видно из изложенного протокола, и организована даже специальная "техническая комиссия вскрытия мощей".

Так, в Ельце уже показывалось в кинематографе вскрытие мощей Преподобного Тихона Задонского.

Изложенные сведения извлечены из подлинного номера газеты Российской коммунистической партии (большевиков) "Правда" № 82 от 16 апреля 1919 года.

Подлинный за подписями Председателя
Особой Комиссии Мирового Судьи
И. Мейнгарда, Товарищей Председателя
и членов Особой Комиссии.

С подлинным верно: Секретарь Особой Комиссии

СВЕДЕНИЯ о злодеяниях большевиков на южном побережье Крыма (город Ялта и ее окрестности)

13 января 1918 года г. Ялта и ее окрестности после четырехдневного сопротивления со стороны вооруженных татарских эскадронов и офицерских дружин были заняты большевиками, преимущественно командами матросов с миноносцев "Керчь", "Хаджибей" и транспорта "Прут".

Немедленно, закрепившись здесь, большевистский военно-революционный штаб приступил к аресту офицеров. Последних доставляли на стоявшие в порту миноносцы, с которых после краткого опроса, а часто и без такового отправляли или прямо к расстрелу на мол, или же помещали предварительно на один, два дня в здании Агентства Российского Общества Пароходства, откуда почти все арестованные в конце концов выводились все-таки на тот же мол и там убивались матросами и красноармейцами.

Расследований о расстреливаемых никаких не производилось; пощады почти никому не давалось; бывали два, три случая, когда заключенные, считавшие себя обреченными, неожиданно освобождались, причем причина освобождения оставалась столь же неизвестной, как и причина заключения.

Так, спаслись от смерти генерал-лейтенант Смульский и барон Врангель. Содержавшиеся же вместе с ними генерал Ярцев, полковник Тропицын, ротмистр Стош, поручик князь Мещерский и вольноопределяющийся Ловейко были выведены на мол и там убиты. Между прочим, выяснилось, что оставшему полковнику Тропицыну было вменено в вину, будто он стрелял из окна, а ротмистру Стошу предъявлено обвинение в том, что он выступил с удостоверением несправедливости обвинения Тропицына. Полковник Ковалев был арестован по указанию члена совета солдатских и рабочих депутатов Берты Зеленской, будучи доставлен на миноносец "Керчь", арестованный на переходе Ялта - Севастополь был выброшен в открытое море; утоплен полковник Ковалев был за то, что будто в 1905 г. принимал участие в антисемитском движении в гор. Евпатории.

Не всегда матросы и красногвардейцы доставляли арестованных ими офицеров на миноносцы; нередко они убивали своих жертв на улицах, на глазах жителей и тут же подвергали трупы ограблению. На улице был убит прапорщик Петр Савченко, вышедший только что из обстреливаемого орудийным огнем санатория Александра III, где он находился на излечении; убил его матрос за то, что офицер не мог ответить, куда направились татарские эскадроны. Обобрал труп убитого, матрос приколол убитому погоны на грудь и стащил его затем на бойню. Из того же санатория был уведен красногвардейцами офицер Поликарпов, которого расстреляли на молу, не представляя его на миноносец "Хаджибей" или "Керчь", где заседал какой-то комитет матросов. Ни болезнь, ни раны, ни увечность не служили защитой против зверств большевиков; в революционный штаб был доставлен несколько раз раненный в боях с немцами юный офицер на костылях; его сопровождала сестра милосердия; едва увечный воин вошел в комнату, где сидел красноармеец Ванька Хрипатый, как тот вскочил и на глазах сестры из револьвера всадил офицеру пулю в лоб; смертельно раненный юноша упал, стоявший тут же другой большевик Ян Каракашида стал бить несчастного страдальца прикладом тяжелого ружья по лицу.

Всего в первые два-три дня по занятии Ялты было умерщвлено до 100 офицеров, не принимавших никакого участия в гражданской войне, проживавших в Ялте для укрепления своего здоровья или лечившихся в местных лазаретах и санаториях. Большинство убитых офицеров с привязанными к ногам тяжестями бросались с мола в море. Трупы безвинно казненных были извлечены с морского дна и

похоронены в братской могиле через пять месяцев, когда Крым оказался занятым германцами.

Кроме офицеров, подвергались убийству и отдельные жители города; достаточно было крикнуть из толпы, что стреляют из такого-то дома, чтобы красноармейцы и матросы немедленно открывали огонь по окнам указанного помещения. По такому окрику были убиты домовладелец Константинов и его дочь. Не удовлетвовавшись пролитой неповинною кровью, убийцы разграбили квартирное имущество Константиновых и часть мебели отвезли в дар своему комиссару Биркенгофу.

Одновременно с арестом офицеров военно-революционный штаб предпринял повальный обыск квартир для отобрания оружия. Прикрываясь этой целью, красноармейцы и матросы в действительности предались беззастенчивому грабежу. Разграблению подвергались гостиницы, санатории, магазины, лавки, склады, частные квартиры. Имущество расхищалось как самими лицами, производившими обыски, так и толпою сопровождавших их преступников; стоимость уничтоженного, испорченного и похищенного во время этих грабежей имущества по одной Ялте достигла цифры, превышающей миллион рублей. Перед разграблением санатория Александра III таковой был сначала обстрелян орудийным огнем миноносца "Керчь", причем на ходатайство главного врача санатория пощадить больных и раненых, находившихся в нем, получился ответ: "в санатории одни контрреволюционеры; санаторий должен быть уничтожен так, чтобы камня на камне не осталось". Угроза, впрочем, до конца не была доведена, обстрел прекратился, но зато приказано было администрации эвакуировать всех больных из санатория в течение двух часов. После эвакуации и начался общий разгром всего имущества этого ценного учреждения. Награбленное по гостиницам, магазинам, складам и квартирам добро меньшею частью попадало в распоряжение Комитета большевиков, а в большей части присваивалось теми самими лицами, которые производили обыски. Подобным разгромам, кроме Ялты, подверглись Алушта, Алупка, Дереккой, Бахчисарай, Массандра и другие близлежащие селения. Дереккой перед грабежом был обстрелян артиллерийским огнем миноносца; население бежало в горы и, когда спустя сутки, вернулось к своим домам, то увидело, что матросами все их имущество или уничтожено, или вывезено; жители, пользовавшиеся до того достатками, оказались бедняками. После нескольких дней описанного разбойничества, производившегося без письменного соизволения комитетов или красного

штаба, начались новые обыски, якобы легализованные коммунистической властью, т. е. обыски по мандатам большевистской власти. Мандаты эти выдавались, однако, без разбора и подписывались, начиная с председателя комитета и кончая помощником секретаря. Целью этих обысков было поставлено отобрание в распоряжение власти драгоценностей у богатых "буржуев". В действительности и эти обыски были маскированным разбоем. Забирались при обыске не только драгоценности, но наличные деньги и всякое другое имущество, дорогостоящее и легко сбываемое. Большая часть драгоценностей, отбираемая у "буржуев", не попадала в кассы советской власти, ибо грабители предпочитали продавать их в уцелевшие почему-то ювелирные лавки или же дарить их своим любовницам. Обыски производились во всякое время дня и ночи, сопровождалась они всегда угрозами "расстрелять", "отвести на мол", "засадить в тюрьму"; малейшая лишняя просьба или возражение – и дуло револьвера у виска, штык у груди, приклад над головой. Обыскивалась та же квартира разными группами по два, три раза; бывали случаи, когда одно и то же лицо было обыскиваемо семь раз; обыскиватели ничем не стеснялись, шарили повсюду, снимали одежду, раздевали женщин. Узаконенные грабители не могли допустить того, чтобы обыск не дал результата – нет драгоценностей, отнимались деньги, нет денег – отбиралось платье, белье. Население изо дня в день нищало. Такой легализованный грабеж длился все время большевистского владения в Ялте и захватил он все ее окрестности, нигде не было спокойной жизни, день и ночь население было в тревоге. Убытки от обысков исчисляются миллионами рублей.

Пополняя свою кассу грабительскими способами, коммунистический комитет не упустил и обложения "буржуев" контрибуцией в 20.000.000 рублей. Неуплата контрибуции, как объявил комиссар Батюк, должна была повлечь расстрел по приговору военно-революционного трибунала. Встрешенное до последних пределов население образовало в Ялте, Алуште и Алушке из состоятельных лиц комиссии, которые приняли на себя добровольно сбор контрибуционных взносов. В состав лиц, подлежащих обложению, комиссии включали тех, кто определял свое имущество в сумме не менее 10.000 рублей; по Ялте таких имущих лиц оказалось около 600 человек. Естественно, громадная цифра контрибуции не могла быть собранной. Удалось в продолжение трех месяцев внести в казначейство большевиков около 2.000.000 руб. Хотя взыскание и производилось путем самообложения через особую комиссию, но оно все-таки было сопровождаемо со сто-

роны большевистских комиссаров вечными угрозами расстрела или заключения в тюрьму. Едва происходила какая-либо задержка в поступлении денег, как тотчас же комиссары распоряжались насильственно отобрать у таких-то и таких-то лиц все находящиеся при них деньги; если денег не оказывалось или сумма была не достаточно велика, то следовало новое распоряжение – засадить в тюрьму, пока не будет заплачена назначенная сумма; подобные аресты длились иногда три, четыре дня, а иногда и недели, пока арестованному не удавалось найти за себя выкуп. Был случай, когда одна дама, у которой насильственно было отобрано 100.000 рублей, все-таки подверглась заключению в тюрьму в течение трех недель.

Не ограничиваясь указанными способами увеличения средств своего казначейства, большевики сделали распоряжение по всем банкам снять с текущих счетов "буржуев" все суммы, превышающие 10.000 рублей, и перечислить их на текущий счет комитета в Народный Банк.

Проведена была также большевиками национализация имений и домов, сопровождавшаяся распродажей, расхищением, порчею движимого имущества, инвентаря, запасов, прекращением работ и прежде всего захватом всех оборотных хозяйственных денежных сумм, находившихся на руках у владельцев или же лежавших на текущих счетах в Банке; результатами национализации явились полный упадок и полное расстройство культурного хозяйства с убытками, исчисляемыми сотнями тысяч рублей.

Наконец, перед бегством из Крыма, в последних числах апреля, большевики вооруженною силою похитили всю денежную наличность в сумме 12.000.000 рублей из кассы Ялтинского Отделения Государственного Банка.

Властвование коммунистического комитета привело и достаточное и не достаточное население южного берега Крыма к паническому бегству. Так как разрешение выезда было обусловлено представлением доказательств исполнения "гражданского долга перед советской властью", т. е. уплаты каких-либо сборов, то многие малоимущие жители Ялты вносили в комиссию по сбору контрибуции мелкие суммы в 5, 10–15 рублей, хотя к тому по своей несостоятельности и не были обязаны, лишь бы заручиться каким-либо удостоверением об исполнении повинности, скорее получить возможность выехать за пределы Крыма и вырваться из-под гнета Ялтинского коммунизма.

Прекратившиеся одно время расстрелы вновь возобновились ко времени приближения германцев. Так, в Ялте без

какого-либо разбирательства были схвачены два торговца татарина, Осман и Мустафа Велиевы, отвезены на автомобилях в Ливадию и там на шоссе убиты. Ограбленные трупы брошены в виноградники. У Османа Велиева оказалось несколько штыковых ран и была вырезана грудь, а у брата его, Мустафы, голова была раздроблена ударами приклада. Один из убийц, красноармеец Меркулов, на вопрос сестры убитых, где увезенные братья, ответил: "мы их убили, как собак".

Приближение немцев и украинских частей к Ялте от Симферополя вызвало надежды у населения Ялтинского побережья на скорое избавление от большевистского ига и, вместе с тем, толкнуло татарскую молодежь, сумевшую скрыть оружие, образовать отряд и выступить к Алуште наперерез уходившим красным частям. Отряд образовался слабый, всего в 100-120 бойцов; плохо организованный, он выступил преждевременно, украинцы и немцы были еще не близко, помощи не успели прислать и потому после первого же столкновения отряд рассеялся по горам. Выступление это оказалось роковым для татарского населения Гурзуфа, Алушты, Кизильташа и других мелких сопредельных поселков. Красноармейцы, сознавая, что дни их власти в Крыму сочтены, принялись с особенною злобою уничтожать имущество этих селений и убивать попадавших в их руки татар, не успевших скрыться вместе с молодежью в горах. Поселки поджигались и, когда хозяева прибегали из своих горных убежищ, чтобы попытаться спасти остатки последнего достояния, большевики устраивали засады и убивали несчастных погорельцев целыми партиями, заставляя затем кого-либо из оставшихся татар зарывать трупы, даруя за этот труд жизнь. Трем братьям Муратам в Алуште пришлось под угрозой винтовок зарыть 19 трупов своих соплеменников. В Гурзуфе было убито более 60 стариков-татар; трупы брошены не зарытыми на дорогах, улицах, виноградниках. Родственникам, решившимся разыскивать своих убитых близких, нередко приходилось прекращать поиски из-за угроз красноармейцев. Совершение погребений было опасным; не было пощады даже духовным лицам; в Гурзуфе и Никите были убиты во время погребального богослужения два муллы.

В сел. Казильташ, подожженном с нескольких сторон, были перебиты вернувшиеся из гор татары, преимущественно старики. Последние в числе 15 человек собрались у дома Аджешира с тем, чтобы попытаться упросить Гурзуфский совет солдатских и рабочих депутатов о прекращении дальнейших поджогов. Собравшиеся были окружены красными злодеями; четверо — Аджешир, Джемиль, Али-Усейн и Али-

Бекар были тут же сожжены в подожженном доме, а остальные, связанные попарно, были погнаны конными красноармейцами по шоссе и затем в поле перебиты, у всех убитых оказались отрезанными уши и нос.

После бегства большевиков из Крыма была образована Крымско-татарским парламентом следственная комиссия с участием двух юристов, которая в течение месяца произвела краткое обследование апрельских злодейств большевиков, совершенных на южном побережье Крыма. Протоколами этой следственной парламентской комиссии устанавливается, что в районе обследования за два, три дня апреля месяца убито мирных жителей более 200, уничтожено имущества, точно зарегистрированного на 2.928.000 рублей, общий же ущерб, причиненный большевиками татарскому населению Алушты, Казильташа, Дерекоя, Алупки и более мелких поселков, по приблизительному подсчету превышает 8.000.000 рублей. Тысячи жителей оказались нищими.

Управление Южного побережья Крыма во время влaствования там большевиков с конца января по апрель 1918 года сосредотачивалось в исполнительном комитете совета солдатских и рабочих депутатов, в военно-революционном комитете, штабе и следственной комиссии, причем мероприятия советских учреждений проводились в жизнь через комиссаров, заведывавших отделами: военным, внутренних дел, юстиции, финансов, домовым и квартирным, здравоохранительным, продовольственным и т. п. Комиссары входили в состав комитета. Управлятелями, заставившими население выстрадать тяжкое иго преступной советской власти, были: Булевский, Жадановский, Брискин, Слуцкий, Гуревский, Гуров, Сосновский, Озолин, Станайтис, Ткач, Гук, Григоров, Попов, Малыкин, Плотников, Григорович, Проценко, Биркенгоф, Бенбновский, Друскин, Сахаров, Тоненбойм, Захаров, Израильштенко, Слуцкий, Игнайтено, Гарште, Федосеев, Грабовский, Козлов, Тынчеров, Аконджанов, Алданов, Александров, Харченко, Пустовайтов, Альтшуллер, Драчук, Батюк, Ванька Хрипатый. Установить личности перечисленных правителей не удалось; известно, что почти все, если не все, получили лишь начальное образование не выше четырехклассного городского училища и состояли нижними чинами в армии и флоте.

Настоящий акт расследования основан на данных, добытых Особой Комиссией с соблюдением правил, изложенных в Уставе Уголовного Судопроизводства.

Подлинный за подписями Председателя
Особой Комиссии Мирowego Судьи
Г. Мейенгарда, Товарищей Председателя
и членов Особой Комиссии.

С подлинным верно: Секретарь Особой Комиссии.

АКТ РАССЛЕДОВАНИЯ злодеяний большевиков в станицах Гундоровской и Каменской Донецкого округа

В станице Гундоровской в течение 1918 и 1919 гг. большевистские крупные и мелкие разъезды были четыре раза: в прошлом году они побывали в станице первый раз три дня и второй раз один день; в 1919 году пребывание ограничивалось каждый раз несколькими часами. Несмотря на краткие сроки властвования большевиков, население станицы жестоко пострадало. Все четыре раза станица подвергалась грабежу, причем первый грабеж был повальным; грабили богатых и бедных, грабили деньги, серебро, скот, повозки, домашнюю утварь, все до спичек включительно; то, что не удавалось увезти, уничтожалось или ломалось, билось, разбивали зеркала, стекла, посуду, ломали самовары, мебель; что уцелело от первого погрома, то дограблялось при последующих трех налетах. Скот уводили с собой, а частью резали на месте. Характерна глубоко внедрившаяся в большевиков страсть к мучительству; они даже убиваемых животных подвергают напрасным мучениям, перед тем, чтобы убить корову, они вырезали ей язык, уши и вымя.

Подвергли ограблению и местную церковь, пострадавшую к тому же от большевистских снарядов, взломан был денежный ящик, взломаны все кружки, из них похищены все деньги, расхищены многие ценные священные предметы, не ограничиваясь корыстью, большевики глумились над святостью храма, курили в нем папиросы, пили вино и посрывали иконы. Свое презрение к иконам большевики проявили и в частных домах, где иконы искололи штыками, с некоторых срывали ценные ризы, а самые изображения святых выбросили на улицу.

В первый же свой приход в апреле 1918 года большевики сожгли дом ушедшего священника, станичное правление, кредитное товарищество, техническое училище и массу казачьих домов. Казалось, говорит свидетельница Горюнова, что

горит вся станица; на вопрос, зачем жгут дома, та же свидетельница получила от одного красноармейца ответ: "надо обозначить свой фронт", от другого – "жжем буржуев", какие же "буржуи" под соломенной крышей, допытывала Горюнова; "все равно всех кадетов надо пожечь", – ответил поджигатель. Сгорели многие усадьбы с хозяйственным инвентарем дотла, на местах пожарищ остались железо и пепел. Руководителем был "военный министр" Щаденко, портной из станицы Каменской.

В первый свой набег большевики увели с собой сотника Горикова и 28 казаков, всех отвели в Луганск и там расстреляли.

В последний в апреле 1919 года налет на Гудоровскую красноармейский разъезд убил старика Говорова, 70 лет, за то, что тот не мог указать, где находятся казаки; в тот же день разъезд, переодетый в добровольческую форму, спросил казака Борисова о расположении большевистских застав, обманутый формой Борисов дал требуемые указания, тогда красноармейцы вывели его из станицы к озеру и одетым бросили в воду. Борисов, будучи хорошим пловцом, сумел сбросить в воде валенки и верхнюю одежду и переплыл на другую сторону озера. Большевики дали по нему несколько выстрелов, причем ранили спасшегося казака не тяжело в спину. Скрылся Борисов в лесу; однако через несколько дней его выследили и убили.

Находящаяся вблизи Гундоровской станица Каменская была трижды в руках большевиков: с 10-го по 14 января и с 28 того же месяца до 10 апреля 1918 г. и с 19 апреля по 1 мая 1919 г. Первый кратковременный налет сопровождался только отдельными неорганизованными грабежами и так называемыми реквизициями хлеба и фуража. Следующее двухмесячное пребывание красноармейцев тяжело пережилось населением. Грабежи под видом обысков коснулись почти каждого дома; не довольствуясь результатами, местная большевистская власть наложила на станицу Каменскую 2.000.000 контрибуции. Крупная цифра контрибуции оправдывалась тем, что в Каменской образовался целый кабинет министров: министр финансов – Пантюшка Временко, бывший ученик высшего начального училища, министр народного просвещения – псаломщик Андрей Горобцов, министр юстиции – студент 1 курса Башкевич и министр внутренних дел и военный – Евфим Щаденко, судившийся, сколько припоминает один из свидетелей, за сбыт фальшивых монет.

Для понуждения к уплате контрибуции был произведен арест 42 жителей, в числе их священник отец Николай Семе-

нов, последний вскоре был освобожден по требованию населения, причем он все-таки заплатил 1200 рублей и только тогда ему было выдано удостоверение министром финансов, что "освобождается от всего". Из остальных арестованных 29 человек были отправлены в г. Луганск и там казнены. Трупы были брошены в каменоломни; казни производились со зверскою жестокостью, отрезали уши, нос, выкалывали глаза, отрубали отдельные члены. При раскопке каменоломни 22 тела изуродованных до крайности были опознаны родственниками. В самой станице Каменской 28 января были убиты ученик коммерческого училища Кросса, отставной полковник Климов, отставной полковник Зубов и его сын кадет 3 класса; тела убитых, исколотые штыками, у Зубова 10 штыковых ран в голову и масса ран на теле, были брошены в грязь на улице, и большевики нарочно проезжали по ним телегами. Спустя некоторое время красноармейские власти объявили, что убиты названные лица по ошибке.

Перед последним занятием Каменской большевики усиленно обстреливали церкви, объясняя это тем, что там находятся наблюдательные пункты противника, чего в действительности не было и о чем они были прекрасно осведомлены. Во время литургии в Христо-Рождественскую церковь попал снаряд, которым убило 6 молящихся и 20 было ранено. Шрапнельные пули пронизали святые иконы иконостаса.

Вступившие в станицу в 1919 году и затем сменившиеся регулярными войсками большевиков были дисциплинированы и не выходили за пределы реквизиций бесплатных хлеба и фуража, но за каждой частью следовала так называемая "коммунистическая ячейка", привозившая массу большевистской литературы и состоявшая из элементов самого низменного уровня умственного и нравственного, во главе такой ячейки состоял какой-то малограмотный хохол, с трудом переписывавший получаемые распоряжения. Эти-то "ячейки коммунизма" приступили к повальному грабежу и разрушению, пять станичных церквей были разграблены и осквернены, разгромлены народная читальня, народная библиотека, архивы. Особенно глумлению подвергались народные верования, в домах срывались и выбрасывались иконы, в одном доме коммунист снял лампадку от иконы, испражнился в нее и повесил опять перед иконою. Двух священников держали под арестом, издеваясь над ними и подвергая побоям. В церквях кощунники бросали на пол иконы, церковные свечи расхищали, ризы-облачения разрывали на куски, из кусков шили себе кисеты, покровы с престола срывали, выбрасывали плащаницы, евангелия, антиминсы, уносили

священные, дорогие предметы. Похитив облачения, безбожники оделись в них, вывернув наизнанку, взяли кадило, наполнили табаком, зажгли и стали кощунственно изображать богослужение. Празднуя 1 мая, коммунисты оборвали бахрому и кисти у церковных хоругвей, чтобы украсить ими свои флаги. Руководителем был начальник красной армии Романовский; он собственноручно в церкви Реального училища сорвал завесу с царских врат, изодрал покров престола в алтаре, швырнул на пол Евангелие и антиминс. Кошунник Романовский на другой же день после злодеяния заболел тифом и через 6 дней умер; смерть эта произвела на население глубокое впечатление – Божьей кары.

За несколько дней до оставления в мае текущего года Каменской станицы красные арестовали около 40 человек, в том числе несколько женщин в качестве заложников, и отправили в станицу Глубокую, где собралось таких же заложников 115 и все помещены были в один тесный, сырой амбар; арестованные подвергались голодовке, оскорблениям, побоям, отправлялись на тяжелые работы. Некоторых ночью выводили и расстреливали. В тесно набитом заключенными амбаре половина была тифозная, большинство умирало, не имея никакой помощи, трупы умерших по суткам и более оставались не вынесенными. Женщина крепкая, здоровая Клавдия Попова из состоятельной семьи, не выдержала, кончила самоубийством, бросившись в колодезь. До момента расследования из 40 арестованных каменчан вернулось только двое, судьба остальных неизвестна.

На этапе Каменская – Глубокая при переправе через Донец начальник военно-революционного трибунала зарубил замешавшегося старика Григория Илларионова, кроме него были убиты отставшие, совершенно больные два молодых казака. Все вышеизложенное основано на данных, добытых Особой Комиссией в порядке, установленном Уставом Уголовного Судопроизводства.

Составлено 21 июня 1919 г. в г. Екатеринодаре.

АКТ РАССЛЕДОВАНИЯ

о злодеяниях большевиков, совершенных
в 1918 и 1919 годах в Святогорском Успенском
монастыре Изюмского уезда Харьковской губ.

Нормальная жизнь в Святогорском Успенском монастыре, известном не только в Харьковской губ., но и по всей Рос-

сии, была нарушена в 1918 году; в начале января Велико-Камышевахский земельный комитет Изюмского уезда, так же как и Богородичанский и Славянский комитеты, взяли на учет имущество монастыря, имеющего в различных местах свои отделения (скиты) с хозяйством и различными мастерскими. Взяв на учет монастырское имущество, комитеты начали немедленно ликвидировать его в свою пользу, а Велико-Камышевахский беспощадно рубил лес. Таким образом вывезен был весь запас хлеба, а скот распродан. От пользования землей монастырская братия была устранена. Монахи, составляющие рабочую силу, подверглись принудительному выселению и из 600 человек осталось от 200 до 300 из числа священнослужителей, стариков и часть монахов, укрывшихся в самом монастыре. Убытки обители, по самому скромному расчету, простираются до 250 тысяч.

Такое положение не спасло монастыря от дальнейших нападков. С февраля начинаются многочисленные обыски, всякий раз сопровождаемые грабежом. Уже 15 февраля в монастырь врывается вооруженная шайка человек в 15, как говорили местные крестьяне, преимущественно из Изюмских милиционеров, требует контрибуцию в 15 тысяч руб., и, обходя кельи, отбирает все, что им нравится. Контрибуции получить на этот раз грабителям не удалось.

26 марта вновь появилась партия большевиков. Под предлогом отыскания орудия большевики направились в пещерные храмы, где вели себя кощунственно, входя в храмы в шапках, куря папиросы, переворачивая престолы и сквернословя. К этому же времени относится конфискация церковной утвари, эвакуированной в монастырь из церквей Волынской и Виленской епархий. Отобрание этих предметов, по показаниям свидетелей, производилось необыкновенно грубо. Священные предметы с ругательством втискивались в ящики, из Дароносицы были выброшены Св. Дары и растоптаны тут же. После обыска большевики направились к настоятелю, потребовали церковное вино и тут же его выпили. Уходя, они захватили с собой монастырскую лошадь.

К началу апреля относится зверское убийство монаха Ипатия, вышедшего за монастырские стены. По-видимому, он был ограблен и зарублен шашками бродячими большевистскими шайками.

В июне в скит при деревне Горожовке явились вооруженные грабители (от 5 до 8 человек) и потребовали от эконома скита монаха Онуфрия выдачи денег, вырученных от продажи монастырского имущества. Эконом заявил, что денег у него нет. Его вывели за ограду и тут же у ворот рас-

стреляли. Другой монах, по имени Израиль, убит при попытке к бегству.

Ослабевший несколько во времена гетманства бандитизм поддерживался, однако, все время бродившими в окрестностях шайками большевиков, носившими в народе прозвище "лесовиков". К этому времени относится убийство нескольких лиц из духовенства Святогорской обители. В октябре 1918 г. из села в село переносилась особо чтимая в местности икона Святогорской Божией Матери. Крестный ход остановился на ночлег в с. Байрачек. Здесь на помещение, занимавшееся духовенством, напала разбойничья шайка, взломала двери и выстрелами убила иеромонахов Модеста и Иринарха, иеродиакона Федота, проживавшего в том же доме, псаломщика местной церкви, хозяина дома и его дочь. Пять трупов лежало у подножья иконы, стоявшей в луже крови. Денег у монахов не оказалось. Но не один мотив грабежа руководил разбойниками, судя по словам одного из них во время убийства: "Вы молитесь, чтобы Бог наказал большевиков".

При уходе немцев деятельность большевиков немедленно оживилась. Уже 1 декабря нового стиля явилась шайка вооруженных людей с требованием выдачи оружия, имевшегося для самообороны монастыря. Оружие было выдано. Тогда ожидавшая результатов переговоров банда человек около 100 ворвалась в монастырь и приступила к грабежу монастырского и братского имущества. Из монастырской кассы похитили 7 тысяч рублей, у монахов отнимали одежду, обувь, белье, часы и проч., и все награбленное увезли на монастырских же шести лошадях, захватив при этом еще два экипажа.

Дни 2 и 3 января 1919 года были самыми тяжелыми для Святогорского монастыря и вместе с тем днями самого напряженного кощунства и издевательства над православной религией и насилия над священнослужителями и монахами обители. 2 января около 3 1/2 часов дня на 16 подводах приехали к монастырю красноармейцы числом до 60 человек. На груди и винтовках у них были красные ленты. С гиканием ворвались они через ворота гостиницы и, обругав площадной бранью заведующего гостиницей монаха, избили его прикладом и рассеялись по корпусам монастыря. Начался грабеж с самыми невероятными издевательствами. В это время шло богослужение в Покровской церкви. Несколько красноармейцев ворвались в храм в шапках, громко требуя настоятеля и выдачи ключей от монастырских хранилищ. Было предъявлено требование о выдаче 4 миллионов контри-

буции и отнято около 4 тысяч денег, бывших в монастырской кассе. Красноармейцы разбили на мелкие партии с целью повального обыска и грабежа монастырских помещений. У настоятеля монастыря архимандрита Трифона разбросали всю обстановку и вещи, с бранью и угрозами оружием требуя денег. Обыски, грабежи и издевательства шли одновременно во всех кельях. У монахов отнималось их имущество до последней рубашки и сапог включительно. Разламывались и бросались на пол иконы, монахи принуждались курить и танцевать в коридорах, от одного из них (монах Иосиф) под угрозой расстрела требовали, чтобы он ругал Господа и Божью Матерь, а после отказа заставили курить, побоями принуждая затягиваться поглубже. Избитая, ограбленная и поруганная братия стала собираться во главе с архимандритом в храме для богослужения. Но и туда все время врывались красноармейские банды, в шапках и со свечами в руках, осматривая ноги молящихся и отнимая казавшиеся им годными сапоги. Около 2 часов ночи, когда, казалось, наступило некоторое затишье, приступлено было к совершению литургии. Литургию служил архимандрит соборне с другим духовенством. Во время ектеньи в храм ворвалась партия красноармейцев. Один из них вбежал на амвон и с криком "довольно вам молиться, целую ночь топчетесь, долой из церкви" повернул назад за плечи провозглашавшего ектенью иеродиакона. По усиленным просьбам архимандрита и братии дано было позволение окончить литургию. Но красноармейцы не покинули храма. Во время пения Херувимской песни они входили в шапках и с папиросами в зубах в алтарь, подходили к престолу и продолжали осмотр сапог молящихся. Братия, ожидая дальнейших страданий и даже смерти, причастилась св. Тайн. К концу обедни в храм ворвалась новая банда красноармейцев. Один из банды, держа в руках ножницы, крикнул: "стой, ни с места, подходи по очереди, буду стричь всех", и немедленно отрезал волосы одному из монахов. Монахи пытались бежать. Другой красноармеец вбежал в алтарь, открыл царские двери и, стоя в них, закричал: "не выходи, стрелять буду". Одновременно красноармейцами производились грабежи, кощунства и издевательства во всех помещениях монастыря. В квартире архимандрита красноармейцы спали, укрываясь епитрахилью, в помещении казначея искололи портреты иерархов русской церкви. Издевательства и насилия продолжались всюду. Нескольким монахам остригли волосы и бороды, побоями заставляли плясать, курить и даже пить чернила. Утром, когда вновь началась обедня, красноармейцы не допустили бого-

служения. Ворвавшаяся шайка набросилась на священнослужителей и стала вытаскивать их в ризах из храма, но, уступая просьбам священников, позволила им разоблачиться. Затем все во главе с архимандритом были выведены из храма. С архимандрита сняли сапоги, дав ему какие-то опорки, и несмотря на мороз, выстроили всех в ряды перед храмом. Началось сопровождаемое побоями и непристойной бранью издевательское обучение монахов маршировке и военным приемам. В это время в соседнем храме кощунствовала другая шайка красноармейцев. Один из них, надев ризу и митру, сел на престол и перелистывал евангелие, а другие, тоже в ризах, кощунственно представляли богослужение, то открывая, то закрывая царские двери на потеху своим единомышленникам. Храм был осквернен испражнениями у свечного ящика. Камни и образки с митр и икон – все было похищено. Все награбленное было вывезено из монастыря на 38 подводах. В это же время были ограблены поголовно все монахи "больничного хутора", расположенного рядом с монастырем.

Во время управления большевиков по распоряжению Изюмского исполкома на Богородичанскую волость была наложена контрибуция в размере 80 или 85 тысяч. Богородичанский исполком потребовал в счет этой контрибуции 50 тысяч с монастыря. Братия собрала для уплаты этой контрибуции 10 тысяч рублей, а 5 тысяч было уплачено из монастырских сумм.

В монастырь весной 1919 года была прислана из Петрограда колония детей разного возраста, до 18-летнего включительно, и расположена в двух монастырских корпусах. Колонией численностью до 350 человек заведует коммунист Полторацкий, ведя воспитание в соответствующем коммунизму духе. Все иконы из занятых корпусов удалены, посещение церкви запрещено.

Во время отступления своего в конце мая настоящего года большевики еще раз посетили Святогорский монастырь. Сначала явился какой-то военный и, называя себя генералом Шкуро, требовал указать ему настоятеля, а затем вошла партия, потребовавшая 50 тысяч контрибуции. При этом заставляли иеромонаха Иоанна класть голову под удары шашки. Иеромонах отделался тем, что отдал насильникам бывшие при нем 40 руб. и получил два удара нагайкой.

При отступлении большевики обрезали волосы на голове и бороде иеромонаха Нестора и Вонифатия, в поле убили монаха Тимолая и рубили оставшегося в живых с отрубленными пальцами послушника Моисея.

Настоящий акт расследования основан на фактах, добытых Особой Комиссией с соблюдением правил, изложенных в Уставе Уголовного Судопроизводства.

Составлен 17 июля 1919 года, г. Екатеринодар.

Глумление большевиков над телом убитого генерала Корнилова

СПРАВКА ОСОБОЙ КОМИССИИ по расследованию злодеяний большевиков, состоящей при Главнокомандующем вооруженными силами на Юге России

31 марта 1918 года под гор. Екатеринодаром, занятом большевиками, был убит Командующий Добровольческой Армией, народный герой Генерал Корнилов.

Тело его было отвезено за 40 верст от города в колонию Гнадау, где оно и было 2 апреля предано земле, одновременно с телом убитого Полковника Неженцева.

В тот же день Добровольческая Армия оставила колонию Гнадау, а уже на следующее утро, 3 апреля, появились большевики в предшестве разъездов Темрюкского полка.

Большевики первым делом бросились искать якобы "зарытые кадетами кассы и драгоценности". При этих розысках они натолкнулись на свежие могилы. Оба трупа были выкопаны, и тут же большевики, увидав на одном из трупов погоны полного генерала, решили, что это генерал Корнилов. Общей уверенности не могла поколебать замедлившаяся по нездоровью в Гнадау сестра милосердия Добровольческой Армии, которая по предъявлении ей большевиками трупа для опознания, хотя и признала в нем генерала Корнилова, но стала их уверять, что это не он. Труп подполковника Неженцева был обратно зарыт в могилу, а тело генерала Корнилова, в одной рубашке, покрытое брезентом, повезли в Екатеринодар на повозке колониста Давида Фрука.

В городе повозка эта выехала во двор гостиницы Губкина, на Соборной площади, где проживали главы советской власти Сорокин, Золотарев, Чистов, Чуприн и другие. Двор был переполнен красноармейцами; воздух оглашался отборной бранью – ругали покойного. Отдельные увещания из толпы не тревожить умершего человека, ставшего уже

безвредным, — не помогали; настроение большевистской толпы повышалось. Через некоторое время красноармейцы вывели на своих руках повозку на улицу. С повозки тело было сброшено на панель.

Один из представителей советской власти Золотарев появился пьяный на балконе и, едва держась на ногах, стал хвастаться перед толпой, что это его отряд привез тело Корнилова, но в то же время Сорокин оспаривал у Золотарева честь привоза Корнилова, утверждая, что труп привезен не отрядом Золотарева, а Темрюкцами. Появились фотографии и с покойника были сделаны снимки, после чего тут же проявленные карточки стали бойко ходить по рукам. С трупа была сорвана последняя рубашка, которая рвалась на части и обрывки разбрасывались кругом. "Тащи на балкон, покажи с балкона", кричали в толпе, но тут же слышались возгласы: "не надо на балкон, зачем пачкать балкон. Повесить на дереве". Несколько человек оказались уже на дереве и стали поднимать труп. "Тетя, да он совсем голый", с ужасом заметил какой-то мальчик, стоящий рядом с ним женщине. Но тут же веревка оборвалась, и тело упало на мостовую. Толпа все прибывала, волновалась и шумела. С балкона был отдан приказ замолчать, и когда гул голосов стих, то какой-то находившийся на балконе представитель советской власти стал доказывать, что привезенный труп без сомнения принадлежит Корнилову, у которого был один золотой зуб. "Посмотрите и увидите", — приглашал он сомневающихся. Кроме того, он указывал на то, что на покойнике в гробу были генеральские погоны и что в могиле, прежде чем дойти до трупа, обнаружили много цветов, "а так простых солдат не хоронят", — заключил он. И действительно, приходится считать вполне установленным, что все это безгранично дикое глумление производилось над трупом именно генерала Корнилова, который был тут же опознан лицами, его знавшими.

Глумление это на Соборной площади перед гостиницей Губкина продолжалось бесконечно долго.

После речи с балкона стали кричать, что труп надо разорвать на клочки. Толпа задвигалась, но в это время с балкона послышался грозный окрик: "стой — буду стрелять из пулемета", и толпа отхлынула.

Не менее двух часов тешился народ. Наконец, отдан был приказ увезти труп за город и сжечь его. Вновь тронулась вперед та же повозка с той же печальной поклажей. За повозкой двинулась огромная шумная толпа, опьяненная диким зрелищем и озверевшая. Труп был уже неузнаваем: он представлял из себя бесформенную массу, обезображенную уда-

рами шашек, бросаньем на землю и пр. Но этого все еще было мало: дорогой глумление продолжалось – к трупам подбегали отдельные лица из толпы, вскакивали на повозку, наносили удары шашкой, бросали камнями и землей, плевали в лицо. При этом воздух оглашался грубой бранью и пением хулиганских песен. Наконец, тело было привезено на городские бойни, где его сняли с повозки и, обложив соломой, стали жечь в присутствии высших представителей большевистской власти. Языки пламени охватили со всех сторон обезображенный труп; подбежали солдаты и стали штыками колоть тело в живот, потом подложили еще соломы и опять жгли. В один день не удалось окончить этой работы: на следующий день продолжали жечь жалкие останки; жгли и растаптывали ногами.

Имеются сведения, что один из большевиков, рубивших труп генерала Корнилова, заразился трупным ядом и умер.

Через несколько дней по городу двигалась какая-то шутовская процессия ряженных; ее сопровождала толпа народа. Это должно было изображать похороны Корнилова. Останавливаясь у подъездов, ряженные звонили и требовали денег "на помин души Корнилова".

5 апреля в Екатеринодарских "Известиях", на видном месте, была помещена заметка, начинавшаяся следующими словами: "16 апреля, в 12 часов дня, отряд т. Сорокина доставил в Екатеринодар из ст. Елизаветинской труп героя и вдохновителя контрреволюции ген. Корнилова", далее в заметке говорилось: "После сфотографирования труп Корнилова был отправлен за город, где и был предан сожжению".

Когда 6 августа 1918 года представители Добровольческой Армии прибыли из Екатеринодара в колонию Гнадау для поднятия останков генерала Корнилова и подполковника Неженцева, то могила Корнилова оказалась пустой, нашелся в ней один только небольшой кусок соснового гроба.

Председатель Особой Комиссии
по расследованию злодеяний большевиков,
состоящей при Главнокомандующем
вооруженными силами на Юге России
Г. Мейенгард

Михаил НАЗАРОВ

Эмиграция и война*

I.

Известно, что во Второй мировой войне эмигранты участвовали на разных воюющих сторонах. Причины тому были мировоззренческие, политические, географические. Они будут понятнее, если военную ситуацию рассмотреть в трех стадиях: назревание войны, военные действия Германии в Западной Европе, период после нападения на СССР.

Мировоззренческие разногласия как причина разного выбора проявились прежде других. Они видны уже в отношении к гражданской войне 30-х годов в Испании. Белые офицеры называли войска национального генерала Франко тоже "белыми" и даже сформировали у него русский добровольческий отряд (редактор "Часового" В. В. Орехов ездил к ним корреспондентом). Они рассматривали эту войну не только как испанскую, но и как войну против Коминтерна, и, как пишет участник, "при первой же возможности взялись за ружья, чтобы не на словах, а на деле бороться с врагами нашей Родины". Правда, русских у Франко было не так много: 72 человека. Из них 34 было убито и девять ранено; большинство из них получили отличия за храбрость (высших испанских наград были посмертно удостоены ген. А. В. Фок и капитан Я. Т. Полу-

* Главы из книги "Миссия русской эмиграции" (готовится к печати в московском издательстве "Столица").

хин)¹. По аналогичным мотивам группа Национально-Трудового Союза Нового Поколения (НТСНП) в 1937 г. уничтожила в парижском аэропорту Ле Бурже эскадрилью боевых самолетов, предназначавшихся для красных интербригад в Испании².

С другой стороны, даже Г. Федотов (христианский социал-демократ) восхищался в эти годы красной "испанской героиней": "Я с Пассионарией, потому что я с демократией"³ (напечатано в журнале Керенского, фланг которого занял эту позицию). И если Франко был поддержан германской коалицией, то западным демократиям (особенно прессе) испанские "красные" тоже оказались ближе: при официальном "нейтралитете" Франции оттуда на помощь интербригадам шли десятки миллионов франков и тысячи добровольцев. (Тогда как белые офицеры могли пробираться через Пиренеи только нелегально, рискуя арестом - что однажды вызвало политический скандал; можно себе представить последствия, если бы французы узнали, кто взорвал самолеты в Ле Бурже...)

Подобные разногласия проявились у части эмиграции и во Второй мировой войне. Как писал демократ-центрист В. Варшавский: "Легко составить реестр доводов, при помощи которых каждый объяснял сделанный им выбор. Но большей частью эти доводы разума задним числом подгонялись для обоснования уже принятого сердцем решения". Одни надеялись, что гитлеровская коалиция отстаивает традиционные консервативные ценности, "защищает добро" - священное национальное начало - против погубивших Россию и правящих Англией и Францией темных сил интернационального иудео-масонства. И также те, кто выбрал лагерь демократии, сделали это не в итоге взвешивания "за" и "против", а без всяких доводов, даже вопреки доводам. ...если бы даже разговоры об английском империализме были справедливы, мир демократий, несмотря на все его недостатки, все-таки по сравнению с тоталитарным - добрый человеческий мир, который во что бы то ни стало надо отстаивать"⁴.

То есть мировоззренческие причины расхождений в русской эмиграции были те же, что и у всей Европы, где ценность традиции и ценность свободы оказались трагически разделены самой эпохой. Вот как это описывал в марте 1939 г. секретарь Исполнительного бюро НТСНП М. Георгиевский:

"...два лагеря противостоят во всеоружии друг другу и готовятся к борьбе. Их разделяют не только экономические счеты, но и идейное расхождение. Миру предстоит борьба двух мировоззрений. Будущая война будет своего рода "религиозной" войной. Этот именно "психологический фактор" может только ускорить столкновение. Еврейство и "демократия" пылают лютой ненавистью к "фашизму". Им отвечает презрение и ненависть противного лагеря"⁵.

С началом военных действий для большинства эмиграции выбор состоял лишь в том, уезжать из оккупируемых Германией стран или не уезжать. Многие перебрались за океан - например, Г. П. Федотов, В. В. Набоков, А. Ф. Керенский, М. В. Вишняк, М. А. Алданов. Разумеется, евреи уже после прихода Гитлера к власти начали исход из Германии и затем из других стран Европы. Не все, однако, считали нужным "смотреть на национал-национализм еврейскими глазами" (выражение И. А. Ильина), предпочитая оставаться на своих местах, даже под немецкой оккупацией. И многим из них, тому же Ильину, предстояло вскоре и "русскими глазами" увидеть, на что способны нацисты (ему были запрещены чтения лекций, грозил арест, и уже в 1938 г. он был вынужден переехать из Берлина в Цюрих...).

Некоторые представители либерально-демократического фланга сделали более активный выбор - пошли во французскую армию, как, например, Г. Адамович и В. Варшавский, приводящий много имен в своей книге "Незамеченное поколение": "Мелькают слова: убит, скончался от ран, расстрелян немцами, добит штыками, посмертно награжден Военной Медалью, Военным Крестом с пальмами,

доброволец, партизан, волонтер, перешел к генералу де Голлю, погиб в Резистансе, убит в рядах Свободной Франции..."⁶. Из 3000 русских, воевавших во французской армии, погибло 450. Могилы русских эмигрантов, павших в рядах антигитлеровской коалиции, разбросаны по всем фронтам и театрам военных действий... В их судьбах символика "умершего зерна" приобретает самый прямой смысл (правда, далеко не все они были добровольцами: русская молодежь во Франции подлежала призыву).

Во французском Резистансе (Сопротивлении) в той или иной степени участвовало, по оценке В. Варшавского, несколько сот русских: В. Л. Андреев, В. П. Бурышкин, В. И. Гессен, Д. М. Кнут с женой (дочерью композитора Скрябина), В. Л. Корвин-Пиотровский, С. Носович и др. Важную роль сыграла кн. В. Оболенская (расстреляна). Само слово "Сопротивление" пошло от одноименного журнала, издававшегося русскими эмигрантами - расстрелянными за это Б. Вильде и А. Левицким. За помощь преследуемым погибли в концлагерях мать Мария (Е. Скобцова), ее сын Юрий, о. Дмитрий Клепинин, И. Бунаков-Фондаминский...

Героизм русской эмиграции, проявленный ею во Франции в гораздо большей мере, чем это было заметно у самих французов, Варшавский объясняет тем, что эмигранты хотели показать, "чего они, русские, стоят". Но, вероятно, здесь сказался и географический фактор: во Франции, отдаленной от России, эти русские люди не особенно задумывались над другими возможностями; гитлеровские оккупанты были конкретным злом, которому надо было противостоять. Поэтому в Сопротивлении участвовали и члены французской группы НТСНП (В. Нерсисян награжден французским орденом).

Однако для правого фланга эмиграции выбор в начавшейся Мировой войне был труднее, чем в испанской. Ибо с одной стороны, здесь уже был не Коминтерн, а законные демократии; с другой же стороны, Гитлер не заслуживал сравнения с Франко. Поэтому приведенная выше цитата В. Варшавского о симпатиях к гитлеровской коалиции не

совсем точна: до нападения Германии на СССР подавляющее большинство правой эмиграции соблюдало нейтралитет. Как писал председатель НТСНП В. Байдалаков в октябре 1939 г.:

"В европейской военной схватке ни одна из воюющих сторон не показала себя еще искренним другом и деятельным союзником русского народа и подлинных национальных российских интересов.

Мы, зарубежники, честно и лояльно выполним свой долг перед странами, нас приютившими. Но душой и всеми помыслами своими мы пока будем придерживаться строгого и бескомпромиссного нейтралитета, ибо борьба идет еще не за Россию"⁷.

Этой же позиции придерживался Русский Обще-Воинский Союз (РОВС). Редактор "Часового" В. В. Орехов писал в декабре 1939 г.: "...политическая эмиграция не имеет никакого права вмешиваться в настоящий европейский конфликт до тех пор, пока одна из сторон не объявит о том, что в числе целей войны есть и борьба с узурпировавшими русскую власть большевиками"⁸. А когда демократическая эмигрантская общественность требовала от начальника 1-го (французского) отдела РОВСа ген. В. К. Витковского "чуть ли не массовой мобилизации русского офицерства во французскую армию, он с твердостью и достоинством отвечал, что русская кровь может быть пролита только за русское дело"⁹.

Редактор "Часового" еще до начала войны возражал в этой связи представителю русской колонии в Тунисе, который "клялся, что все русские положат свои головы за Францию": "Нет, господа, пора нам делать нашу *русскую* политику и, сохраняя признательность и уважение к странам, нас приютившим, с достоинством вести работу и борьбу *только за Россию* и во имя России". Причем уже тогда для РОВСа вырисовывались два возможных варианта: "Если эта борьба будет вестись под флагом освобождения России, участвовать в ней в составе вооруженных сил. Если будет борьба против большевиков, но *не за русское*

единство, постараться вложиться в эту борьбу на русской территории и помогать тем русским силам, которые неизбежно пробудятся”¹⁰.

Позиция НТСНП в вопросе ”что делать?” отличалась от РОВСа тем, что будучи организацией невоенной, новопоколенцы видели для себя только второй вариант. Еще до начала войны в циркуляре Исполнительного бюро НТСНП от 24 марта 1938 г. предусматривалось: ”В случае внутренних крупных потрясений на родине, как и в случае внешнего открытого конфликта, Союз использует открывающиеся возможности для установления единства с нашим народом в его борьбе. Пути вклинения наших кадров в решающий момент - будут. Группам членов Союза должно заботиться о своей годности и готовности”¹¹.

Борьба за Россию началась после нападения Германии на Советский Союз; здесь-то и пролегло главное разделение в политической эмиграции: кого считать меньшим злом для России - коммунистического тирана Сталина, призвавшего ”братьев и сестер” на защиту им же опустошенной русской земли, или национал-социалиста Гитлера, объявившего освободительный поход против коммунистов?

Ответ на этот сложный нравственный вопрос зависел от личных оценок целого ряда факторов: целей Гитлера, террора Сталина, возможности эволюции большевиков, антикоммунистического потенциала в народе. Играло важную роль местопребывание эмигрантов и возможности тех или иных конкретных действий. Вариантов решения здесь было больше. Именно поэтому столь причудливо пролегла граница между оборончеством и пораженчеством, не всегда совпадая с принадлежностью к тому или иному флангу эмиграции. Перевес доводов часто был небольшим, меняясь в ходе войны...

Поскольку леволиберальный фланг и раньше относился к большевикам мягче, а теперь демократии стали союзниками Сталина - естественно, что оборончество было наиболее распространено на этом фланге. Даже более близкий к центру ”Новый журнал” (преемник ”Современных запи-

сок", основанный в 1942 г. в Америке уехавшим туда М. О. Цетлиным) открылся редакционным заявлением: "Кто бы ни руководил русской армией в ее героической борьбе, мы всей душой желаем России полной победы". "Мы никак не призываем к насильственному свержению советской власти, зная, что такое во время войны перемена государственного строя"¹². В этом же номере Керенский призывает к другому: "...одно ясно: тоталитарная большевистская диктатура уже в прошлом... Поставим все вместе над вчерашним днем крест"¹³ (написано 14 декабря 1941 г.). А оставшийся в неоккупированной зоне Франции П. Милюков в статье "Правда о большевизме" (1942 г.) присоединился к черно-белому лозунгу: "Вы не за Сталина? - Значит, вы за Гитлера"¹⁴.

Оборончество у некоторых деятелей правых взглядов (таких, как евразиец П. Н. Савицкий, лидер "Крестьянской России" С. С. Маслов, философ Н. Бердяев, ген. Деникин) - имело, пожалуй, другие причины. Оно распространилось, когда Гитлер показал свое антирусское лицо, а Сталин сделал ставку на русский патриотизм. Это вызвало всплеск надежд на то, что сталинский режим меняется в национальную сторону. Подобные нотки можно найти и у Бунина. Но когда после войны ошибка стала очевидна, многие из таких "оборонцев", те же Деникин и Бунин, вернулись к антикоммунистическим позициям.

Подлинных "пораженцев" (сравнимых с позицией интернационалиста Ленина в Первой мировой войне) в русской эмиграции в 1940-е годы не было. Возникший вариант "пораженчества" питался патриотизмом - только более активным: использовать создавшуюся ситуацию для освобождения родины от антинационального преступного режима. Гитлеризм к началу войны еще не проявил своего звериного лика, германское общество было неоднородно, немцы проводили интересные социальные реформы, раздавали антикоммунистические обещания - это питало надежду на тот самый "крестовый поход" Европы против коммунизма, к которому призывал Бунин в 1924 г. Эти надеж-

ды тоже встречались в разных кругах: вторжение Германии в СССР приветствовали архимандрит Иоанн Шаховской (будущий архиепископ Сан-Францисский, тогда он принадлежал к либеральной Парижской юрисдикции: "Кровавая операция свержения Третьего Интернационала поручается искусному, опытному в науке своей германскому хирургу"¹⁵) и митр. Серафим Лукьянов (иерарх консервативной Зарубежной Церкви в Париже, ставший после войны епископом Московской патриархии).

Антирусские места в "Майн кампф" были известны немногим или не принимались всерьез: эта книга была написана в начале 20-х годов тогда еще мало известным авантюристом, и можно было надеяться на поумнение их автора на посту главы государства. К тому же русофобии в 1939-1940 годах (после заключения пакта Молотова-Риббентропа) хватало и со стороны демократий. "Часовой" писал, что "говоря о германо-советском военном союзе, часть прессы находит возможным оскорблять Россию, ...отождествляя ее с большевиками", и "те самые, которые в период пресловутых переговоров с большевиками, захлебываясь писали о "демократизме" и "культурности" советского правительства, теперь говорят о русских "азиатских ордах"¹⁶. К тому же правая эмиграция еще не забыла предательство Антантой союзницы-России и ее белых армий; теперь к этому добавился союз демократий со Сталиным...

После всего сказанного понятно, что правый фланг эмиграции считал бóльшей опасностью для России Сталина, а левый - Гитлера. Учет и географический фактор: значительная часть правой эмиграции находилась в Германии и восточноевропейских странах, прилегавших к России. В этой части Европы была другая раскладка сил, другие возможности и другой выбор. Поэтому участие русских в "Сопротивлении" на территории Германии было исключением (за участие в антигитлеровской группе "Белая роза" был казнен член мюнхенского прихода Зарубежной Церкви А. Шморель). Многие русские эмигранты в этих

странах сочли меньшим злом немцев даже не столько потому, что поверили в объявленный Гитлером "крестовый поход", сколько потому, что надеялись сами превратить войну в такой поход - при его поддержке населением России.

Основания для этих надежд были: в первые месяцы войны советские солдаты не очень стремились умирать за сталинский режим (почти 4 миллиона сдались в плен), а народ, помня немцев по прежней войне, встречал "освободителей" хлебом-солью. После двух десятилетий террора настроения в СССР были такие, что если бы были созданы независимое Российское правительство и освободительная армия - им не потребовалось бы боев с советскими войсками: достаточно было бы одного морального воздействия. На это и надеялась эмиграция, в том числе РОВС, два десятилетия лелеявший мечту о "весеннем походе".

Незадолго до нападения Германии на СССР начальник 2-го (германского) отдела РОВСа генерал фон Лампе предложил немецкому главнокомандующему фон Браухичу сотрудничество в борьбе против коммунистов. Ответа не последовало, но на аналогичное письмо в первые недели войны фон Браухич ответил, что "в войне Германии против Советского Союза привлечения русской эмиграции не предвидится. После такого ответа генерал Лампе к своему приказу по Второму отделу РОВС приложил упомянутую переписку, прибавив, что каждый член РОВСа волен действовать самостоятельно, но должен поддерживать при этом связь"¹⁷. Русские офицеры стали вступать в немецкую армию в надежде на формирование русских добровольческих частей.

Возможности, открывавшиеся на Востоке, привлекли членов РОВСа из разных стран. Во Франции отдел РОВСа "зарегистрировал более полутора тысяч офицеров, изъявивших желание безоговорочно участвовать в борьбе против большевизма... Сперва было направлено около двухсот эмигрантов. Эти офицеры получили придуманную для них форму. На фронте были довольны ими. Многие из

них были награждены знаками отличия за храбрость. Были убитые и раненые. Я беседовал с эмигрантами-добровольцами, пережил их первоначальное воодушевление, а позже их разочарование и горечь..."¹⁸, - писал участник с немецкой стороны (уже в 1942 г. большинство этих эмигрантов были удалены из немецкой армии, так как они "объединялись с населением").

В Югославии "кроме небольшой группы людей, группировавшихся около белградского представительства Земгора и его возглавителя полковника Махина, впоследствии ставшего военным советником в партизанском отряде Тито, подавляющая масса русской эмиграции имела правое политическое лицо и питала надежду, что поражение большевизма вызовет национальный подъем в России", - сообщает другой автор. Для похода в Россию члены 4-го (югославского) отдела РОВСа создали в Белграде "Русский корпус" (в него вошли также русские эмигранты из Болгарии, Греции и Румынии). "При его формировании германское командование дало обязательство ни при каких обстоятельствах не употреблять Корпус против союзников России по 1-й мировой войне, а лишь исключительно против коммунистов. Это обязательство было выполнено"¹⁹: корпус боролся в основном с партизанами Тито (но похода в Россию немцы не допустили).

На этих примерах в очередной раз видно, что руководители РОВСа были прежде всего военными, а не политиками. Поэтому РОВС как самостоятельная политическая сила в годы войны себя не проявил, хотя его члены активно участвовали в военных событиях и многие отдали свои жизни - за то, как они понимали свой долг и свои возможности в создавшейся ситуации. Лишь постепенно русские военные, присоединившиеся к немецкому "крестовому походу", по мере накопления горечи от антирусской политики Гитлера, включались в политическое движение пробуждающихся русских сил.

Позиция НТСНП менялась обратным образом: с самого начала он пытался отстроить русскую политическую силу

"против Сталина и Гитлера", и лишь позже пошел на союз с появившимися военными кругами Власова - но не с официальными немецкими инстанциями: невозможность этого выявилась еще в 1938 г. Тогда немецкое военное министерство предложило НТСНП средства для расширения политической работы в России, при условии, что военная информация будет поступать в немецкий штаб. Руководитель союзной группы в Германии С. Субботин и В. Нерсисян ответили, что этому сотрудничеству мешает отношение к русским в книге "Майн кампф". Офицеры германского Генштаба выразили понимание и настояли на переговорах с приехавшим из Белграда секретарем Исполнительного бюро Союза М. А. Георгиевским. В результате члены НТСНП (в контакте с И. А. Ильиным) разработали и передали немцам меморандум, что в случае войны - Германия должна искать союза с русским народом против Сталина; "другая политика, в том числе попытка поработить наш народ, приведет к трагическим последствиям"²⁰. Однако Гитлер с "Майн кампфом" не шутил: вскоре референтом по "восточным делам" был назначен расист А. Розенберг - и многим членам НТСНП пришлось, во избежание арестов, покинуть Германию (по совету тех же военных кругов).

Розенберг не хотел иметь дела даже с эмигрантами, симпатизировавшими Германии. Так, в мае 1938 г. в Берлине был организован русский "Национальный фронт", в который "вошли Русский Национальный Союз Участников Войны генерала Туркула, кружки так называемых "штабс-капитанов" Ивана Солоневича, Российский Фашистский Союз Родзаевского и Российское Национал-Социалистическое Движение полковника Скалона и барона Меллер-Закомельского". Но в начале 1939 года немцы заявили русским эмигрантам, "что в них национал-социалистическое правительство не нуждается. Организации были распущены и подведены под высокую руку генерала Бискупского", который возглавил учрежденное немцами "Управление по делам русской эмиграции" (для контроля за ней, хотя Бискупский пытался защищать и русские интересы). По

слухам, у Бискупского в начале 1920-х годов "была большая заслуга перед режимом наци: во время неудачного мюнхенского "путча" он укрыв в своей квартире самого Гитлера"²¹, - напоминает Прянишников.

"Берлинскому отделению НТСНП тоже было предложено подчиниться генералу Бискупскому; на это предложение последовало следующее постановление Исполнительного Бюро, опубликованное в № 69 газеты "За Россию" в августе 1938 года:

«Ввиду выяснившейся невозможности самостоятельной и независимой работы Союза в пределах Германии Исполнительное Бюро постановило, не дожидаясь официального закрытия групп НТСНП в Германии, приостановить работу этого Отдела до наступления более благоприятных условий.

Деятельность Отдела считать эти распоряжением прекращенной и Отдел НТСНП в Германии распущенным".

...Отдел все же продолжал свое уже нелегальное существование»²².

Так что еще до начала Второй мировой войны председатель НТСНП В. Байдалаков, выступая 22 февраля 1939 г. на многолюдном собрании в Русском доме в Белграде, имел основания ответить на вопрос "с кем мы?" следующими словами: "...у русской совести может быть на это только один ответ: ни со Сталиным, ни с иноземными завоевателями, а со всем русским народом. ...Никто не отрицает, что борьба на два фронта: с завоевателями извне и с тиранией изнутри будет весьма тяжелой... но не мы создаем внешние события". "Этот путь избрал Союз, и мы утверждаем, что он единственно правильный... Россию спасет русская сила, на русской земле, на каждом из нас лежит обязанность отдать себя делу создания этой силы"²³. Присутствовавший на докладе П. Б. Струве "крепко пожал руку Байдалакову и благодарил за услышанное"²⁴.

Соответственно этому, уже во время советско-финской войны НТСНП отклонил предложение французов "взять на себя политическое водительство освободительной армии в

Финляндии, составленный из перебежчиков, пленных и русских эмигрантов, - если Франция приступит к ее формированию". "Во время переговоров выяснилось, что... предполагалось сломить большевиков голой силой, что замысел был не политический, а военный. Участвовать в подобной операции руководство Союза отказалось, считая, что она заранее обречена на провал. Участие Союза в этой войне выразилось лишь в попытках облегчить судьбу попавших к финнам красноармейцев. Об этом, а также о необходимости внести в войну моменты пропагандно-политические один из руководителей Французского отдела А. П. Столыпин вел переписку с маршалом Маннергеймом", пытался убеждать французские инстанции - но безрезультатно²⁵.

С нападением Германии на СССР руководство НТСНП запретило своим членам вступать в "Русский корпус" и призвало их двинуться в оккупированную немцами Россию для отстройки там независимой "третьей силы" в среде собственного народа. Эта эмигрантская организация (Союз насчитывал тогда около двух тысяч человек во всех странах рассеяния) оказалась единственной, психологически подготовленной для этого. И если родители пытались отговаривать "нацмальчиков", сравнивая НТСНП с песчинкой между двух жерновов, то для самих "песчинок" эта почти утопическая цель была единственно приемлемым вариантом с нравственной точки зрения.

Немцы не допускали русских эмигрантов на оккупированные территории, и вообще передвижение в Европе тогда было чрезвычайно затруднено. Проникновение в Россию гражданским лицам было возможно либо с фальшивыми документами, либо под видом сотрудников различных немецких ведомств и фирм (с этой целью членами НТСНП И. И. Виноградовым и К. В. Болдыревым была создана строительная фирма "Эрбауэр").

К этому времени руководство НТСНП нелегально переместилось в Берлин, откуда открывались лучшие возможности для этой деятельности. Прянишников пишет, что пере-

езд произошел в 1941 г. при покровительстве Р. А. Лейбранда, как ни странно - одного из ближайших помощников Розенберга. Лейбранд не разделял расистских взглядов своих шефов и предложил НТСНП тайное сотрудничество. Посредничал в этих переговорах В. М. Деспотули, редактор единственной тогда в Германии эмигрантской газеты "Новое слово", выходившей в Берлине. (Многие эмигранты, даже С. Войцеховский и А. Казанцев, критически оценивают "Новое слово" за послушность национал-социализму²⁶. Но все же эта газета внесла немалый вклад в консолидацию русских сил. Помимо первой страницы, выдержанной в духе официальной пропаганды, далее шли чисто русские материалы, рассказы, шахматную рубрику вел чемпион мира А. А. Алехин, помещались сотни объявлений, помогавших людям находить друг друга). "После встречи с Лейбрандом В. М. Деспотули образовал при редакции "Нового слова" нечто вроде редакционного совещания, в которое, помимо Деспотули и его помощника Н. И. Перова, от НТСНП вошли В. М. Байдалаков, К. Д. Вергун, Д. В. Брунст, В. Д. Поремский, А. С. Казанцев и С. П. Рождественский. Целью этого совещания были создание негласного русского центра и взаимная информация". Позже в редакции "Нового слова" стали работать Б. Прянишников, С. В. Иегулов, С. А. Левицкий и другие члены НТСНП, в том числе и люди, вступившие в Союз в России. О своей встрече с Байдалаковым Лейбранд просил не распространяться; это покровительство делает понятным и устройство членов НТСНП в немецкие учреждения: Поремский и Брунст работали в Восточном министерстве, Казанцев - в пропагандном отделе немецкого Главного командования²⁷.

Одна из основных, как их называли, "зеленых дорожек" в Россию проходила через Польшу, в несколько этапов, при содействии польских подпольщиков. С. Л. Войцеховский, председатель Русского комитета в Варшаве (это было ведомство для русского населения в Польше, подобное Управление ген. Бискупского), писал: "Вначале это

делалось под видом возвращения беженцев, спасавшихся в Варшаве от советской оккупации Волыни и Полесья. Удоверения, выданные Русским Комитетом, заменяли пропуска. По просьбе А. Э. Вюрглера, совмещавшего принадлежность к правлению Комитета с возглавлением НТС в Польше, я подписал не менее 230 таких фиктивных удоверений”²⁸. Деятельностью Союза к 1943 г. было охвачено 54 населенных пункта, в которых действовало до 120 групп²⁹. Не раскрывая себя перед немцами, они участвовали в создании местных самоуправлений, ориентируя их на отстройку русской силы.

Численность НТСНП в России быстро выросла в несколько раз и организация перестала быть чисто эмигрантской. Начал налаживаться контакт с партизанскими отрядами, которые возникали стихийно, в результате антирусской политики немцев, и в первый период войны еще не были под советским контролем. Руководство группами Союза в России осуществлялось из Смоленска, где в городском управлении работал Г. С. Околович. Вот как он видел задачу организации:

”...никто не может сказать, как будут развиваться события. А ведь от этого все зависит. Сейчас мы даже не знаем, против кого мы будем бороться. За русский народ, за свободу - это ясно... Если победят немцы... организуем партизанщину такую, какой они еще не видели. Мы поставим террор, будем организовывать восстания, одним словом, будем их выгонять обратно... Если победит Сталин, мы будем бороться против него. Будем бороться за освобождение от рабства, может быть, еще более страшного, чем немецкое. Но и для того, и для другого случая мы должны быть сильными. Нужно иметь, создать, воспитать десятки тысяч, сотни тысяч борцов, объединенных одной идеей, одним устремлением...”³⁰.

И хотя эта цель не была достигнута - военные ”жернова”, советский и гитлеровский, неумолимо вращались по своему - в этом стремлении эмиграции помочь России можно видеть новый этап осуществления ”идеи общей

судьбы". Правомерность этого определения теперь подтверждалась и с российской стороны: не только русская эмиграция, но и значительная часть народа была поставлена перед тем же выбором: кто представляет собой наименьшее зло? И сходные мысли о "третьей силе" возникли независимо в кругах советских военных. Но они смотрели на ситуацию более реалистически, считая, что отстроить русскую силу можно, только пойдя на временный союз с Германией.

Для тех, кто пережил два десятилетия большевистского террора, вопрос решался просто: они считали, что хуже сталинского режима ничего быть не может. У попавших в плен красных командиров еще свеж был в памяти недавний разгром Сталиным командного состава. Некоторые из них сами подверглись репрессиям, пыткам и были освобождены лишь в связи с началом войны. Неудивительно, что в их среде (как и в среде РОВСа) возникла мысль о вооруженной борьбе за освобождение России от сталинского режима, и многие тоже были убеждены, что их поддержит народ.

Один из руководителей нынешнего немецкого Научного центра военной истории Й. Хофман на основании документов показывает, что уже в 1941 г. такое мнение высказывали попавшие в плен командующие советскими дивизиями, корпусами, армиями - генералы Ф. А. Ершаков, С. Огурцов, Снегов, П. Абранидзе, Бессонов, Кирпичников, Д. Е. Закутный, Ф. И. Трухин, И. А. Благовещенский, Егоров, Куликов, Ткаченко, Зыбин, Алавердов, М. И. Потапов, М. Ф. Лукин. В 1942-1943 гг., помимо А. А. Власова, такую же готовность выражали генералы М. М. Шаповалов, И. П. Крупенников, Ю. А. Музыченко, П. Г. Понеделин, полковники В. И. Боярский, К. Л. Сорокин и др.³¹.

Все они понимали возможную борьбу как революционно-освободительную и ставили условием - создание независимого русского правительства со статусом союзника Германии. Но Гитлер отвергал предложения о союзе. Его цель была превратить "унтерменшей"-славян в рабов, а

Россию - в колонию. Произвол над населением оккупированных территорий и бесчеловечное обращение с военнопленными невозможно было скрыть. Тем самым Гитлер придал войне - в глазах советской стороны - характер Отечественной, и на стороне защищавших сталинский режим тоже оказалась своя важная правда: они защищали и родную землю...

Этой антирусской политикой Германия изначально обрекла себя на поражение. Сталин признавал, что в первые месяцы войны политическая неблагонадежность населения и армейских частей создали критическое положение, но "сами фашисты быстро их вылечили"³². И опасаясь русской национальной акции со стороны немцев, а также понимая, что на "ценностях интернационализма" войну не выиграть, Сталин сделал ставку на то, от чего отказался Гитлер: "...только вследствие немецкой политики в СССР, окорбительной для национальных чувств русского народа, Сталин получил возможность поставить национальную идею на службу борьбе против иноземной угрозы своему правлению"³³, - пишет Хофман.

Это было огромным ударом и по надеждам русской эмиграции. Она судила о немцах по их поведению в завоеванной Западной Европе. Но Гитлер вел войну с двойной моралью: с более цивилизованным лицом на Западе, где не было особых жестокостей по отношению к мирному населению, и с откровенно колонизаторскими целями на Востоке. Розенбергом были разработаны планы уничтожения значительной части славянского населения России при поощрении антирусских сепаратистов.

Особенно тяжело это сказалось на положении советских пленных. Дело осложнялось тем, что руководство СССР отказалось от них, объявив их изменниками родины. Сталин систематически отвергал помощь им: и со стороны Международного Красного Креста (немцы разрешили отправку продовольствия), и предложение Рузвельта о заключении с Германией соглашений о гуманном обращении с пленными, и применение к ним Женевской конвенции

(1929 г.) о военнопленных³⁴. Таким образом, Гитлер и Розенберг могли морить голодом русских на законном основании. И в то время, как пленные западных армий содержались в сносных условиях, еженедельно получая продуктовые посылки, русские пленные ели траву.

Контраст становится еще символическим, если вспомнить, что в упомянутой Женевской конвенции получили развитие принципы Гаагской конвенции 1907 г., главным инициатором которой была Российская империя, - напоминает британский профессор права. И вот этот контраст в цифрах: "В войне 1914-18 Центральные державы взяли в плен 2,417 миллионов русских, из них умерло 70 тысяч. В 1941-45 гг. немцы захватили в плен 5,754 миллиона русских, из них умерло 3,7 миллиона"³⁵, - в основном в первый же год войны...

Старая эмиграция старалась спасать пленных, добиваться улучшения их жизни. К. Кромиади с этой целью пошел работать в одну из немецких распределительных комиссий. Он описывает, что в Германии в 1941 г. эта проблема "подняла на ноги всю русскую эмиграцию. Вопрос о помощи военнопленным стал в эмигрантской среде самым животрепещущим вопросом; священники с амвона призывали свои паствы к оказанию помощи братьям, погибающим в неволе, а общественные деятели создавали комитеты по сбору пожертвований и продолжали это дело до самого конца войны. ...у лагерей военнопленных целыми днями маячили мужчины и женщины, пытались улучшить момент, чтобы передать пленным принесенное"³⁶.

Кромиади отмечает, что "в худшем из всех положений находились великороссы" - в соответствии с политикой Розенберга. Так, германское правительство разрешало украинскому комитету порциями забирать пленных украинцев, но не русских. Комиссия, в которой работал Кромиади, часто под видом украинцев оформляла и русских, срочно нуждавшихся в помощи, "и нужно отдать справедливость членам украинского комитета: они знали об этом, но не было случая, чтобы они нас выдали. Русских плен-

ных, выходивших вместе с украинцами, они вывозили, кормили их, а затем отпускали на все четыре стороны»³⁷.

Некоторых улучшений удалось добиться только к лету 1942 г. (когда уже погибло более 2 миллионов человек). Помогли немецкие военные: против бесчеловечного обращения с русскими пленными резко протестовали адмирал В. Канарис, фельдмаршал фон Бок, генерал-полковник Люфтваффе Г. Рюдель³⁸...

Важно отметить, что германское общество, в отличие от советского, еще не успело стать полностью тоталитарным; между военными инстанциями и партией имелись серьезные разногласия. Политику Гитлера считали губительной для Германии многие представители высшего военного слоя: В. фон Браухич, Ф. фон Бок, В. фон Шуленбург, Вагнер, Герсдорф, Р. Гелен, В. Канарис, Г. Линдеман, граф фон Шенкендорф, Г. фон Кюхлер, Х. фон Треско, фон Ренне, В. фон Фрейтаг-Лорингхофен, К. граф фон Штауфенберг и др. Из-за этого многие из них были смещены Гитлером со своих постов. Наиболее оппозиционные круги, к которым примыкали также дипломаты (бывший посол в Москве Ф. В. граф фон дер Шуленбург), банкиры и промышленники (в Германии не была запрещена частная инициатива), отчаявшись повлиять на фюрера, устроили на него 20 июля 1944 г. покушение (неудачное; сотни человек были казнены). Они хотели прекратить войну на западном фронте и надеялись вместе с англо-американцами объединить усилия против Сталина...

Именно с такими немцами ген. А. А. Власов нашел взаимопонимание, считая, что известный компромисс допустим, а освобожденная от коммунистов Россия не даст иноземцам поработить себя. И, несмотря на противодействие Гитлера, Власов и его немецкие друзья решили действовать явочным порядком. Вся история Русской Освободительной Армии - это история борьбы немецких друзей за ее создание, связанная с множеством унижений, обманов, разочарований и потерь (подробно описана В. К. Штрик-Штрикфельдтом).

Нужно сказать, что по инициативе подобных военных кругов еще до Власова, в 1941-1942 годах возникли первые "экспериментальные" русские части под русским командованием, иногда носившие русскую форму (в их создании нередко участвовали эмигранты).

"Особая дивизия" - под командованием Регенау (псевдоним Б. А. Смысловского-Хольмстона), бывшего капитана царской гвардии. Будучи майором вермахта, он, при участии других эмигрантов, "еще в июле 1941 года сформировал на северном участке Восточного фронта русский учебный батальон, который постепенно превратился в оборонительную часть под русским флагом в составе 12 батальонов, считавшую себя ядром национальных русских сил. Это соединение, получившее название "Особая дивизия Р", было распущено в декабре 1943 года, а Хольмстон-Смысловский, имевший к тому времени звание полковника, был на короткое время взят под стражу" (вероятно, за то, что допустил в свой штаб членов НТС: А. Э. Вюрглера и других, считавших, что нужно не воевать с партизанами, а направлять их как против немцев, так и против советской власти; Вюрглер после этого был убит, очевидно, агентами Гестапо³⁹). Однако в апреле 1944 г. Смысловскому-Хольмстону было поручено восстановить свою дивизию "для организации партизанской войны за линией фронта"⁴⁰ (в 1945 г. это формирование стало называться "1-я Русская национальная армия").

"Русский охранный корпус" - созданный, как уже сказано, осенью 1941 г. в Югославии под командованием ген. М. Ф. Скородумова. Он бросил клич: "Я поведу вас в Россию!" - и быстро сформировал несколько полков из остатков армии ген. Врангеля и выпускников кадетских корпусов. "...приток русских, живущих за границей, был на удивление многочисленен, многие офицеры царской и белой армий, такие как генералы Ангелеев и Белогорцев, изъявляли готовность служить даже не на командных постах. Национальный порыв одушевлял и молодое поколение - студентов, гимназистов, служащих, которые стре-

мились вступить в русскую армию". Однако именно за лозунг "В Россию!" немцы сразу же сняли ген. Скородумова; его преемником стал начальник штаба генерал-лейтенант Б. А. Штейфон. В 1943 г. Русский корпус (пополненный добровольцами из советских военнопленных) насчитывал 16 тысяч человек. "...по оценке главнокомандующего Сербии, это было исключительно надежное формирование". Но ему пришлось в основном воевать против коммунистических партизан и спасать православных сербов от нацистствующих "усташей", ибо "привлечение к войне против СССР русских эмигрантов - за исключением особых случаев - противоречило немецкой политике", - пишет Хофман, ссылаясь на стенограмму совещания в германском министерстве иностранных дел⁴¹.

"Русская национальная народная армия" - РННА, с бело-сине-красным флагом, в советской форме, но с русскими погонями. Она была сформирована в марте 1942 г. в Белоруссии (Осинторф) с разрешения Высшего командования Вермахта под руководством эмигрантов: инженера С. Н. Иванова и полковника К. Г. Кромиади (псевдоним: Санин). В этой группе эмигрантов участвовали также полковник И. К. Сахаров (сын начальника штаба у адмирала Колчака), И. Юнг, В. Ресслер, о. Гермоген (Кивачук), позднее присоединились - граф Г. Ламздорф, граф С. Пален, граф А. Воронцов-Дашков, В. Оболенский. РННА наладила неплохие отношения с партизанами, объяснив им свою цель (борьба против Сталина, но не против России). Видимо, это было одной из причин, почему в августе 1942 г. немцы решили убрать эмигрантов. Во главе РННА были поставлены бывшие советские военные, полковник В. И. Боярский и генерал Г. Н. Жиленков; армия выросла до 8.000 человек, но после нескольких конфликтов с немцами она была окружена эсэсовской дивизией, разоружена и расформирована (300 человек при этом ушли в партизаны)⁴².

"Русская освободительная народная армия" - РОНА, численностью в 20 тысяч человек, сформированная в

Брянских лесах, в самоуправляющемся (и практически независимом от немцев) районе Локоть. Ею командовали инженер Воскобойников, после его гибели - Б. Каминский. Самостоятельность "Локотской республики" (8 районов с почти двумя миллионами жителей) доходила до того, что за преступление там однажды были судимы и расстреляны два немецких солдата - и немецкое командование было вынуждено это стерпеть.

Бригада "Дружина" - под командованием полковника В. В. Гиль-Родионова, численностью в 8 тысяч человек, сформирована в 1943 г. в Белоруссии (Глубокое) под эгидой СД. "Когда формирование закончилось, она была брошена против партизан в районе Брянских лесов, где один полк перебил своих немцев и перешел на сторону партизан", - пишет Кромиади, который после отстранения от РННА с той же группой эмигрантов попытался перенять командование в "Дружине". Но быстро отказался от этого намерения, ибо ее состав был весьма пестр и недисциплинирован. Впоследствии Гиль-Родионов перешел к просоветским партизанам, а из бригады выделился "гвардейский батальон РОА" (в Пскове) - первое формирование, находившееся в непосредственном контакте с кругом Власова (командир - С. Иванов, заместитель - И. К. Сахаров, начальник штаба - К. Кромиади)⁴³.

Возникли и другие подобные части: сформированный в Могилеве полк из донских казаков (около 3 тысяч человек) под командованием подполковника И. Н. Кононова (он перешел к немцам 22 августа 1941 г. с целым полком, добровольно последовавшим за своим командиром); восточный запасный полк "Центр", сформированный в Бобруйске под командованием подполковника Н. Г. Яненко. Началось создание многочисленных "Восточных легионов".

Но первые полтора года войны все эти части были разрознены и почти не имели политического значения, а только военное. Политические акции, связанные с русским национальным движением, были строго запрещены. Причина та же, почему не был нужен РОВС как военная органи-

зация, почему "Русскому корпусу" и Зарубежной Церкви было запрещено переносить свои действия в Россию, почему и НТСНП мог проникать туда только нелегально: немцы хотели предотвратить национальную консолидацию на оккупированных российских территориях.

Первой политической акцией в этом направлении (в подготовке которой активную роль сыграл выросший в России немецкий офицер В. К. Штрик-Штрикфельдт) стало выступление генерала А. А. Власова в начале 1943 г. со Смоленским воззванием (датировано 1942 г.) - то есть с программой борьбы за новую Россию. Он призвал всех русских людей поддержать "действующую в союзе с Германией Русскую Освободительную Армию" (РОА) - хотя такой армии еще не было. Воззвание было разбросано с самолетов над советскими позициями и, "случайно", над немецкими - чтобы явочным порядком подтолкнуть развитие и по эту сторону фронта. Вскоре Власов с огромным успехом совершил поездку по оккупированным областям. Однако Гитлер был возмущен этой акцией, поскольку считал, что русское национальное движение рано или поздно выступит против захватнических планов Германии (в этом он не ошибался). Власов был посажен под домашний арест.

Тем не менее слух о создании РОА быстро распространился как на советской стороне, откуда увеличилось число перебежчиков, так и на немецкой, где, например, во Владимирско-Волынском лагере из 600 пленных русских офицеров 570 заявили о готовности вступить во Власовскую армию, думая, что она уже существует⁴⁴.

Поэтому отдел пропаганды Вермахта решил воспользоваться именем Власова (как прославившегося защитника Москвы) и идеей РОА в своих пропагандных целях - поощряя перебежчиков и увеличив число небольших добровольческих частей под немецким командованием (их в советской литературе часто называют власовцами, что неточно).

Таким образом, термин РОА появился, но самой армии не было. Тем не менее, русские военнопленные шли в эти

части, а немецкие военные поощряли этот процесс, надеясь, что Гитлер со временем образумится...

"На 5 мая 1943 года кроме "экспериментальных армий" и нескольких крупных полностью русских формирований под немецким командованием (таких, как 1-я казачья дивизия, три отдельных казачьих полка - "Платов", "Юнгшульц" и "5-й Кубанский") имелось 90 русских "восточных батальонов", а также 140 более мелких русских формирований, 90 полевых батальонов и многочисленные отдельные части Восточных легионов и Калмыцкий кавалерийский корпус", насчитывавшие "от 400 до 600 тысяч добровольцев". "К тому же по меньшей мере 400 тысяч добровольцев служили на штатных должностях в немецких частях, а 60-70 тысяч работали в службе обеспечения общественного порядка местной вспомогательной полиции военного управления"⁴⁵. Приведенные цифры занижены, поскольку немецкие командиры на местах скрывали точное число русских добровольцев, опасаясь, что их отберут и это ослабит армию⁴⁶. Многие авторы считают, что в немецкой форме в это время воевало более миллиона бывших советских военнослужащих. (Для сравнения: из 2,5 миллионов русских пленных в годы Первой мировой войны, "несмотря на активную немецкую и пораженческую пропаганду в лагерях в 1917 г., лишь какие-то жалкие 2 тысячи украинских националистов согласились дезертировать в немецкую армию", а 260 тысяч пленных <<сбежало...>> и большинство их снова пошло в родную армию"⁴⁷.)

"При известной доле воображения можно представить себе, что случилось бы, если бы Гитлер вел войну против Советского Союза в соответствии с собственными первоначальными пропагандистскими лозунгами - как освободительную войну, а не как захватническую"⁴⁸, - пишет Хофман. Если бы в этот период войны, заняв российскую территорию с населением в 60 миллионов человек, Гитлер разрешил создать настоящую РОА, с русским национальным правительством, если бы пошел на сбрасывание листо-

вок РОА над крупными советскими городами - к чему безуспешно пытались склонить Гитлера военачальники...

Поэтому абсолютно неверны утверждения, что власовское движение было "создано Гитлером". Он как огня боялся создания русской армии: в целях поощрения сепаратизмов "все так называемые "национальные воинские части" в составе немецкой армии получили значки с национальными цветами своих народов. Только самому большому народу - русским - было в этом отказано", - пишет Штрик-Штрикфельдт. В 1943 г. "Розенберг был готов признать право на государственную независимость за украинцами (под немецкой опекой), а кроме того, за рядом некоторых областей. Но не за русскими!"⁴⁹. Осенью 1943 г. Гитлер, узнав об огромном числе русских добровольцев в немецкой армии, пришел в ужас и распорядился разоружить их; лишь с большим трудом военные смогли уговорить его не делать этого, а хотя бы перебросить "восточные войска" на западный фронт (что вызвало возмущение как кругов Власова, так и самих русских частей: "мы не наемники"...).

Как подчеркивал Ф. Бухарт, руководитель штаба Главного управления безопасности рейха, власовское движение "развилось без немцев и даже вопреки им", оно постоянно возрастало за счет "собственной динамики", пока не образовало "государства в государстве" в немецкой сфере власти⁵⁰. Поэтому круги Власова не теряли надежды. Сам он говорил о немцах: "Политически они войну уже проиграли, а это, при данных обстоятельствах, значит - проиграли все. Если они окажутся реалистами... и поймут, что о завоеваниях не может быть и речи, а думать нужно только о том, чтобы спасти ихнюю Германию - они пойдут с нами на переговоры"⁵¹.

Власов оказался прав, но благоприятный момент был безвозвратно упущен. Гитлер "образумился" лишь в безвыходном положении, когда война была уже в сущности проиграна и когда уже не было русской территории, на которую Движение могло бы опереться.

14 ноября 1944 г. в Праге был провозглашен Комитет Освобождения Народов России (КОНР) со статусом независимого российского правительства. Власов специально выбрал для этого славянскую столицу, куда все съездили на один день специальным поездом. В КОНРе, кроме русских, было несколько национальных представительств (что сильно рассердило А. Розенберга): "Украинская национальная рада", "Белорусская национальная рада", "Национальный совет народов Кавказа", "Национальный совет народов Туркестана" и "Калмыцкий национальный комитет". Этот акт был оформлен в соответствии с международным этикетом: присутствовали дипломатические представители союзных с Германией стран, иностранные корреспонденты. Создание КОНРа было поддержано духовенством Русской зарубежной Церкви; ее первоиерарх митр. Анастасий и митр. Серафим (Ладе) присутствовали на второй церемонии обнародования Манифеста КОНР (специально для русской эмиграции) 18 ноября в Берлине, где от духовенства выступил о. Александр Киселев.

В Манифесте говорилось, что "Комитет Освобождения Народов России приветствует помощь Германии на условиях, не затрагивающих чести и независимости нашей Родины. Эта помощь является сейчас единственной реальной возможностью организовать вооруженную борьбу против сталинской клики". Манифест КОНРа призвал к объединению "всех национальных сил" для достижения следующих целей: "а) Свержение сталинской тирании, освобождение народов России от большевистской системы и возвращение народам России прав, завоеванных ими в народной революции 1917 года, б) Прекращение войны и заключение почетного мира с Германией; в) Создание новой свободной народной государственности без большевиков и эксплуататоров". "Комитет Освобождения Народов России уверен, что объединенные усилия народов России найдут поддержку всех свободолюбивых народов мира"⁵².

Еще до провозглашения КОНРа русская редакция Вла-

совского штаба издавала две газеты: "Доброволец" (40-60 тыс.) для добровольцев РОА, и газету "Заря" (100-120 тыс.) для военнопленных. На типографской базе закрытого "Нового слова" стали выходить газеты КОНРа: "Воля народа", "За Родину!" (тиражи по 250.000 экземпляров), газета ВВС "Наши крылья"; начались радиопередачи КОНРа на русском языке.

Сразу же в канцелярию Власова хлынул поток писем от русских военнопленных, от вывезенных на работы в Германию "остовцев", беженцев - с заявлениями о приеме в РОА. К концу ноября число желающих достигло 300.000, а 16 декабря канцелярия штаба РОА объявила в газете "Воля народа", что не в состоянии обрабатывать все заявления. 23 декабря КОНР утешил не принятых в армию тем, что судьба Движения решается не только на фронте, но и работой в тылу⁵³... Конечно, при таком количестве желающих в числе власовцев оказались разношерстные люди (ни одно массовое движение не застраховано и от присоединения темных личностей). Однако Хофман верно подчеркивает политические причины стремления большинства русских в РОА: неверно "связывать создание власовской армии с физическими лишениями пленных и насильственными методами вербовки"; после ужасов в лагерях 1941-1942 гг. к началу формирования РОА положение военнопленных в значительной мере "нормализовалось. ...К тому же Власов вовсе не был заинтересован в пополнении своей армии за счет людей, не желавших воевать"⁵⁴.

Таким образом, недостатка в воинах не было. Труднее было с вооружением. В январе 1945 г. КОНР заключил, за подписью Власова, соглашение с правительством Германии о предоставлении вооружения и снабжения - в форме кредита, который КОНР обязался в будущем выплатить. Немецкий МИД рассматривал соглашение с КОНРом как внешнеполитический акт, а 28 января 1945 г. вооруженные силы КОНРа (многие продолжали называть их РОА) были объявлены армией союзного с Германией государства. Немецкие представители в русских частях имели лишь

консультативные и связные функции. Эта русская армия была в юридическом и военном отношении отделена от Вермахта, она имела на серой немецкой форме (другой пошить было невозможно) русские нарукавные знаки, а на шапке кокарду РОА. Значок РОА (белый щиток с синим Андреевским крестом в красном обрамлении) был предложен ген. Малышкиным и был принят еще в феврале 1943 г. (тогда Розенберг перечеркнул девять первых эскизов с бело-сине-красным флагом, подготовленных членом НТСНП А. Н. Родзевичем, на что Власов сказал: "Я бы так и оставил: русский флаг, перечеркнутый немцами, потому что они его боятся"⁵⁵). На штандарте главнокомандующего РОА - изображение Георгия Победоносца. Гимн - "Коль славен наш Господь в Сионе". В частях появились русские священники.

Это политическое явление было шире, чем РОА, оно включало в себя широкие гражданские слои населения, поэтому многие называют его Русским Освободительным Движением (РОД), или Освободительным Движением Народов России (ОДНР). В задачи КОНР входили также культурные, экономические, социальные - это было почти что правительство "государства в государстве". КОНРу удалось значительно улучшить положение русских пленных и "остовцев", уравнив их в правах с остальными иностранцами. "...за короткое время своего существования КОНР стал партнером, с которым Германия не могла не считаться. Немцы, привыкшие общаться с миллионными массами русских, как им заблагорассудится, столкнулись с учреждением, которое ограничило их власть. У бесправных и беззащитных русских появился влиятельный защитник, отстаивающий их жизненные интересы"⁵⁶, - отмечает Хофман.

Кромиади свидетельствует: "В то время, за исключением ура-патриотов, принимавших коммунистов за "своих", вся остальная эмиграция относилась к РОА, как к своей национальной армии, и делила с ней горе и радость"⁵⁷. Вероятно, это не преувеличено: даже в Париже,

когда 24 июля 1943 г. ген. В. Ф. Малышкин выступал перед русской эмиграцией как представитель ген. А. А. Власова - 6000 эмигрантов устроили ему овацию. Такую же картину рисует А. Казанцев: "Самотеком по всем углам небольшой уже тогда Новой Европы создавались группы и общества содействия, собирались средства, пожертвования, крестьяне приносили свои незамысловатые драгоценности, серебряные нательные кресты и обручальные кольца, рабочие - свои скромные сбережения, собранные за годы тяжелого труда. Во все инстанции Комитета приходило ежедневно до трех тысяч писем и телеграмм с изъявлением готовности принять посильное участие в борьбе". Оценивая на глаз, Казанцев, кажется, преувеличивает число людей, поддержавших РОД ("больше 10-ти миллионов человек") - из-за того, что он вообще завышает число русских, находившихся по западную сторону фронта. Но несомненно, что так думало подавляющее большинство из них⁵⁸.

В сущности, эти миллионы советских граждан, оказавшихся во время войны за пределами СССР, уже можно рассматривать как эмиграцию. Они знали, что возврат означал для них лагерь или смерть (попавшие в плен приравнивались к "изменникам Родины", а увоз на работы в Германию считался "сотрудничеством с врагом").

Все понимали, что условия для создания "третьей силы" тогда были очень неблагоприятны: было очевидно близкое поражение Германии: у КОНРа не было русской территории; в советской армии появился патриотизм, а преступления гитлеровцев на оккупированных территориях вызвали такую ненависть к немцам, что союз Власова с ними уже не так просто было объяснить, к тому же не бездействовала советская пропаганда...

Но КОНР надеялся не на Германию и не на силу оружия, а по-прежнему на свое моральное воздействие на антикоммунистический потенциал в народе, на поддержку со стороны советских командиров, многих из которых Власов считал своими единомышленниками (в частности, Рокоссовского). И действительно: уже с декабря 1944 по

март 1945 гг. через линию фронта для участия в РОА (которая еще только формировалась) перешли 1.710 советских военнослужащих, чтобы бороться против своего победоносного правительства (1 перебежчик приходился на 16 пленных; тогда как на западном фронте в то же время был 1 перебежчик на 4.692 пленных)⁵⁹.

По соглашению с Гиммлером, вооруженные силы КОНР должны были выступить ("проткнуть" линию фронта и увлечь за собой советскую армию), когда будут сформированы пять дивизий РОА, потом условие снизили до трех. Успели, однако, сформироваться только две дивизии, возглавленные бывшими советскими офицерами (генералами С. К. Буняченко и Г. А. Зверевым), и авиагруппа ген. В. И. Мальцева: две эскадрильи ВВС КОНРа под командованием Героев Советского Союза - майора С. Т. Бычкова (16 истребителей) и капитана Б. Р. Антилевского (12 бомбардировщиков). Общая численность РОА составила 50 тысяч. Ее командующим стал, естественно, Власов, начальником штаба ген. Ф. И. Трухин.

Однако Гитлер и Розенберг остались верны себе до конца: они всячески препятствовали развитию независимой русской силы. Этим в основном и объясняется столь медленное формирование вооруженных сил КОНРа. Казанцеву, редактору "Воли народа", спасаясь от ареста, пришлось покинуть Берлин. К тому же, многие прежние немецкие друзья Власова были казнены в числе заговорщиков, что ослабило его влияние. Дважды немцы пытались использовать части КОНРа на Одерском фронте. Поскольку от этого невозможно было уклониться, Власов приказал действовать, привлекая на свою сторону советских солдат. Первая операция (участвовала рота добровольцев под командованием эмигрантов: полк. Сахарова и кап. графа Ламздорфа) была в этом смысле удачной и дала много перебежчиков, но во второй немцы поставили невыполнимую и связанную с большими потерями чисто военную цель. Чаша терпения переполнилась, и 1-я дивизия РОА под командованием Буняченко отказалась повино-

ваться, двинувшись на юг на соединение с остальными власовскими силами. Самым значительным ее боевым действием стало освобождение Праги 6-7 мая 1945 года - от немцев же...

Это произошло в ответ на просьбу восставших чехов, которым грозило уничтожение. При этом и чехи, и Буняченко надеялись, что Прагу займут находившиеся рядом американцы, а чешское правительство в благодарность за помощь предоставит войскам РОВ политическое убежище. Один из чешских руководителей восстания, д-р О. Махотка, писал, что за Прагу "власовцы сражались мужественно и самоотверженно, многие не скрываясь выходили прямо на середину улицы и стреляли в окна и люки на крышах, из которых вели огонь немцы... Власовцы сражались с чисто восточным презрением к смерти... Казалось, они сознательно шли на смерть, только бы не попасть в руки к Красной армии"⁶¹.

Население города приветствовало РОА как освободителей. Но, вопреки ожиданиям, американцы не откликнулись на призыв восстания. Они дали возможность занять Прагу советским войскам, и надежды на некоммунистическую Чехословакию не оправдались. Дивизия Буняченко покинула Прагу и продолжила путь на юг. Однако потеря на Пражскую операцию трех драгоценных дней помешала дивизиям РОА соединиться; к тому же чешскими партизанами-коммунистами в районе Пршибрама были захвачены генералы из 2-й дивизии - Боярский (повешен), Шаповалов (расстрелян), Трухин (выдан советским властям), как и, видимо, Благовещенский и М. В. Богданов). Оставшиеся в госпитале "все раненые власовцы были расстреляны прямо в кроватях"⁶¹ - так "освобождали Прагу" части маршала Конева...

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гренадер. Письма из Испании / "Часовой". Брюссель, 1939. № 234. Сс. 4-6.

2. Прянишников Б. Новопоколенцы. Силвер Спринг (США), 1986. Сс. 62-63.
3. Федотов Г. "Пассионария" / "Новая Россия". № 14. 1936. 15 окт. - Цит. по: Федотов Г. Защита России. Париж, 1988. С. 59.
4. Варшавский В. Незамеченное поколение. Нью-Йорк, 1956. Сс. 307-308.
5. Георгиевский М. / "За Родину" № 77/19. 1939. 15 марта. - Цит. по: Варшавский В. Указ. соч. С. 76.
6. Варшавский В. Указ. соч. С. 314.
7. Байдалаков В. / "За Родину" № 90. 1939. 1 окт. - Цит. по: Варшавский В. Указ. соч. С. 76.
8. Орехов В. Будем достойны русского имени! / "Часовой". 1939. № 246. 5 дек. С. 2.
9. Орехов В. Париж сегодняшнего дня / "Часовой". 1941. № 255. 5 янв. С. 10.
10. Из речи редактора "Часового" на юбилейных собраниях в Брюсселе, Париже и Белграде / "Часовой". 1939. № 232-233. 1 апр. Сс. 4-5.
11. Цит. по: Трушнович Я. Первый год войны / "Посев". Франкфурт-на-Майне, 1991. № 2. С. 136.
12. От редакционной группы / "Новый журнал". Нью-Йорк, 1942. № 1. Сс. 5-6.
13. Керенский А. Передышка / "Новый журнал". 1942. № 1. С. 200.
14. Цит. по: Милюков П. Правда о большевизме / "Русский патриот". Париж, 1944. № 3 (16). 11 нояб. С. 2.
15. Архимандрит Иоанн (Шаховской). Близок час / "Новое слово". Берлин, 1941. 29 июня.
16. Орехов В. Коммунизм умрет! Россия вечна! / "Часовой". 1939. № 244. 5 окт. С. 1.
17. Кромиади К. За землю, за волю... Сан-Франциско, 1980. Сс. 172-173.
18. Штрик-Штрикфельдт В. Против Сталина и Гитлера. Франкфурт-на Майне, 1975. Сс. 58-59.
19. А. П. Русский корпус в Сербии / "Часовой". 1971. № 543. Сент. С. 9.
20. Нерсисян В. Переговоры с руководством немецкой армии в 1938 году / "Посев". 1981. № 6. Сс. 56-57.
21. Прянишников Б. Новопоколенцы. Сс. 97, 95.
22. Там же. С. 97.
23. Цит. по: Трушнович Я. Указ. соч. С. 138.
24. Прянишников Б. Новопоколенцы. С. 112.
25. Трушнович Я. Указ. соч. С. 139; Столыпин А. НТС и эмиграция перед второй мировой войной / "Посев", 1980. № 10. Сс. 56-57.

26. Казанцев А. Третья сила. Франкфурт-на-Майне, 1974. Сс. 267-268. См. также: Войцеховский С. Эпизоды. Лондон (Канада), 1978. С. 30.
27. Прянишников Б. Новополенцы. Сс. 153, 162-164.
28. Войцеховский С. Эпизоды. С. 58.
29. НТС. Мысль и дело. Франкфурт-на-Майне, 1990. С. 15.
30. Цит. по: Казанцев А. Указ. соч. С. 208.
31. Хоффманн Й. История Власовской армии. Париж, 1990. Сс. 118-119.
32. Стеенберг С. Власов. Мельбурн, 1974. С. 28.
33. Хоффманн Й. Указ. соч. С. 7.
34. Толстой Н. Жертвы Ялты. Париж, 1988. Сс. 46-47.
35. Там же. Сс. 489, 22.
36. Кромиади К. За землю, за волю... С. 46.
37. Там же. Сс. 34, 46.
38. Хоффманн Й. Указ. соч. Сс. 112-115.
39. Прянишников Б. Новопоколенцы. Сс. 178-180.
40. Хоффманн Й. Указ. соч. Сс. 70-71.
41. Там же. Сс. 69-70.
42. Кромиади К. За землю, за волю... Сс. 54-86.
43. Там же. Сс. 89-100.
44. Хоффманн Й. Указ. соч. С. 121.
45. Там же. Сс. 7-8, 272.
46. Штрик-Штрикфельдт В. Указ. соч. С. 188.
47. Толстой Н. Указ. соч. С. 22.
48. Хоффманн Й. Указ. соч. С. 6.
49. Штрик-Штрикфельдт В. Указ. соч. Сс. 191, 204.
50. Хоффманн Й. Указ. соч. С. 323.
51. Цит. по: Казанцев А. Указ. соч. С. 164.
52. Манифест КОНР / Хоффманн Й. Указ. соч. Сс. 357-363.
53. Хоффманн Й. Указ. соч. С. 123.
54. Там же. Сс. 121-122.
55. Стеенберг С. Указ. соч. С. 99.
56. Хоффманн Й. Указ. соч. Сс. 334-335.
57. Кромиади К. О книге прот. Александра Киселева / "Зарубежье". Мюнхен, 1978. № 3-4. С. 38.
58. Казанцев А. Указ. соч. Сс. 289-290.
59. Хоффманн Й. Указ. соч. С. 125.
60. Цит. по: Там же. Сс. 185-186.
61. Там же. Сс. 215, 197.

Александр КОЛПАКОВ

В ожидании чуда?

Мы все многого ждали от I съезда народных депутатов СССР. А уж когда заработала его трибуна, эти ожидания выросли многократно. Казалось, еще одно усилие и произойдет что-то... Что? Не знаем. Но что-то должно произойти. Ничего не произошло. Как и во время 19-й партконференции, брат-журналист упивался поднятой планкой гласности, но... Вот то-то и оно, что "но". Конечно, после съезда страна стала во многом иной, иной образ мышления менял нам души, и все же образ жизни почти не изменился, а уровень жизни стал стремительно падать. А самое главное, возросшая степень открытости верхов вдруг позволила нам увидеть, что верхушка власти - это вовсе не сонм богов на Олимпе.

Сразу после съезда вновь избранный Верховный Совет приступил к утверждению министров. Каково же было наше удивление, когда парламент утвердил в должности министра угольной промышленности Михаила Щадова, а кузбасские депутаты не просто голосовали "за", но и поддерживали Михаила Ивановича с трибуны сессии. В этой связи мне кажутся любопытными пояснения, которые дал в интервью нашей программе П. Друзь:

- Да, мы возмущались негодными методами, которыми руководствовался Минуглепром в разработке угольных месторождений Кузбасса. Нас не устраивало игнорирование социальной направленности в своей работе. Но в результате встреч со Щадовым мы увидели, что министр пересмотрел свою позицию. Я, в частности, высказывал ему свои претензии на заседании комиссии. И Щадов ска-

зал, что он внимательно изучил проблемы Кузбасса. Щадов предоставил нам свою программу и сказал, что теперь она ориентирована на развитие социальной сферы. Наша задача не завалить кандидата, а дать ему возможность работать, обращая больше внимания на нужды промышленности.

До забастовки оставались считанные дни.

Продолжение дебатов на сессии я слушал уже в отпуске. Конец июня - начало июля, море, солнце, относительно благополучная Одесса - все это уводило от политики, от радиострастей в транзисторе на пляже. И потом, отпуск за пределами Кузбасса для меня вдвойне отдых. Когда можно жить только своей жизнью: никто не обернется вслед, не подойдет с жалобой, не рвут нервы телефонные звонки... Если не считать чтения газет, я вообще тот месяц был вне политики. Ну, разве что один случайный разговор в кафейне. Между пансионатом, где мы жили с дочерью, и пляжем находилось кафе-мороженое, куда мы имели обыкновение заходить по дороге. И вот однажды, в выходной день, рядом со мной за столиком оказался ровесник-одессит, немного подвыпивший, прикрывавший от меня бутылку какого-то дешевого красного вина. Не помню, как мы с ним разговорились, но помню, что он сказал:

- Нет, браток, теперь - всё. Я, знаешь ли, весной не голосовал. Отдал паспорт отцу и сказал: брось мой бюллетень за Деревянко. А как потом посмотрел съезд, послушал, как они кроют всех этих заевшихся... Нет, сказал себе, теперь я сам. Теперь я на следующие выборы сам пойду и уж проголосую.

Вот так, - сказал мой собеседник-одессит и пошел допивать свою бормотуху. - До следующих выборов...

В Кемерово из отпуска я вернулся в самый канун забастовки. Как всегда, вышел на работу несколько ранее, чем положено было по графику. И в первый же день - звонок из Междуреченска от нашего собкора Василия Горбунова, который передал, что в ночь с 9 на 10 июля на площади у горкома КПСС ночевали около 500 человек. "В 9

утра возобновился митинг, в котором участвуют тысячи горожан, как и вчера, митинг транслировало городское радио. За сутки забастовки предприятия Междуреченска недодали 900 тысяч тонн угля, это - миллион 170 тысяч рублей”.

Потом Василий перезвонил еще раз, уточнил цифру собравшихся на площади - 5 тысяч - и передал требования бастующих.

Становилось понятно, что дело серьезное, но после волны весенних забастовок эта телефонная информация не воспринималась как сенсация. Потому и наша реакция поначалу была в общем-то сдержанной: я только позвонил в Новокузнецк Сергею Чугуряну и попросил его выехать в Междуреченск с техникой для синхронных съемок.

Около полудня первый секретарь обкома А. Мельников созвал у себя руководителей средств массовой информации, чтобы посоветоваться о том, как освещать события в Междуреченске. По рассказам Г. Митякина, в обкоме была растерянность и желание преподнести все как-нибудь помягче. С этого совещания Геннадий Михайлович привез текст официального сообщения, составленный на основе шифровки из Междуреченского горкома, в которой все происходящее в городе называлось митингом. Заодно он привез и конспект требований шахтеров, которые удалось записать во время телефонного разговора Мельникова с Междуреченском. Требования впечатляли своей серьезностью, дальновидностью и мудростью, на первом плане стояла экономическая самостоятельность шахт, создание своего объединения, передача прибыли в городской бюджет. Мы вместе еще и еще раз перечитали эти пункты и сказали себе и вслух:

- Нет, это не бунт. Это - настоящее.

Но что давать в эфир? Обкомовский официоз или горбуновскую информацию? Решили совместить оба варианта, и эта информация открыла выпуск. И вот тогда в эфире, посторонним слухом уловив в собственном голосе нотки торжественности и редкого для профессионала волнения,

я впервые почувствовал ощущение праздника. Предчувствие праздника.

Ни мы, ни, наверно, кто-нибудь другой не могли в тот день предвидеть развития событий. Но когда вечером, после эфира, приехал в Журавли, где наша редакция на лето снимает домик в дачном поселке Союза журналистов, я сказал ребятам:

- Кажется, завтрашний вечер я проведу не здесь.

Утром 11 июля снова позвонил Горбунов: на площади 20 тысяч шахтеров, приехал министр М. Щадов и руководители области. Стоят все шахты и разрезы, стоит весь город, кроме служб жизнеобеспечения. Потом трубку взял Виктор Костюковский, тогда собственный корреспондент "Советской России".

- Почему ты не здесь?

- Я послал Чугурия.

- Какой там... Приезжай сам. Это семнадцатый год.

Этим звонком все и решилось. Я стал лихорадочно собираться в дорогу, со съемок на всесоюзной летучке журналистов-угольщиков возвратили бригаду ТЖК, и мы ринулись в Междуреченск, боясь опоздать. Как пацаны во время войны рвались на фронт, опасаясь, что Гитлера разобьют без них, так и мы погоняли друг друга, экономя минуты и заглядывая за каждый поворот.

К Междуреченску подъехали около восьми часов вечера. На въезде в город обогнули какой-то пикет из милиции и гражданских. (Как потом выяснилось, они досматривали машины, не пропуская оружие и спиртное.) На первых улицах разглядывали город и не видели ничего особенного: на речке группы купальщиков, автобусные остановки тоже не пустовали. В центре также ничего из ряда вон: магазины открыты, люди по улицам ходят. И только когда подъехали к площади...

Подъезжать к ней пришлось дворами. Остановив РАФик возле дома, в котором находится редакция городского радио, мы чуть не бегом выскочили на площадь, и... Мне сейчас очень трудно будет передать свои ощущения в

словах. Конечно, когда по телефону я услышал о том, что здесь собралось 20 тысяч человек, то представлял, что это - много. Но одно дело назвать эту цифру, увидеть ее на бумаге и совсем-совсем другое - встать перед этими двадцатью тысячами.

Площадь была забита битком полуголыми шахтерами в рабочей одежде. Часть из них сидела или лежала перед трибуной. Очевидно, была какая-то пауза, потому что на трибуне ничего не происходило, все чего-то ждали. Заметив наше появление, люди потребовали подняться к микрофонам и рассказать, как в Кемерове отнеслись к их поступку. Я знаками отказался и тут же услышал гневный ропот: с народом не хочешь говорить?! Пошел на трибуну, кто-то из дежурных стачкома успел предупредить, что идет трансляция по городскому радио.

- Здравствуйте... Я не знаю, чего вы от меня ждете... Ведь мы сюда приехали не как политические деятели, а как журналисты. Чтобы смотреть и видеть, слушать и слышать. Слышать вас.

Раздались аплодисменты. И с этого момента я перестал быть только журналистом. Это я сейчас понял, полтора года спустя, когда восстановил тот эпизод по памяти и дневниковым записям. Вот в данную минуту, когда пишу эту строчку. Понял, что именно в те секунды на трибуне перед затихшей на чуть-чуть площадью прошел очередной рубеж и в моей личной жизни. Что никогда потом здесь, в Кузбассе, мне не удастся быть только репортером. Что почти каждое слово в эфире будет расцениваться как политический лозунг, что сам факт моего появления в том или другом месте будет оцениваться и даже влиять на развитие ситуации. За полтора года я с этим смог смириться, но только сейчас понял, когда это началось.

- Мы приехали, чтобы смотреть и видеть, слушать и слышать. Слышать вас.

Оператор Адольф Бялоус и электромеханик Андрей Деменев к тому времени подготовили камеру, можно было работать. Не сходя с трибуны, я встал перед объективом:

- Междуреченск, 20 часов 15 минут. Вот так выглядит центральная площадь города. Шахтеры ждут, когда в здании горкома партии закончатся переговоры министра угольной промышленности Щадова и забастовочного комитета.

Но переговоры затягивались. Мы пошли в "люди" за первыми интервью. О чем они говорили тогда? О том, что шахты должны быть экономически самостоятельными, сверхплановая прибыль оставаться в городе, что местные советы и профсоюзы бессильны и не способны их защитить. Об этом они говорили. Уже тогда.

На трибуне был установлен телефон, по которому город держал обратную связь с площадью. Поступали сообщения о новых коллективах, подключившихся к забастовке или поддерживающих ее. Время от времени с трибуны дежурные обращались к площади:

- Пионерлагерь остался без электричества, два электрика - вперед.

- Поступило сообщение, что на вокзале разгружают рефрижератор с водкой. Пять человек для проверки. Машина - слева.

Оттуда же, с трибуны прозвучало сообщение, что рабочим патрулем задержаны двое пьяных из Анжеро-Судженска. Проголосовали за то, чтобы завтра доставить их из вытрезвителя на площадь. (Правда, потом про это забыли.)

Мы работали, работали бегом, стараясь не упустить, не пропустить ничего важного или того, что мне тогда казалось важным. Мы работали, но журналистский организм ежедневным тренингом настроен так, что в любом цейтноте работает не только мысль, но и чувства. Не знаю, какие уж особые рецепторы здесь действуют, но они вводили в меня и атмосферу площади. Обстановка была нервной и вместе с тем праздничной. Уже через несколько минут мы почувствовали себя чем-то связанными с этими людьми. Какой-то неосознанной солидарностью, товариществом, когда делишься сигаретой с чувством благодарности к тому, кто попросил у тебя закурить. Тем более,

когда тебе отвечают взаимностью. Как трогательно нам, например, помогали работать бастующие: кто-то делился водой под испепеляющим солнцем, Бялоусу прямо по ходу съемок надели на голову самодельную панаму из газеты, когда он потерял бумажник с документами, искали всем городом и нашли в квартире, с балкона которой Адольф Михайлович делал панорамные съемки площади, а кто-то в перерыве принес шахтерскую каску, полную клубники.

Наконец, появились лидеры забастовочного комитета М. Шадов, А. Мельников, А. Лютенко, М. Сребный, С. Щербаков. Гуськом они пробирались сквозь сидящих и лежащих шахтеров, и площадь, загудев, поднялась, приблизилась к трибуне. Стали зачитывать протокол соглашения. И чуть ли не с первого его пункта площадь восстала, она не верила в это согласие и не хотела его принимать. Давно охрипшими голосами лидеры забастовщиков и министр пробовали настоять на своем - тщетно, их отправили продолжать переговоры.

Ночью прямо на площади мы установили видеоплеер, просматривая сделанные записи. Когда дошли до этого эпизода, я внимательно рассматривал и себя самого, снятого на общем плане под трибуной, с которой убеждали шахтеров договаривающиеся стороны. Вот уставшая и раздраженная толпа рванулась вперед и, казалось, сметет сейчас все на своем пути, у себя самого я прочел в глазах страх. Страх толпы. Но она сдержала, смирила себя, и дернувшись в сторону камера Бялоуса захватила мгновение, ставшее потом символом июля-89.

На фоне закатного красного солнца поднимались с асфальта один за другим ряды полуголых, черных от угля и жары людей. Они вскидывали руки и скандировали стройным хором:

- За-бас-тов-ка! За-бас-тов-ка! За-бас-тов-ка!

По складам выдавливая из себя это непривычное чужеродное слово. Выплывая вместе с ним всю многолетнюю терпеливость и забитость и вдыхая первые глотки свободы и солидарности. Они не знали тогда о том, что этот костер

вскоре полыхнет по всей стране, отзовется потом по всему миру. Да и не думали, наверное, тогда о том. Это было дело десятое. Они - поднялись и встали рядом.

- За-бас-тов-ка! За-бас-тов-ка! За-бас-тов-ка!

И красное солнце, превращавшее людей в черные силуэты, садилось за горизонт, последними лучами отражаясь в окнах здания горкома. Будто цепляясь за них перед тем, как уйти совсем. А вслед ему несло все то же:

- За-бас-тов-ка! За-бас-тов-ка! За-бас-тов-ка!

И клич этот многократно тиражировался через радиотрансляцию в квартиры междуреченцев.

- Знаешь, Адик, - сказал я Бялоусу, - когда мы завтра покажем это в эфире, встанет весь Кузбасс.

...На ночь разошлись немногие. Разбившись на группки, мужчины разворачивали свертки, принесенные женами, ужинали здесь же на асфальте, у палаток, разбитых перед зданием горкома, на траве за трибуной. Появились две поливальные машины с водой - пили, умывались. Милиции не было видно совсем, даже на крыльце горкома, к которому, впрочем, никто из бастующих и не подходил. Взглянув на горящие окна, я подумал, что надо бы зайти и снять, что делают там. Но не смог. Не смог оторваться от площади. Какая разница, что происходит за этими окнами, главное происходит здесь.

С переносным светом мы ходили от одной группы к другой, снимая этот первый анализ ситуации. Как только подходили к какой-либо группе, она моментально разрасталась и грозила перерасти в митинг. Люди, как мотыльки, слетались на свет наших ламп. И это тоже было символично, потому что совсем недавно было как раз наоборот: люди убегали от камеры, от микрофонов, а сейчас стремились к ним - высказаться, выговориться, очиститься. Никого из партийных лидеров ночью я на площади не видел. Спать мы уехали где-то около двух часов ночи...

На следующее утро вернулись на площадь около девяти. Она снова кипела и не принимала никаких компромиссов, пропало всякое взаимопонимание между площадью и

стачкомом. Время от времени все это грозило перерасти в бунт всесокрушающий, но каждый раз люди останавливались у грани. В борьбе за микрофон чуть не силу применяли, и это немного было похоже на недавно закончившийся съезд народных депутатов СССР.

Впрочем, связь со съездом была не только такой вот казусно-формальной. Чем больше я слушал молодых ребят к микрофона, тем больше убеждался в том, что нынешний Междуреченск - прямое продолжение съезда. Что потом подтвердил в интервью нам Виктор Ильин:

- Съезду не удалось продвинуть экономическую реформу, он не принял радикальных предложений московской группы, а рабочие ждать не хотят, они требуют ускорения реформ, хотят серьезного, реального продвижения вперед.

- На последнем пленуме обкома настроение было совсем иное.

- Да, я там выступал и говорил, что надо определяться по собственности, а не составлять программы производства товаров народного потребления. В этом смысле рабочие пошли дальше.

- Вы поймите! - хрипел в микрофон А. Сергеев, ставший потом одним из лидеров городского рабочего комитета. - Вы поймите, не колбаса и мыло нам нужны. Мясо и сахар мы съедим, мыло тоже кончится. Нам нужна свобода, экономическая самостоятельность шахт, чтобы мы сами распоряжались результатами своего труда! Вот что нам нужно.

С ним никто не спорил, именно за этой свободой люди и вышли на площадь.

Один за другим сменялись выступающие, и лозунги, развешанные здесь, все яснее проявлялись. Это же лозунги Горбачева, это же его поддерживают шахтеры. Услышит ли Генеральный секретарь ЦК КПСС эту поддержку?

А в это время началось размежевание среди бастующих. Члены забастовочного комитета за время переговоров с министром и руководителями области, перешли в какую-то иную плоскость. Они все настойчивее требовали

прекращения забастовки, уверяя, что шахтеры добились своего. Параллельно началось формирование областного забастовочного комитета, который возглавил некто Сорокопудов (с тех пор я эту фамилию не слышал). Часть бастующих его приняла, другая вскоре начала кричать:

- Кто ты такой?!

Каким-то чудом В. Кокорину, А. Сергееву и "студенту" (парень приехал домой на каникулы, где он теперь, не знаю) удалось переломить ход событий и, выкрикнув в микрофон "Забастовка прекращена! Всё", добиться того, что значительная часть людей стала расходиться.

Я бросился в здание горкома, чтобы найти Мельникова и взять у него интервью. Теперь, когда площадь стала пустеть, эпицентр событий смещался в эти стены. В коридорах и кабинетах горкома было, как никогда, много приезжих. Для начала я столкнулся с А. Кузнецовым (ныне заместитель начальника управления КГБ), заглянув в один из кабинетов, стал свидетелем телефонного разговора председателя облисполкома А. Лютенко. Он давал кому-то указания, как лучше организовать обращение металлургов к шахтерам с требованием не бастовать.

- И обязательно, чтобы это был доменщик. Понял?

Заметив нежеланного свидетеля, Анатолий Федорович чуть скривился, но разговора не прервал:

- Ты меня понял? Вот и действуй. Давай.

Здесь же были С. Щербаков (тогда второй секретарь горкома КПСС) и председатель горисполкома Завьялов. Его я за эти два дня увидел впервые, вместе с первым секретарем горкома Череповым они были в отпуске. Кстати, кто-то из организаторов забастовки с возмущением рассказывал мне, как мэр города безмятежно проехал мимо него, хорошо видя, что тот пломбирует водочный склад.

Наконец, я нашел Мельникова, и тот сразу согласился на интервью:

- Хорошо, я сейчас, подождите немного.

Я пошел готовить аппаратуру к съемкам и по дороге

столкнулся с Г. Корницким, заместителем председателя облисполкома.

- Нет, ты слышал? Областной забастовочный комитет.

- Слышал.

- Областной комитет - в Междуреченске. Это как так? Разве так бывает?

Интервью с Мельниковым мы снимали на крыльце горкома, убедив его снять пиджак. На фоне все еще не утихомирившейся площади, где кучковалось человек 20-30, Александр Григорьевич повторил весенние свои тезисы.

- По содержанию - требования шахтеров справедливы, это в русле перестроечных процессов. Но по форме - не приемлемо, надо искать другие методы.

И назвал провокаторами тех, кто призывал ко всекузбасской забастовке.

Возвращаясь после интервью к своей машине, мы увидели, как какой-то парень попробовал снять с флагштока самодельный плакат "Шахтеры, бастуем до победы!" - забастовка ведь закончилась. Оставшиеся на площади враждебно восприняли эту попытку и согнали парня.

- Чего бы вдруг? - подумал я. - Забастовка-то закончилась.

Перегнав по радиолинейной линии в Кемерово свои видеозаписи, вернулись к площади, чтобы в радиорубке посмотреть выпуск, тем более что была договоренность о моем прямом выходе в эфир по телефону. Хозяин радиорубки Дима Родионов гонял по сети пленки с обращениями прокурора Междуреченска, какой-то учительницы или директора школы, призывавших шахтеров к спокойствию и благоразумию.

Наконец вышел в эфир "Кузбасс. День за днем", и я не узнал собственные съемки. В редакции монтаж велся в спешке, перепутали хронологию, чем обеднили дух площади, всё оказалось как-то помельче и помягче. Впрочем, в Кемерово, за 300 километров трудно было понять все, что здесь происходит. Я сам был там вчера. Обратили мы внимание и на какой-то немножко снисходительный тон, в

котором работала ведущая выпуск Наталья Лахреева. В телефонном комментарии я потребовал изменить впечатление.

- Поймите главное: это не бунт за кусок мыла. И хотя они сами говорят, что забастовка с экономическими требованиями, но я думаю, что это не так. Это политическая забастовка, потому что ее участники практически требуют смены формы собственности, к тому же появился и пункт об отставке властей, перевыборах горсовета.

После окончания выпуска мы пошли через площадь к гостинице. Асфальтовая пустыня была замусорена остатками трехсуточного стояния: бумажные стаканчики, обрывки газет и плакатов, она остывала от изнуряющей жары. И вдруг ударил неожиданный короткий ураган, выметая с площади весь этот мусор и память о недавнем противостоянии, а вместе с ними как будто и нас. А в подмогу урагану врезал ливень.

- Жаль, что мы это не снимаем, - сказал я.

- Жаль, - согласился Бялоус.

Забастовка кончилась. В гостинице нас всех посадили в люкс, из которого только что выехал Мельников. Первым делом - под душ. Скинув бывшую когда-то белой рубашку, я встал под теплую, блаженную струю воды. Голова туманилась наплывающей усталостью, грязь текла с тела потоком и вместе с нею как будто уходило все невероятное напряжение этих двух дней: кончилось... кончилось... всё...

Шумела вода из-под душа, сливаясь с шумом дождя за окном, где уличные потоки несли городскую грязь в канализационные колодцы, перемешиваясь с говором шумливой Усинки, пробегающей мимо города... Все. Завтра снимем, как город вернулся к нормальному рабочему ритму - и домой. К нормальному рабочему ритму.

...Утром, как полагается, сняли пустую, успокоившуюся площадь, но здесь узнали, что вроде бы не вышла на работу "Распадская". Поехали туда. Действительно, в конференц-зале шло собрание, которое вели члены забас-

товочного комитета Беккер и Ушаков. Директор А. Евтушенко в своих репликах постоянно подчеркивал: "если забастовочный комитет разрешит". Склонялись к выводу, что уголь шахта начнет добывать, но отгружать еще надо подумать кому и за что. Таким образом, шахтеры, что называется явочным порядком, намеревались взять свободу, которую требовали у министра. Я стал брать интервью у Евтушенко, зал зашумел:

- Почему мы не слышим, о чем он там говорит?!

Потом сошлись на том, что надо быть культурнее и каждый имеет право высказаться.

Заехали на шахту имени Ленина. Там работали; рабочим заседал и решил не поддерживать распадцев.

По дороге остановили БеЛАЗ. За рулем - молодой парень.

- Ты откуда?

- С "Ольжерасского".

- Работаете?

- Работаем.

- А вот на "Паспаде"...

- Так и нам тогда надо бастовать.

- А кто сказал выходить на работу?

- Начальство.

Уехал озадаченный.

На "Усинской" столкнулись на лестнице с директором шахты.

- Это кто? Чего вам здесь надо?

Потом - узнал. В столовой построжился над раздатчиками: чтоб никаких комитетчиков у меня не обслуживать.

- Так что у нас все нормально, работаем.

Оказалось - не так. В библиотеке заседал рабочий комитет. Выдвинули лозунг "Ни метра проходки, ни тонны угля". Здесь же решили разослать гонцов за информацией, которой крайне не доставало всем. Изготовили самодельные мандаты, чтобы не попадать впросак: были случаи.

Выслушав комитетчиков, я повернулся к директору:

- Ничего не хотите добавить?

- Нет.

Переезжая с шахты на шахту, мы впадали в растерянность. Информация расплывалась, уходила меж пальцев и сколь-нибудь полную картину происходившего представить было крайне трудно.

Пока после "Распадской" мы ездили по другим предприятиям, появились сведения, что шахта уже работает. Прямо как во время войны, там, наверно, ситуация вот так же менялась, не уследишь.

После "Усинской" снова заехали на площадь и встретили там В. Кокорина с М. Шевалье. Они показали телеграмму от заместителя Предсовмина СССР Л. Воронина и сказали, что довольны. Я посмотрел текст - абсолютная пустышка. Автор ее не представлял, куда, в какой котел послал свою депешу. Но ребята настаивали, чтобы я снял эту телеграмму и их интервью по этому поводу. Мы включили камеру, они призвали к окончанию забастовки и отвергли экстремистские заявления. (К тому времени стало известно, что встали Новокузнецк и Осинники, ходили слухи и про Кемерово.)

- Слушайте, парни, может быть, вы испугались последствий? - спросил я. - Нет, - сказали они. - Мы ничего не испугались.

Но это было неубедительно. Мне все же показалось, что испугались. Междуреченские события неожиданно размахнулись на весь Кузбасс, а это уже не печки-лавочки. Одно дело взять власть у себя в городе и совсем другое - столкнуть этот снежный ком.

Тем временем приходили новые подтверждения о размахе всекузбасской забастовки. Если 12 июля стояли Междуреченск, три шахты в Осинниках и одна в Прокопьевске - около 20 тысяч человек, то 13-го полностью встали Осинники, Новокузнецк, Прокопьевск, три шахты в Ленинске-Кузнецком - около 55 тысяч.

- А ты, Геннадьич, угадал, - сказал Бялоус.

- В смысле?

- Ну, что после наших репортажей весь Кузбасс...

- Угадал, угадал...

Конечно, не из-за наших междуреченских репортажей всколыхнулась область, но думаю, что и они сыграли свое: лучше один раз увидеть...

Позвонив в редакцию, узнал, что субботнего совещания не предполагается, и заторопился в Кемерово. В том числе потому, что опасался в сегодняшней "Панораме недели" своих ребят, не понявших еще того, что удалось узнать мне здесь за три последних дня. Меня отправили на "Волге" первого секретаря горкома. По дороге я снова и снова возвращался к увиденному.

Мельников. Первый секретарь обкома. Обкома КПСС. Партии рабочих. И он говорил, что требования бастующих справедливы. Тогда почему он не сел вместе с ними на площади, а был по другую сторону переговоров? Потому что он представлял не партию, а власть. Не партию, а государство. А вот если бы взял, да и встал рядом с шахтерами? Господи, ну что он потерял бы тогда? Ну, года на три пораньше ушел бы на пенсию, только и всего. Так мы бы его еще не отдали. А так... Нет, вот была бы картинка: первый секретарь обкома сидит на площади рядом с бастующими шахтерами, ночью делит с ними трапезу. Не мне, а ему несли бы клубнику в каске. Не с меня, а с него текла бы под душем грязь летней жары. Под тем же самым душем...

Около шести вечера мы въехали в Прокопьевск, но через центр проехать было уже нельзя. Он был перекрыт постом ГАИ, который отправил нас в объезд. На повороте мелькнула запруженная людьми площадь перед театром. Из динамика донеслось:

- Просьба к только что подошедшим - делегировать своих представителей на трибуну!

Шесть часов. До "Панорамы" осталось всего ничего.

- Успеем?

- Постараемся.

Сразу же за Прокопьевском прокололи колесо. Заменяли, поехали дальше. Как только сел в машину в Междуре-

ченские, сразу же попросил включить радио и всю дорогу жадно ловил сообщения "Маяка". Он передал информацию ТАСС о том, что не бастуют только два города - Белово и Березовский.

- Сейчас встанут и эти, - подумал я (так оно и случилось)...

* * *

Второй съезд народных депутатов СССР обсуждал правительственную программу Н. Рыжкова. Межрегиональная депутатская группа пыталась доказать, что эта "постепенная" программа не может быть расценена всерьез и надолго, что нужны резкие шаги в сторону рынка. Ей по привычке возражали остальные депутаты, особенно хозяйственники. Ближе к концу дискуссии кто-то предложил здравую мысль: а зачем нам вообще голосовать эту программу? Зачем нам брать на себя заботы правительства? Давайте просто "примем к сведению".

И в этот момент среагировал Рыжков. Я сидел на балконе прессы Кремлевского Дворца съездов и хорошо видел, как поднял руку премьер в правительственной ложе, и моментально на его жест среагировал председательствовавший Горбачев. Рыжков вышел на трибуну и дрожащим от волнения голосом попросил не давать правительству поблажек.

- Голосуйте "либо-либо". Или за, или против. Если депутаты нашу программу не примут, правительство уйдет в отставку.

Николай Иванович сошел с трибуны под аплодисменты. Тут же Горбачев провел голосование, и значительным большинством программа была принята.

В ближайший перерыв премьер-министр вышел в фойе КДС, чтобы показаться журналистам. Я этого вовремя не заметил, поэтому когда мы с оператором В. Литвиновым попробовали присоединиться к коллегам, нам достались

только твердые, крепкие локти охранников. Тем более, пресс-конференция уже практически закончилась, и Н. И. Рыжков, в окружении телохранителей, пошел к комнате отдыха президиума. Пробраться к нему, казалось, не осталось никакой возможности, и здесь сработал репортерский автоматизм: для того, чтобы привлечь к себе человека, надо задать неожиданный вопрос. И этот вопрос сорвался сам, вдогонку проходящему мимо премьеру:

- Николай Иванович, какое самое слабое место в вашей программе?

Рыжков начал отвечать, повернулся, за руку вытащил меня из-за спин охранников. И тогда я спросил о главном:

- Как отразились требования шахтеров в вашей программе?

- Ну, еще бы не отразились. 3 млрд. рублей из бюджета на товары для Кузбаса - это разве шуточки? И до сих пор мы не можем пересмотреть цены, потому что не договорились о цене на уголь. А вы говорите "как отразились"? Вот так и отразились.

Николай Иванович продолжил свой путь. Честно говоря, я ждал другого рода размышлений главы правительства. Я полагал, что он будет говорить о требованиях экономической самостоятельности шахт, о попытках рынка - о главном в забастовке. Но слова премьера как бухгалтерские костяшки на счетах щелкнули цены. И только?

...В начале 1989 года, накануне выборов народный депутат СССР от КПСС Н. Рыжков провел несколько дней в Новокузнецке. Помнится, рейс долго задерживался, и мы вместе со съемочной группой "Времени" хорошенько промерзли, дожидаясь гостей у танка перед КМК - традиционном месте экскурсий высоких делегаций. Но три "Икаруса" сделали круг у памятника и тронулись дальше, к Бульвару Героев, где была запланирована первая встреча с народом. Народ был горяч, излагал свои беды, кто-то жаловался на А. Ленского (тогда первого секретаря горкома КПСС), подержанный мужичок всучил премьеру письмо с жалобой на плохое водоснабжение. Тот был сдер-

жан, ровен, внимателен. Так же прошли и другие встречи на улицах, в магазинах, в цехах и на ферме у М. Сметаникова. А потом, когда мы просматривали видеозапись, я увидел общий план, снятый на Бульваре Героев Вадимом Литвиновым. Это было смешно и грустно. "Встреча с народом" выглядела так: огромная площадь, по периметру которой сдерживаемые милицией горожане, с другой стороны - еще одно оцепление милиции, а посередине горстка общающихся, в которой сам Рыжков, десяток его телохранителей, десяток журналистов, свита сопровождающих из местных и приезжих чиновников и три-четыре представителя народа, непонятно как оказавшиеся в этом кругу.

Я вспомнил, как был удивлен в свое время подобными наездами секретаря ЦК КПСС, кандидата в члены Политбюро В. Долгих. Он проезжал по заранее разработанному маршруту, посещая предприятия и подготовленные для него продовольственные магазины, в которых также встречался с народом. "Неужели вот по таким поездкам они и судят о жизни собственного народа?" - наивно удивлялся я тогда. Но еще удивительнее было то, что во время выступлений на партхозактивах тот же Долгих постоянно цитировал сказанное ему людьми из народа, подкрепляя свои указания.

Но В. Долгих - лидер застоя, а Н. Рыжков - прораб перестройки. И, действительно, многое изменилось. Вместо кавалькады из черных "Волг" и "Чаяк", команда Рыжкова ездила по Новокузнецку, "как все, на автобусах". Выглядело это так. В первом "Икарусе" располагались десяток ближайшего сопровождения, в третьем еще несколько человек местного руководства из тех, что могли понадобиться на всякий случай. Второй "Икарус" в этой колонне был занят полностью, в нем везли милицию. Ну, а следом, на небольшом отдалении прятались те же самые "Волги", на которых потом их хозяева разъезжались по домам.

Кто-то из журналистов потом спросил А. Ленского:

- А есть ли прок от таких стремительных набегов? Что можно узнать и увидеть за три дня?

- Николай Иванович - настоящий профессионал, - отвечал Альберт Иванович, - ему хватит и трех дней для того, чтобы понять что к чему.

Последнее место, куда завезли премьер-министра в Новокузнецком районе, был колхоз "Вперед". С фермы он должен был заехать в сельский магазин, там мы его и поджидали.

Пора было попробовать взять интервью, и мы с Вадимом выбрали удачное место, перегородив узкую тропинку от магазина к автобусам. Здесь нас нельзя было ни обойти, ни оттеснить. Так и получилось, Рыжков вышел прямо на нас, и его непробиваемым охранникам осталось только пожирать меня глазами, внимательно следя за каждым моим движением.

- Николай Иванович, сейчас, во время предвыборной кампании, многие кандидаты в депутаты обвиняют союзное правительство в колониальной политике по отношению к Кузбассу. Что вы думаете об этом?

Краем глаза я успел заметить отрешенную улыбку А. Лютенко, тогдашнего председателя облисполкома, который тоже пел в этом кандидатском хоре, тревожное ожидание А. Мельникова (как бы я чего не ляпнул) и профессионально внимательный взгляд охранника, который, казалось, видел меня насквозь - вплоть до деталей биографии и списка детских болезней.

- Это совершенно неразумные высказывания, - начал Николай Иванович. - Какая может быть колониальная политика при социализме? Конечно, в Кузбассе есть свои трудности: не хватает жилья, не решены многие социальные вопросы, но правительство следит за тем, чтобы эти непростые вопросы решались. Хотя, должен сказать, что многое можно сделать и здесь, непосредственно в области. Например, вы очень мало производите товаров народного потребления, особенно сложной бытовой техники. Так, Александр Григорьевич?

- Конечно, Николай Иванович, конечно.

Гости вернулись в свои автобусы и тронулись дальше.

И до сих пор я помню глаза Рыжкова: равнодушные, холодные, зимние.

В толпе, на Бульваре Героев, я подошел к женщинам, со стороны смотрящим на все происходящее.

- О чем вы хотели спросить премьер-министра?

- А о чем его спрашивать? Что он ответит?

- Тогда зачем вы здесь?

- Так, посмотреть.

В Кемеровском аэропорту, под гудящие моторы напряженного самолета, он давал последнее интервью для местного телевидения.

- Я очень рад, что побывал у вас в Кузбассе. Здесь живут хорошие, трудолюбивые люди, и я верю, что они смогут улучшить свою жизнь.

Через месяц - в апреле - начались первые забастовки на шахтах, через полгода полыхнула Всесоюзная стачка горняков.

...После того, как второй съезд народных депутатов СССР принял программу правительства, где-то в курилке КДС мы говорили с Бернаром Гётта, собкором парижской "Монд".

- Это все странно, - улыбался Бернар. - Почему они поддерживают премьера, который чуть не плачет на трибуне.

Через полгода правительство отменило свою прежнюю программу и предложило Верховному Совету новые пути выхода из экономического кризиса.

А еще через несколько месяцев шахтеры провели новую забастовку, выразив недоверие правительству Рыжкова.

- Что вы думаете об этом? - спросили журналисты у Николая Ивановича.

- Я полагаю, шахтеры еще подумают, нужно им такое правительство или нет.

Рано утром, вернувшись новокузнецким поездом из командировки, я купил на вокзале "Комсомолец Кузбасса" с заметкой о голодовке двух стариков возле здания областной прокуратуры. По тем временам это было большой сенсацией. Неужели мои прозевали? Они не прозевали. В редакции узнал, что Олег Кличанин снял такой репортаж еще вчера, но эфир решили отложить на день. Тогда я этому не придавал значения, но в самый канун репетиции выпуска Олег ворвался в редакцию, размахивая руками:

- Все! Кончено! Еще бы!

Когда он стал говорить членораздельно, выяснилось, что заместитель председателя комитета Г. Митякин только что снял репортаж о голодовке с эфира без всяких объяснений.

У меня не было выбора. В недолгой паузе я вроде бы позволил Олегу высказать всё, что он думает о начальстве. Хотя на самом деле пробовал просчитать варианты, чтобы еще раз убедиться: у меня нет выбора.

Входя к Митякину, я уже предполагал, с чем от него выйду. Он меня ждал и, очевидно, тоже наперед знал результат нашего разговора. Так что слова были просто формальностью.

- В чем дело, Геннадий Михайлович?

- Этот сюжет давать нельзя.

- Вот я и спрашиваю, в чем дело?

- В том, что мы можем навредить самим старикам. У них и так горе - сыновья погибли, - а тут еще мы со своими разборами.

- Вы это всерьез?

- Ты сам с ним говорил?

- Нет.

- А я сегодня съездил. И говорю тебе: несчастные старики.

- Так ведь они затем и устроили голодовку, чтобы

привлечь к себе внимание. И потом, "Комсомолец" уже напечатал. Люди звонят, спрашивают.

- Нет.

- Ну, хорошо, давайте вместе с репортажем дадим комментарий прокуратуры.

- Нет.

- Вместо репортажа - комментарий прокуратуры. Борков готов. Мы не можем сегодня вообще ничего сказать о голодовке.

- Нет.

- В таком случае я сегодня ничего не даю, но объясню почему.

- Нет.

- Тогда я не буду вести выпуск.

- Прикажи кому-нибудь из своих.

- Ну уж, нет. Это вы теперь сами.

И трех метров не будет между приемной и нашей редакционной комнатой. Но мне кажется, что я до сих пор преодолеваю эти шесть шагов между прошлым и будущим.

Полной уверенности в том, что редакция меня поддержит, не было. Даже несмотря на то, что перед тем, как зайти к Митякину, получил добро на самые крайние меры. Примерно год назад уже было нечто похожее. За ничего не значащую реплику в адрес А. Пахмутовой, которая почему-то пела в Новокузнецке со школьниками в то время, как в Кемерове проходил выездной пленум Союза композиторов, меня на месяц отстранили от прямого эфира. И ребята молча приняли выпуски. Будто согласились с тем, что так и надо. На этот раз не согласились.

Все вместе мы придумали что-то вроде итальянской забастовки: нигде в должностных инструкциях не сказано, что журналисты обязаны сами вести свои передачи? Не сказано. Вот пусть диктор и садится вместо нас. Ход был хороший. Во-первых, мы не брали лично на себя ложь умолчания, а во-вторых, и придрататься к нам было не за что, мы ведь ничего не нарушали.

Текст отрепетированного выпуска лежал у меня на

столе до последней минуты. Я ждал, когда его заберут, потому что не хотел срывать передачу. И объяснял это заходившим коллегам. Они со мной не соглашались, считая, что надо выйти в эфир, а уж завтра искать какие-то способы разрешения конфликта. Я не соглашался.

- Если мы уступим сегодня, завтра уже нечего доказывать, конфликта не будет. Нечего будет доказывать.

Так мы и сидели до последнего момента: Митякин у себя, я - через шесть шагов - у себя. Узнав от диктора Т. Болотниковой, что ей по поводу выпуска никаких распоряжений не поступало, снова заглянул к зампреду. Он сидел один, опустив голову.

- Вы что, решили снять выпуск?

- Да, решил, - ответил он, не поднимая глаз.

Мы досидели у себя до конца, пока вместо выпуска "Кузбасс. День за днем" не запустили документальный фильм из резерва. Так закончился вторник.

Так закончился мой кризис. Досаждавшая болячка, наконец, прорвалась. Прорвалась бунтом. Всё, хватит. Правильно это или не правильно, логично или не логично, я больше так не хочу! Я не хочу, чтобы моими руками кто-либо устраивал свои дела! Их мечта - чтобы популярный журналист своими словами, как говорится, озвучивал бы чужие мысли. Вернее, то, что они бы хотели представить широкой публике как свои мысли. Как свои настоящие мысли.

Пожалуй, это был один из первых у нас сбоев системы в перестроечные годы. Объявленная сверху гласность вдруг не захотела быть просто красивым лозунгом. Молодые ребята всерьез восприняли Горбачева. А взрослые дяди не хотели ничего менять и в очередной раз сыграли старую мелодию. Второй секретарь обкома КПСС Р. Лоскутов, которому почему-то активно не захотелось сообщения о голодовке стариков (кстати, до сих пор неясно, что за корысть двигала Рудольфом Сергеевичем), позвонил другому начальнику - директору студии телевидения, справедливо полагая, что этого вполне достаточно. Поскольку

у журналистов всегда были начальники, призванные превращать в жизнь решения съездов и желания властной верхушки. Журналистские начальники, бывало, кривились по этому поводу, но повеления исполняли исправно. И вдруг отлаженный, хорошо смазанный взаимопомощью механизм не сработал. Там, где-то далеко внизу, оказались тридцатилетние пацаны, считавшие, что "пора покончить с разрывом между словом и делом", что "каждый должен начать перестройку с себя и на своем рабочем месте делать все, от него зависящее, чтобы продвигать ее - перестройку - вширь и вглубь". И это бы все ничего - Бог с ними, - но ведь эти мальчишки успели о себе заявить. И люди им начали симпатизировать. Обе стороны ощущали эти взаимосвязи, понимали, как много они значат, но тогда, в ноябре 1988-го, никто еще не мог сказать, сколь много это значит. И мы в общем-то не надеялись на чью-либо помощь.

Утро среды началось со звонков телезрителей, которые спрашивали, что случилось, и мы им честно объясняли все как есть. Вскоре пошли телеграммы поддержки и даже резолюции собраний. Пожалуй, в те дни редакция впервые ощутила зрительскую симпатию, ее объем.

На самой студии события тоже развивались. Началось давление на каждого из сотрудников редакции в отдельности. Их вызывали по одному и грозили новым главным редактором, который наведет порядок. Особенно нелегко было самым молодым - А. Андрееву и А. Евстигнееву. Журналистской специальности у которых не было, и в случае чего... Им об этом говорили напрямую, да ребята и сами все сознавали. Но устояли.

Параллельно давили товарищи по партии. В очередной раз послушное партбюро дало оценку моему поступку. Не тому, естественно, что я заступился за гласность, а тому, что якобы сорвал эфир.

Честное слово, я пытался что-то объяснить. Взывал к партийной совести и ответственности.

- Что ж вы делаете? - говорил я им тогда. - Вы же меня из партии выталкиваете.

Но товарищи были непреклонными и проштамповали очередной строгий выговор, о чем вечером было сообщено в эфире. Выпуск провел диктор. Так закончилась среда.

В четверг откликнулись коллеги из "Кузбасса" и "Комсомольца". Если бы им не удалось пробить брешь в стене неясности вокруг редакции, не помочь гласностью, думаю, нас скорее всего задавили бы, и не было бы потом никакого "Пульса", а, может быть, и не только "Пульса".

Бурлила и студия. В коридоре на доске объявлений появился плакат, сделанный ребятами из молодежи в нашу защиту: "поддерживаем позицию редакции информации по поводу сюжета "Голодовка". Эфир - для зрителей, а не для начальства!"

Под этим аншлагом поставила свои подписи почти вся студия, что, правда, не помешало потом тем же людям проголосовать на партсобрании за утверждение мне выговора, вынесенного бюро. Звучало даже предложение об исключении меня из КПСС, но поддержки не нашло.

Параллельно мы пробовали привлечь к себе внимание центральной прессы, "Взгляда", например. Причем, делать это приходилось подпольно, и я хорошо запомнил, как мы с начальником производственного отдела В. Романовым отправляли в Москву видеокассету. Запомнил, как, скрываясь от начальства, ладили свой заговор. Это был бунт. Через несколько месяцев я вспомнил эти ощущения в Междуреченске, во время шахтерской забастовки, для меня она начиналась в ноябре 1988 года.

В пятницу утром стало ясно, что этот день - решающий. Нельзя было оставлять все до понедельника: два выходных сбили бы нас с темпа, и тогда можно было потерять инициативу. Надо выигрывать. Но - как? Неожиданно помог Ю. Вишневский. По словам председателя комитета, накануне вечером у него состоялся телефонный разговор с какой-то зрительницей, которая упрекала его в бесчеловечности. И вроде бы Юлиан Аронович, подумав, решил

доказать своей собеседнице, что это не так. Поэтому предложил мне вместе провести "Панораму недели", в которой все объяснить людям.

Я согласился, но напомнил, что, по нашим условиям, журналисты возвращаются в эфир, только если пойдет репортаж Олега Кличанина. Вишневский согласился, и "Панорама" состоялась.

Во время передачи каждый из нас дал свой анализ случившемуся. Юлиан Аронович настаивал на том, что это были личные амбиции Митякина и Колпакова.

Ни тогда, ни тем более сейчас я не мог и не могу с этим согласиться. В какой-то степени амбиции, конечно, присутствовали, но сказать, что это было основным... Нет.

Дала трещину схема управления журналистами. До сих пор она копировала любое производство. Как где-нибудь на заводе существует цепочка подчинения рабочего бригадиру, мастеру, начальнику смены, цеха и так далее, так и здесь журналисты подчинены старшему редактору, главному редактору, зампреду, председателю комитета. Но журналистика не завод и не фабрика, здесь не может быть подчинения. Раньше могло, но когда дело пошло к свободе печати, произошла ошибка...

Итак, мы выиграли.

Но совсем неясно было, чем обернется для пятерки пацанов эта победа. Уровень популярности у зрителей вырос тогда настолько, что 2-3 дня таксисты не брали с меня денег. Но параллельно редакция окончательно вышла из доверия у властей. А тогда, в конце 1988-го - начале 1989-го, совсем неясно было, кто окажется сильнее. Хорошо помню физическое ощущение надвигавшегося мрака, как вокруг программы начало формироваться "мнение". Участились всякого рода комиссии, приезжавшие давать оценку деятельности Кемеровского телевидения и дававшие оценки, в основном нам и молодежи.

Особенно сильный удар я принял от комиссии Гостелерадио. Не могу объяснить, почему именно от нее. Вроде бы с подростковых времен все время жил под окрики "не

высовываться", "не умнее всех!" Вроде бы наперед знал цель приезда проверяющих и задачу, которую поставил перед ними заказчик. Вроде бы откровенный ропот коллег, в присутствии которых проходил "разбор моего творчества", должен был, наоборот, придать уверенности. А все же это был нокдаун. Несколько минут я слепым кутенком тыкался в углы, пытаюсь найти место, где можно было бы незаметно прийти в себя.

А потом два дня пил водку, за куражом пытаюсь скрыть боль. Пил дома, в своей берлоге-гостинке, водичночку.

Все чаще, все привычнее звучали упреки в очернительстве, злопыхательства, и это было настолько нелепо и больно, что мне вдруг стал понятен механизм диссидентства. Диссидентами становятся от обиды. За себя и за державу. И от сопротивления упрямому нажиму. Чем сильнее на меня давят, тем озлобленнее ищу контрбаланс. Фитиль зажжен, и движется потихоньку огонек, пожирая бикфордов шнур времени. Только вот никто не знает, какой длины этот шнур, а значит, и где, когда громыхнет взрыв. И я не знаю. Не знаю даже того, будет ли этот взрыв или всё закончится обыкновенным цинизмом, пьянством, душевным развратом.

Время от времени в памяти всплывал "металлист" из передачи Стаса Корнейко:

- Не верю! Ни одному слову не верю! Столько лет эти люди ввали, а теперь стали перестройщиками? Не верю!

И я не верю. И хохочу над постановлениями обкома, в которых он делает вид, что может хоть как-нибудь повлиять на жизнь. Год назад бюро пыталось остановить рост цен. Смешно. Сейчас они выработали меры по указанию т. Рыжкова: "до 1 мая разработать демократические основы управления сельском хозяйством". Господи, какое ту-поумие.

И это они пытаются взять меня в свои руки. Меня - живого, на четвертом десятке, прекраснейшем возрасте совпадения желаний и возможностей. Да ни за что!

Пьяный, достал свой фотоархив, особенно внимательно разглядывая снимки родителей. Они там в моем возрасте, даже чуть помоложе. Что-то хотелось найти в них, какой-то ответ, пророчество, собственную судьбу. Как есть - в беспорядке - перелистав в фотографиях и собственное прошлое: школа, дети, армия, Барнаул, Кемерово, БАМ, Крым, Ленинград... В ИПХ-ском архиве снова споткнулся об откровения Евстолий:

- Что наша жизнь? Сон. Только сон. Вот, бывает, проснешься, захочешь вспомнить... А что вспоминать? То ли было, то ли не было - сон.

Этюд дилетанта об экологии

*Tempora mutantur, et nos mutamus in illis.
Меняются времена, и мы меняемся с ними.*

...”и благословил Бог Ноя и сынов его и сказал им: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю; да страшатся и да трепещут вас все звери земные и птицы небесные, все, кто движется по земле, и все рыбы морские: в ваши руки отданы они ” (Быт. 9, 1-2).

Так ли, Господи? Разве не устроил Ты человека подобно всем тварям Твоим и не вложил в него такую же душу живую, жаждущую жить и размножаться, не заботясь о судьбе Земли, на которую Ты его послал?

Ведь люди до Ноя и после Ноя жили на плоской земле без конца и края, охотились на зверей, ловили птиц и рыб, приручили себе домашний скот и научились возделывать землю, сажать на ней виноград и сеять хлеб. Солнце поднималось над ними на востоке и опускалось на западе. Это видели все они, включая Аристотеля и Птоломея, и не сомневались, пока наука в лице Коперника не доказала, что Земля круглая и вращается вокруг Солнца, а не наоборот. И только мы теперь, поверив в науку, нерушимо убеждены в этом.

А за тысячи лет до Ноя, в допотопное время, люди - или предки людей - не знали, что они венец творенья и не чувствовали себя ни умней, ни сильнее других тварей. Они с трепетом поклонялись могучим животным. Их боги были звероподобны. Они были охотниками, но перед тем

как убить крупного зверя, молились ему и просили у него прощения. Они не знали, что Бог скажет Ною: "все движущееся, что живет, будет вам в пищу" (Быт. 9, 3).

Лишь со времени Ноя человек воцарился над всем, что живет, а открыв Америку, окончательно почувствовал себя владыкой земного шара. "Покорение природы" и "использование природных ресурсов" стало чуть не главной его заботой. В его жизнечувствии эти ресурсы, как милость Божия для сынов Ноя, были неисчерпаемы, и удивление, растерянность постигли его только в середине нашего века, после того как из работ Римского клуба и Массачусетского технологического института уяснилось, что ресурсы могут иссякнуть, а природа - не склад сырья и живет сама по себе.

Антропогенный фактор

Что человек живет не только в природе, но и в истории, понимают далеко не все. Современный экологический энтузиазм порожден не столько заботой о природе, сколько о природных ресурсах. Со времен Мальтуса мы живем в страхе, что будет исчерпан запас плодородия почв, а со времен Либиха - верой, что применение искусственных удобрений позволит нам и дальше наращивать урожайность. Сейчас мы боимся, что будут исчерпаны запасы природной энергии, и готовы добывать нефть буквально со дна морского. Экологически оценивая последствия миллионов тонн углекислого газа, выбрасываемого нами в атмосферу, мы думаем прежде всего об опасностях, связанных с потеплением климата, а говоря об атомной энергии - об опасностях радиации.

На нынешнем этапе развития экологического мышления утилитарный подход к охране внешней среды переживает повсюду. Он однозначно выражен даже у великого идеалиста и русского пионера защиты природы академика Сахарова в его "Размышлениях о прогрессе, мирном сосу-

ществовании и интеллектуальной свободе". Приведем из этих "Размышлений" отнюдь не потерявшую злободневности подглавку "Проблемы геогигиены":

"Мы живем в быстро меняющемся мире. Промышленное и лесотехническое строительство, лесозаготовки, распашка целинных земель, применение ядохимикатов - это все неконтролируемым стихийным образом меняет облик земли, среду нашего обитания. Научное изучение всех взаимосвязей в природе и последствий нашего вмешательства явно отстает от темпов происходящих изменений. В воздух и воду выбрасывается огромное количество вредных отходов промышленности и транспорта, в том числе канцерогенных. Не будет ли перейден предел безопасности повсеместно, как это уже имеет место в ряде мест? Углекислота от сжигания угля меняет теплоотражательные свойства атмосферы. Рано или поздно это примет опасные масштабы. Но мы не знаем - когда. Ядохимикаты, применяемые в сельском хозяйстве для борьбы с вредителями, проникают в тело человека и животных как непосредственно, так и в виде ряда видоизмененных, еще более опасных соединений оказывают очень вредное влияние на мозг, нервную систему, кроветворные органы, печень и другие органы. Тут тоже нетрудно перейти предел, но вопрос не изучен, и очень трудно управлять этими процессами. Применение антибиотиков в птицеводстве способствует выработке новых форм болезнетворных микробов, устойчивых к антибиотикам.

Я мог бы упомянуть о проблеме сброса моющих веществ и радиоактивных отходов, об эрозии и засолении почв, о затоплении лугов, о вырубке лесов на горных склонах водоохранного значения, о гибели птиц... и о многих других примерах неразумного хищничества, вызванных приматом местных, временных и эгоистических интересов, а иногда и просто вопросами ведомственного престижа, как это имело место в печально знаменитой проблеме Байкала. Проблемы геогигиены очень сложны и многообразны, очень тесно переплетаются с экономическими и социальными проблемами. Их полное решение в национальном и, тем более, местном масштабе поэтому невозможно. Спасение внешней среды обитания действительно требует преодоления разобщенности и давления местного интереса. Иначе СССР отравит США своими отходами, а США отравит СССР своими. Пока это - гипербола, но при возрастании количества отходов на 10% ежегодно за 100 лет общее возрастание достигнет двадцати тысяч раз".

Сахаровские "Размышления" безусловно несомы заботой о судьбе человечества и в этом смысле гуманны. Однако они направлены меньше всего на прогресс. Главное в них - польза человеческого рода, ради которой необходимо преодолеть разобщенность и сохранить хотя бы интеллектуальную свободу. (За невозможностью допустить, чтобы каждый охотился за любым зверем и самовольно выбрасывал куда ни попало все, что ему не нужно.)

Наши недавние предшественники от Колумба и Васко да Гамы до Кука и гумилевских капитанов уже знали, что Земля круглая. Но в их жизнечувствии, как в жизнечувствии Геродота и Тацита предела ей не было. За гранью покоренных и обработанных античной культурой земель все еще простиралась "терра инкогнита", земля неведомая, залежи неисчислимых богатств, "эльдорадо", быть может, земля обетованная.

Только наше поколение начинает наконец понимать, что земной шар мал и беден, что природные ресурсы ограничены и хозяйствовать нужно рачительно. Но можем ли мы понять, что экологический утилитаризм, как наказ вести себя разумно "для своей же пользы", тоже нужно отбросить, что комплекс всего живого, который впервые Вернадский назвал "биосферой", - не просто пространство, в котором, питаясь друг другом, обитают живые твари, а и сам есть живое существо, возрастающее в процессе миротворения? Ибо жизнь биосферы - не отдельная жизнь бесчисленных составляющих ее тварей, но *общая жизнь всех их вместе*, в дружбе и во вражде, в солидарности и в борьбе, в зарождении и умирании, в пространстве и во времени.

Биосфера, живая природа, включая и человека, эволюционирует, меняется, живет в истории. И мы только недавно заметили, что история начинается вовсе не с письменности, что кроме истории человеческой есть еще история Земли (и даже Вселенной), что записанной истории царей и государств предшествовал не так называемый "доисторический период", а все та же живая история.

Вот упрощенная схема последнего миллионолетия истории Земли, короткого периода, в течение которого развернулась история человечества от антропоида, впервые создавшего себе искусственные орудия, до современного числового управления. Этот короткий период характеризуется - как показано на нашей схеме - головокружительным ускорением, начиная с конца верхнего палеолита.

Это ускорение разбежалось по-настоящему примерно десять тысяч лет назад с революцией, перед которой крушение древнего мира, переселение народов и рождение демократии, и уж подавно наш злосчастный Октябрь, ровно ничего не весят. "Неолитическая революция", как окрестил ее Гордон Крэг, это - земледелие и скотоводство, открывшие возможность накопления крупных запасов пищи, а с ними политической власти и неведомой до того социальной стратификации, на базе которой возникла государственность с ее претензией управлять ходом истории, родилась технология эксплуатации природы и культура как созидание искусственной среды обитания.

Эта революция отнюдь не была насильственным низвержением существующего социального строя. До нее и строя-то никакого не было. Но именно она-то и породила социальный строй, человеческое общество, способное воздействовать на природу, в теперешнем экологическом мышлении осознанному как *"антропогенный фактор"*.

Экология природы и экология культуры

Время Ноя помещается на нашей схеме совсем вправо внизу, где-то на рубеже неолита и исторического периода, там, где начинается культура, а с нею антропогенный фактор. Культура преобразует природу. И совершенно правы были наши ленинградские неформалы, когда, не оглядываясь на зарубежных зеленых, стали издавать "Вестник экологии культуры" и на одном дыхании говорить о *природе и культуре как единой среде нашего обитания*. И

составляя антологию издаваемой неформальными объединениями независимой журналистики за 1987-88 гг., мы с искренним сочувствием писали:

"Понятие "экология" - вполне согласно первоначальному эллинскому смыслу слова - в оппозиционной субкультуре Ленинграда сознательно рассматривается как целостный "ойкос". И это очень удачно выражено в самом названии издаваемого там неподцензурного журнала: "Вестник совета по экологии культуры". Для кругов, поддерживающих журнал, спасение культурного наследия должно идти рука об руку со спасением природы. И здесь мы встречаем сочетание живой любви к природе с любовью к родному городу, сочетание подлинно патриотическое".

Приведем в качестве иллюстрации напечатанное в № 8/1988 "Вестника" письмо, полученное редакцией из Рязани: "На протяжении девяти веков Рязань строилась вдоль высокого берега Оки, и ее, обращенное к реке лицо, несмотря на все потери и искажения, представляет собой уникальный памятник градостроительства; на расположенном в пойме Оки Большом Борковском острове еще скрываются остатки варварски уничтожаемого археологического комплекса поселений (начиная с десятого тысячелетия до н. э.), на беду расположенного по песчаным дюнам - поставщикам промышленных материалов, что очевидно и стало причиной таинственного исчезновения памятника с государственной охраны в ходе разработки карьера... Рязань - один из немногих городов СССР, сохранивших свое культурное наследство. Мы не имеем права потерять его..."

Конечно, из Греции, где гибнет самый мрамор Акрополя, можно было бы написать письмо и потрагичней, чем из Рязани. Археологи знают, как загазованный воздух Афин неудержимо разрушает кариатиды Эрехтейона. Да что там Эрехтейон! - разрушается всё, созданное человеческими руками, и похоже, что недалек тот век, когда под воздействием изуродованной человеком атмосферы развалятся и египетские пирамиды, и китайская стена.

Предсмертные стихи Державина (по-видимому, начало оды):

"Река времен в своем теченьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.

А если что и остается
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы!"

Все, что во времени, - временно, и сколько бы мы ни хлопотали, все музеи и заповедники пожрут жерлом державинской вечности. Наследие Аполлона и Марса исчезнет, как исчезли динозавры и мамонты. Значит ли это, что защита африканских слонов бессмысленна, что музеи не нужны и не стоит заниматься историей? Наоборот, очень хорошо, что статую Марка Аврелия в Риме отреставрировали, убедившись попутно, что она была позолочена. И конечно, хорошо, если в Европе удастся сохранить гнезда аистов, а в пустыне Калахари - последних бушменов.

Только давайте не будем думать, будто экология - всего лишь охрана природы от вредоносного воздействия человека. Охранительная экология безусловно нужна, но еще нужней *экология творческая*, возможности которой безмерно расширила современная научно-техническая революция.

* * *

"Ойкос"- по-гречески значит "дом". От этого слова в современных языках сконструированы названия двух наук, сначала "экономии" (ойкос - дом и номос - закон), а теперь еще и "экологии" (ойкос - дом и логос - слово, учение, наука). Экология - наука о доме как среде обита-

ния, о взаимодействии живых существ с окружающей их средой. Наука еще молодая, не вполне сложившаяся, но уже поставленная перед задачами всемирного значения.

Ибо хоть история Земли началась не с человека, но без человека она складывалась стихийно, в рассеянном, рассредоточенном времени, под господством консервативного начала, в неустанном повторении особей, в миллионлетнем ритме естественного отбора, биологической эволюции, в таинственном бессознательном влечении к усложнению стихийно совершенствующегося бытия. С человеком в земное бытие вошел фактор отчетливого сознания, над биосферой возникла ноосфера, в которой бессознательная целесообразность дополнилась сознательной целенаправленностью.

Если "средой обитания" назвать непосредственно окружающую данную популяцию природную среду (для микроорганизмов "Бульон"), то это будет верно для животных и растений, но лишь отчасти верно для человека. Ибо человек, начиная с пользования орудиями и устройства жилья, начал обитание в искусственной, им самим создаваемой среде, а научившись земледелию и скотоводству, начал преобразовывать природу, сам еще не понимая этого.

У высших животных и птиц есть много человеческих черт, а у человека - много дочеловеческих: человек укоренен в биосфере. Однако специфически человеческое не в ней, а в ноосфере, в сфере духа и разума. Крупнейший зоопсихолог нашего времени Конрад Лоренц пишет, что гуси несравненно глупее, чем люди, но чувства у них такие же, они также заботятся о семье, также любят и ненавидят, соперничают и хитрят, радуются и огорчаются. Биосфера полна эмоций, но мысль рождается только в ноосфере. Человек - продукт эволюции органической жизни, но он же и первый сознательный, а следственно и ответственный деятель этой эволюции. Он дитя природы, но он также и дитя истории. Он двуедин по естеству и судьбе, он живет не только животной, но и духовной жизнью.

Его обиталище двуедино, и за промышленные выбросы, от которых гибнет афинский Акрополь, он несет такую же ответственность, как и за гибель губок в Эгейском море.

Человек может думать вперед, и современная техника дает ему в руки средства как губительные, о которых так звонко кричат зеленые, так и спасительные. Вспомним, что наш землепашец со своей лошадью и плугом еще сто лет назад был куда ближе к своему доисторическому собрату, нежели к современному фермеру с его комбайнами и ходоильниками. А последнее достижение интеллектуальной техники, компьютеры с их записывающими и печатающими устройствами уже взорвали самую возможность подавления еще десятков лет назад свирепствовавшего в нашей стране подавления самостоятельной мысли.

Со времени неолитической революции человек отстраивает свою культуру, стихийно воздействуя на природу. Ныне пришла пора *гармонизировать эту культуру с природой.*

Экологическое сознание

"Мы не нужны природе, это нам нужна природа!" - пустозвонная фраза ориентированных на "новую левую" европейских "зеленых". Конечно, антропогенный фактор изначально себялюбив. Но он не всегда разрушителен. На место разрушающихся памятников старины строятся новые архитектурные шедевры. На место диких зверей выводятся одомашненные. В течение сотен тысячелетий наши далекие предки умели только пользоваться тем, что давала им природа. За последние десять тысяч лет они научились строить собственный ойкос, устраивать собственную среду обитания. Из дикого шиповника они вывели царственную розу. Из волка - верного друга собаку. Руками наших эллинских предков был создан гибнущий ныне Акрополь, и разве не наши уже совсем близкие предки понастроили всюду храмов, великолепных, да и попроще, на площадях наших столиц и в деревенской природе,

как написал о них Солженицын ("Путешествуя вдоль Оки"):

"Пройдя проселками Средней России, начинаешь понимать, в чем ключ умиротворяющего русского пейзажа.

Он - в церквах. Взбежавшие на пригорки, взошедшие на холмы, царевнами белыми и красными вышедшие к широким рекам, колокольнями стройными, точеными, резными, поднявшиеся над соломенной и тесовой повседневностью - они издали - издали кивают друг другу, они из сел разобщенных, друг другу невидимых, поднимаются к единому небу. И где бы ты в поле, в лугах ни брел, вдали от всякого жилья, - никогда ты не один: поверх лесной стены, стогов наметанных и самой земной округлости всегда манит тебя маковка колоколенки то из Горк Ловецких, то из Любичей, то из Гавриловского".

Сравните мысленно этот пейзаж с допотопной тайгой, которая была здесь до прихода крещеного человека. Нет, мы не только портим природу, иногда мы ее совершенствуем. Эстетика - интегральная часть ноосферы. Поклонение красоте возникло и раскрывается вместе с нею: взгляните хотя бы на наскальные рисунки Верхнего палеолита, особенно на изображения диких козочек в доисторических пещерах Пиренеев! Восхищение Красотой родилось еще до восхищения Добром и Истиной. Жажда красоты с самого начала пошла рука об руку с потребностью жрать и размножаться. Не будем забывать о ней в наших экологических размышлениях.

* * *

Стремление предотвратить исчезновение китов и крокодилов, как и увлечение охраной, а то и реконструкцией памятников старины, любовь к живой природе, как и любовь к историческому наследию, коренится в эстетике. И борьба международного общества "Зеленый мир" против избиения тюленьих детенышей в Канаде столь же трогательна, как демонстрации ленинградской молодежи (в

марте 1987 г.) за сохранение гостиницы "Англетер", в которой повесился Сергей Есенин.

Но пробуждение современного экологического сознания вызвано только отчасти эстетическими потребностями. Оно питается главным образом страхом перед начавшимся уже давно, но в последние десятилетия катастрофически ускоряющимся процессом антропогенного разрушения атмосферной и водной среды, в ходе которого перерождение или гибель того или иного объекта, будь то животное, растение или камень, лишь неизбежное следствие.

Этот глубинный спасительный страх нарастает и, на мой взгляд, начинает уже вытеснять апокалипсические страхи перед новой мировой войной или последствиями радиации в результате катастроф наподобие Чернобыльской. Этот страх толкает власть имущих к принятию защитных мер, все более эффективных в индустриальных странах и заведомо недостаточных в странах социализма и так называемого "третьего мира".

Но этот страх действует и на общество. Упомянутый нами "Зеленый мир" отнюдь не единственная ассоциация, ведущая борьбу за геогигиену. В последние годы содружества такого рода растут, как грибы после дождя. Путем парламентского и внепарламентского давления они побуждают правительства воздействовать на экономику, в которой нельзя не видеть главной виновницы разрушения среды. Взаимосвязь между обществом, государственным управлением и общественной деятельностью естественно ставит вопрос об экологической политике, а иначе говоря, о рамках разумного хозяйствования, руководящегося по-прежнему коммерческим интересом, но вынужденного подчиняться требованиям сохранения среды обитания.

* * *

Человек, а точнее род человеческий, ответствен за ход дальнейшей жизни на земле. Задача экологической полити-

ки отнюдь не торможение, а дальнейшее развитие культуры и природы. Остановить течение реки времен невозможно, да и не нужно.

Пробуждающееся в наше время экологическое сознание приняло преимущественно, как сказано, охранительный характер. Между тем, задача не просто в охране природы, как она есть сегодня, и не в сохранении культурного наследия в том виде, в каком оно оставлено нам предками. Разумеется, нужны и заповедники и музеи, но не в них дело. *Задача экологической политики устройство нашего ойкоса, устройство общего дома, в котором мы обитаем вместе со всей другой тварью, с животными, растениями, бактериями, камнями, со всей живой и мертвой природой*, сознавая при этом, что на планете Земля нет инстанции, способной властно определить ход этого устройства, но что и в условиях многовластия каждая отдельная власть может сделать немало в сфере своих полномочий, имея к тому же и - пусть ограниченную - возможность влиять на поведение соседей.

И здесь перед всем человечеством, а в частности перед нашей страной и лично перед каждым из нас стоит *задача творческая*. Если у рода человеческого есть земная задача, то это задача совершенствования Творения духовного, разумеется, но также и материального совершенствования всего живого, с которым вместе мы рождены в этот мир. Недаром же, когда Ной выходил из ковчега, "сказал Бог Ною и сынам его с ним": "вот Я поставляю завет Мой с вами с потомством вашим после вас, и со всякой душою живою, которая с вами, с птицами и со скотами, и со всеми зверями земными, которые у вас, со всеми вышедшими из ковчега, со всеми животными земными" (Быт. 9, 9-10).

Со всеми! Не только с людьми, права которых перечислены в тридцати статьях "Всеобщей декларации прав человека", но "со всякой душою живою", со всеми тварями, включая злополучного цыпленка, который, как поется в песенке, оказывается, "тоже хочет жить".

В переводе на язык современности этот завет можно

назвать попечением или уходом за всем накопленным в биосфере генофондом, за всеми видами, подвидами, семействами и породами, за всеми носителями наследственности и источниками возникновения все новых живых существ, понимая под попечением как сельскохозяйственную практику ухода за скотом и посевами, так и заботу о среде обитания всех живых тварей. Перед современным экологическим движением все яснее обрисовывается задача не столько сохранения вымирающих видов, сколько сохранения атмосферной и водной среды, как первоусловия самой возможности жизни, иначе говоря, задача *"регуляции природы"*.

Регуляция природы

О регуляции природы, - правда, в совершенно ином контексте, - у нас в России впервые заговорил Н. Ф. Федоров, своевольный эсхатологический мыслитель, впечатливший Достоевского и Владимира Соловьева и оставивший нам *"Философию общего дела"*, без сомнения оказавшую влияние на Бердяева. Экологии при жизни Федорова (1828-1903) еще не было, но его формулировки, - *"повиноваться природе для разумного существа значит управлять ею"* и *"сего ради и создан человек"*, - понятны нынешним поколениям лучше, чем его современникам. В них человек не посягает стать царем природы. Он призван не к господству, а к повиновению ее законам, но как разумный управитель он нужен природе, так как *"космос нуждается в разуме, чтобы быть космосом, а не хаосом"*.

Федоровская *"регуляция природы"* продиктована ему не заботой о природных ресурсах и процветании рода человеческого. Его мышление религиозно, эсхатологично, а по его собственному выражению *"проективно"*. *"Философия общего дела"* написана как парадоксальный (а если хотите, безумный) проект воскрешения усопших отцов. (Комментировать его здесь не место.) Путь к нему - преодоление *"небратских отношений"* и создание братства

всего живого, ибо сегодня "история есть разорение природы и истребление друг друга".

"Философия общего дела", конечно, призыв к пересмотру нашего отношения к собственной среде обитания и - что еще важнее - к собственной культуре, создающей эту среду. Но куда поведет этот пересмотр? Возможен ли он вообще? Может ли современный человек отказаться от утилитарного подхода к тому, что он делает, и чем его заменить?

Не будем заниматься самообманом. Быть может, человеческая природа изменяема, и Божественный дух в конечном счете перевесит в ней животное начало. Но сегодняшний человек, при всем превосходстве над своими животными собратьями, продолжает принадлежать к отряду приматов и, подобно своим зоологическим родственникам сохраняет пятипалые хватательные конечности, питается растительной и животной пищей и размножается круглый год, рождая одного-двух и очень редко трех и больше детенышей. В своем животном естестве человек прежде всего озабочен продолжением рода, прилежно исполняя завет: "плодитесь и размножайтесь и наполняйте землю и обладайте ею" (Быт. 1, 26 и 9, 1). В исполнение этого завета человечество в последние два века преуспело до чрезвычайности, и в этом успехе, по нашему суждению, заложено начало переживаемой сейчас смены времен.

* * *

Перенаселение, сверхпопуляция определенного региона определенным биологическим видом, будь то животные, растения или грибы, влечет за собой усиление внутривидовой конкуренции, а у высших животных, включая и человека, еще и внутривидовую агрессию. Лишние особи изгоняются из данного региона и вынуждены искать себе новые места и новые способы обитания, новые "экологические ниши". В биологической эволюции это вело до сих

пор к возникновению новых подвигов, а в ходе человеческой истории к заселению новых материков и образованию новых культур и народов. Надеяться, однако, вслед за Федоровым, что нам предстоит "не только посетить, но и населить все миры вселенной", пожалуй, рановато. Подходящих для нашего поселения миров пока не найдено, а безумие бездумного размножения - главная движущая сила надвигающейся на наш здешний мир экологической катастрофы. *Завет Творца плодиться и размножаться*, данный всему живому и пятикратно повторенный в Книге Бытия (1, 22; 1, 28; 8, 17; 9, 1; 9, 7), *родом человеческим невыполнен. И если говорить о регуляции природы, то начинать надо с регуляции дальнейшего численного роста именно человеческого рода.*

Так выходит, что Библия устарела? И да, и нет. Помнится, что Спиноза в "Богословско-политическом трактате" разъясняет, что Сам Господь Бог даже со своими избранныками говорил на их языке, сообразуясь с их положением и средой обитания. Со времен Адама и Ноя прошли тысячелетия, положение изменилось, и люди, наполнив собою Землю, сами многое изменили и многому научились. Их владычество над природой еще далеко не полное. Но регулировать собственное размножение они, в принципе, могут, и, думается, римский Папа не прав, запрещая противозачаточные средства. В развитых странах ими пользуются и будут пользоваться, невзирая на запрещения, а в неразвитых их надо вводить, причем энергично и срочно как в интересах населяющих их народов, так и в интересах всей биосферы.

Задача экологии сегодня не просто изучение различных экосистем и увлекательная борьба за сохранение богатейшего генофонда нашей чудесной планеты. И не столь же увлекательный уход за созданными в течение тысячелетий приобретениями культуры. Сегодняшняя задача трудней и проще: это задача предотвращения катастрофы, к которой ведет разбежавшееся в геометрической прогрессии размножение человеческого рода, автоматически влекущее за

собой угрозы истощения природных ресурсов, голода, засорения поверхности планеты отбросами жизнедеятельности чрезмерного числа человеческих особей, отравление воды и воздуха, а в дальнейшей перспективе гибели в итоге разрушения среды обитания. Чтобы предотвратить катастрофу, надо, во-первых, как можно резче затормозить рост человеческого населения Земли, а во-вторых, *гармонизировать экономику и экологию.*

Экологическая политика

Часть 3-я "Программы НТС" посвящена народному хозяйству и начинается со слов:

"Создавая всё новые возможности решающего влияния на судьбы Земли, современная научно-техническая революция вносит коренное изменение в отношение человека к природе, требует пересмотра основ мирового хозяйства.

Вооруженный современным научным знанием, человек отныне - не только хозяин, но и слуга планеты Земля. На нем лежит ответственность за ее благоустройство и процветание. Его деятельность должна служить не только ему самому, но и всему живому. Его хозяйствование в мире превращается в мировое хозяйство. Экономика становится в полном смысле слова домоводством, управлением делами Земли. Задача эксплуатации уступает место задаче регуляции, обогащение человеческого рода идет рука об руку с обогащением природы" (гл. 19).

За этими словами целых восемь глав посвящены солидаристическому взгляду на восстановление народного хозяйства России. Текст этих глав был принят Советом НТС в 1975 году и в последней 28 главе кончается постановкой задачи: "7. Восстановление нарушенного режима в использовании природных богатств, включая охрану плодородия почвы, водного и лесного хозяйства. Исследование и освоение природных богатств России, в частности пустующих районов, для создания новых хозяйственных баз".

Прошедшие с тех пор десять лет дальнейшего застоя и пять лет перестроечных обещаний были в этом отношении бесплодны, и призрак экономической и экологической катастрофы навис над нашей страной. Да и призрак ли? Не вступили ли мы уже в то роковое состояние, когда гнетущий дефицит и отравление среды влечет за собой рост внутривидовой агрессии, толкающий к переходу от равнодушного безразличия друг к другу к взаимному озлоблению и готовности перегрызть горло ближнему? Катастрофическое разрушение среды обитания в перенаселенных городах и пригородных зонах провоцирует войну всех против всех. И хоть пустующие земли у нас есть, освоение и заселение их требует реальной децентрализации управления и реального раскрепощения хозяйственной деятельности.

Ни то, ни другое в рамках социализма произойти, очевидно, не может, и луч надежды, кажется нам, просвечивает лишь в разблокированном горбачевской гласностью *возрождении гражданского сознания*, в желании жить не по лжи и в обращении лучших сынов России к унаследованным от предков национальным и религиозным святыням, но также и в диктуемой современностью озабоченности будущим всей планеты и всего человечества, подсказавшей академику Сахарову "Размышления", из которых мы привели выше подглавку и о геоигиене.

Ибо искомая *гармонизация экологии и экономики неосуществима в пределах традиционных независимых государств* силами независимых друг от друга народов. Движение воздушных масс не зависит от независимых правительств. Выбросы любых газов распространяются по всей атмосфере, а вредоносные вещества, сбрасываемые в реки, выходят в конечном счете в мировой океан. Уничтожение лесных массивов, будь то в Бразилии или в Сибири, отражается на кислородном балансе всего земного шара, а сжигание каменного угля, будь то в Америке или в Европе, - на углекислом. И отказываясь от забот о политической судьбе Эфиопии, Анголы и Мозамбика, мы не имеем

права отказываться от заботы об экологической судьбе африканского континента.

Складывающееся в нашей стране экологическое сознание несомненно сейчас национальной и гражданской солидарностью, пониманием своей укорененности в родной истории и родной природе. Наша главная задача сейчас - восстановление России, духовное и физическое. На сегодняшний день наши дела так плохи, что нам не до Эфиопии. Мы не в силах мыть чужих детей, когда свои не мыты.

Но если мы останемся русскими, то оправившись мы непременно вернемся к Эфиопии и постараемся искупить вину большевиков перед несчастным эфиопским народом. Убрав свой дом, мы не откажемся от уборки Земли, на которой живем вместе со всеми народами.

Александр ШТРОМАС

Приватизация*

Развернувшаяся в советской печати дискуссия о приватизации одновременно и обнадеживает, и настораживает. Обнадеживает потому, что все без исключения профессиональные авторы четко осознают необходимость приватизации, справедливо видят в ней единственное средство обеспечения жизнеспособности советской экономики. Настораживает же удивительная робость и половинчатость выдвигаемых советскими авторами "приватизационных" предложений. Так и сквозят в них непреодоленные в сознании пережитки реального социализма, а еще более - страхи: страх перед народом, который якобы не поймет и не примет приватизации, а, пуще того, - перед начальством, которое, если его спугнуть слишком радикальными мерами, может вообще запретить всякое обсуждение этой темы. Страхи эти калечат мысль, и в результате на свет один за другим появляются предложения-уроды, предложения-"чего угодно" и "как бы чего не вышло". Боюсь, что следование таким предложениям на практике может привести к вполне катастрофическим последствиям, подобным тем, что обрисованы в старом, но весьма популярном анекдоте о том, как Политбюро, прослышав о высоких показателях безопасности движения в Англии, решило в порядке эксперимента перевести половину дорожного движения в СССР на левостороннее, оставив другую его

* Авторское название статьи: Как следовало бы осуществить приватизацию советской экономики: взгляд со стороны.

половину по-прежнему двигаться по правой стороне... Эта боязнь и побудила меня включиться в обсуждение проблем приватизации советской экономики - проблем, от решения которых в конечном итоге зависит успех процесса ликвидации тоталитаризма и утверждения плюрализма и демократии в СССР.

Рассуждая о приватизации, необходимо раз и навсегда усвоить ту простую истину, что государство является исключительно политическим институтом и что в качестве такового оно не может одновременно быть также и субъектом хозяйственной деятельности. В нормальных странах западного типа хозяйственная деятельность является исключительной прерогативой гражданского общества, в то время как государство законодательно регулирует эту деятельность и обеспечивает - предусмотренными законом и иногда весьма суровыми мерами - подчиненность ее закону.

Правовое государство, хотя оно и обладает суверенной властью, не вправе осуществлять конфискацию чьего-либо имущества. Конфискация имущества не мыслима в нем даже как мера уголовного наказания. В правовом государстве собственность является исключительно частным правом, которое государство обязано обеспечивать и охранять, но которое даже для него абсолютно и неприкосновенно.

Правда, наряду с взиманием налогов и сборов, некоторые современные демократические государства (например: Великобритания, Франция, Германия) присвоили себе право в строго определенных законом случаях производить принудительный выкуп (национализацию) земельных участков, отдельных предприятий и даже целых отраслей промышленности. Земельные участки обычно принудительно выкупаются для строительства дорог, аэродромов и объектов военного назначения. Предприятия же и отрасли промышленности национализируются, как правило, только тогда, когда им в условиях рынка угрожает банкротство, но государство считает необходимым, в силу высших ин-

тересов страны, спасти их от ликвидации. Так, например, в Великобритании с помощью национализации была спасена от ликвидации знаменитая фирма Роллс-Ройс, производящая самые совершенные в мире двигатели, но временно не способная с прибылью продавать их на массовом мировом рынке. Английский парламент счел необходимым сохранить в составе национальной экономики страны фирму, являющуюся флагманом мирового автомобилестроения и производства двигателей внутреннего сгорания, несмотря на ее нерентабельность. В тех же "спасательных" целях была национализирована и потерявшая конкурентоспособность на мировом рынке угледобывающая промышленность Великобритании. Парламент решил, что самообеспеченность страны топливом должна быть сохранена, независимо от того, насколько это коммерчески рентабельно.

Национализация не превращает, однако, государство в субъект хозяйственной деятельности. Государство отнюдь не изымает национализированные предприятия из гражданского общества, а, наоборот, путем предоставления им бюджетных субсидий обеспечивает возможность дальнейшего сохранения этих предприятий в его структуре. Национализированные предприятия таким образом по-прежнему продолжают действовать на свободном рынке, осуществляя свою хозяйственную деятельность совершенно самостоятельно и на точно таких же основаниях, как и частные предприятия. Иными словами, никаких государственных планов они не выполняют и никаким министерствам не подчиняются, а руководствуются, как и остальные предприятия, законами рынка. Необходимо отметить и то, что в тех развитых странах Запада, в которых национализация когда-либо вообще проводилась (во многих странах, в том числе США и Японии, к ней не прибегали никогда, пользуясь менее радикальными методами субсидирования как для рыночного выживания временно нерентабельных, но необходимых стране предприятий, так и для экспорта продукции многих вполне рентабельных предприятий), она всегда рассматривается как временная

мера - национализированные предприятия, по мере восстановления их рыночной жизнеспособности, немедленно реприватизируются.

Из вышеизложенного следует, что выполняемая в СССР государством роль безраздельного собственника средств производства и управляющего всей экономической жизнью страны не имеет аналога в мировой практике естественно сложившихся и успешно функционирующих хозяйственных систем и что для того, чтобы СССР смог вернуться в изначально-нормальное экономическое состояние, в нем необходимо осуществить не просто выборочную или частичную, а поистине *сплошную* приватизацию. Приватизировать в СССР необходимо все без исключения государственные, финансовые, промышленные, сельскохозяйственные и торговые предприятия, с тем чтобы полностью устранить государство из сферы хозяйственной деятельности, сохранив за ним лишь роль покупателя-заказчика, наряду с другими юридическими лицами вступающего с соответствующими хозяйственными организациями в добровольные и равноправные гражданско-правовые договорные отношения. И только если какие-то приватизированные предприятия, не выдержав испытания рынком, окажутся на грани банкротства, государству придется решать вопрос о том, допустить ли их ликвидацию или, в исключительных случаях, искусственно вернуть на рынок - то ли посредством ренационализации, то ли посредством иных методов вспомоществования. Ни в коем случае и ни при каких обстоятельствах, однако, государство не должно брать на себя прямых хозяйственных функций, ведущих к восстановлению порочной системы государственного управления и распоряжения экономикой.

К сожалению, никто из советских авторов так вопроса не ставит. В своих "приватизационных" предложениях они полагают чуть ли не естественным оставление каких-то наиболее важных и крупных предприятий не просто в собственности государства, но и под прямым управлением его органов. Такая постановка вопроса сводит, однако, всю

идею приватизации практически на нет. Ведь на самом деле предлагается (хотя прямо об этом и не говорится) сохранить за государством те самые пресловутые "командные высоты" экономики, от поставок продукции и производственно-финансовой политики которых непосредственно зависят успех, технологический уровень, конкурентоспособность и, в конечном итоге, само существование всех остальных предприятий. Значит, государство будет по-прежнему, хотя и в несколько опосредствованном виде, регулировать и контролировать так называемую частную экономику, задавая ей параметры и, в конечном итоге, предопределяя успех или провал деятельности каждого отдельного частного предприятия. Такая приватизация является не более, чем фикцией. При ней на самом деле будут законсервированы наиболее уродливые особенности реального социализма.

По тем же соображениям приватизация должна быть не только сплошной, но и "одномоментной", т. е. проводить ее необходимо единовременно, а не поэтапно, как это предлагают даже наиболее радикально настроенные советские авторы.

Каким же способом следовало бы такую сплошную и "одномоментную" приватизацию произвести? Думаю, что для начала государство должно было бы принять закон о передаче права собственности на *все* принадлежащие ему предприятия самим этим предприятиям как юридическим лицам. Следует особо подчеркнуть, что право собственности должно быть передано именно отдельным предприятиям, а не объединениям, фирмам или другим управленческим структурам, включающим более одного предприятия. Рынок позже сам определит, каким предприятиям окажется выгодным объединиться в более крупные концерны.

Переход права собственности от государства предприятию проще всего осуществить в форме выпуска государством пакета акций на сумму балансовой стоимости предприятия и передачи этого пакета тому же предприятию. Создание рынка капитала и необходимых для его упорядо-

ченного функционирования фондовых бирж будет уже делом самих приватизированных таким образом предприятий, которые выпускают приобретенные ими от государства акции в свободный оборот. Для того, чтобы акции предприятия были доступны любому, кто пожелает их приобрести, номинальная цена одной акции не должна превышать 10-15 рублей.

Передача государством права собственности (в физическом выражении - пакетов акций) предприятиям должна быть проведена отнюдь не безвозмездно. Приняв от государства пакет акций в свою собственность, предприятие становится должником государства на сумму номинальной стоимости этого пакета или, что одно и то же, в размере балансовой стоимости предприятия. Только необходимость выплаты предприятием этой своей капитальной задолженности государству сумеет серьезно заинтересовать любую администрацию предприятия в выпуске находящихся в ее распоряжении акций на свободный рынок и в их максимальной или оптимальной реализации на этом рынке. Сроки же и условия выплаты предприятием своей задолженности государству должны устанавливаться договором, заключаемым между государством и предприятием. В случаях, когда рыночная цена пакета акций окажется меньше балансовой стоимости предприятия, долг предприятия при его окончательном погашении сможет быть соответственно скорректирован.

Само собой разумеется, что перед осуществлением приватизации необходимо произвести новую балансовую оценку предприятия, в процессе которой с его баланса должны быть списаны утратившие полезность амортизационные и другие фонды, в том числе и все еще функционирующее, но морально устаревшее оборудование. Списанные таким образом с баланса предприятия фонды останутся собственностью государства и после осуществления приватизации. Государство сможет либо продать их с аукциона, либо уничтожить.

Идею даровой раздачи государственного имущества

населению страны - то ли в виде паёв (см., например, П. Бунич, "Как разделить государственную собственность", "Известия" № 253), то ли в виде облигаций (В. Рутгайзер, "Как делить государственную собственность", "Известия" № 252) - следует решительно отвергнуть. Ни к чему, кроме гиперинфляции, осуществление такого рода "разделистских" программ не приведет, ибо розданные в виде паёв или облигаций "инвестиционные деньги" являются не чем иным, как просто дополнительно выпущенными в обращение денежными знаками, переизбыток которых уже сегодня без всяких дополнительных эмиссий неумолимо тащит советскую экономику на дно.

Кроме того, даровая раздача государственных фондов отдельным гражданам лишит государство значительной доли правомерно принадлежащих ему средств. Средства же эти, любая доступная копейка вообще, будут совершенно необходимы государству для ликвидации бюджетного дефицита, организации усиленных программ социального обеспечения и финансовой помощи неимущим, создания широкой сети обучения для переквалификации освобождающейся рабочей силы и подготовки работников для вновь возникающих областей рыночно-хозяйственной и государственно-административной деятельности, а также для осуществления других конструктивных задач, в том числе и задач усиления традиционных функций государства, например, охраны правопорядка, которая в условиях свободного рынка значительно расширится и усложнится. Вряд ли необходимо доказывать, что организация выполнения задач такого масштаба по плечу только государству и что те средства, которые оно для этого затратит, будут израсходованы в интересах всех без исключения граждан страны гораздо более эффективно, нежели если бы они в мелких долях осели в карманах самих этих граждан.

Изложенные соображения ни в коем случае не означают, однако, что на идею паёв или облигаций следует вообще наложить табу. Эту идею следует отвергнуть только и исключительно в качестве единого и всеобщего метода

приватизации. Паи или облигации - я буду впредь называть их инвестиционными чеками - имеет смысл безвозмездно выдавать отдельным гражданам в тех республиках, в которых общая стоимость приватизируемых предприятий на несколько порядков превышает общую сумму находящихся в республиканском обращении (в том числе и в накоплениях и сбережениях граждан) денежных средств. По всей вероятности, к числу таких республик будут отнесены Россия, Украина, Белоруссия и Казахстан; вряд ли - республики Прибалтики и Закавказья, Молдова и Таджикистан. Сумма, на которую инвестиционные чеки будут в этих республиках выпущены, отнюдь не должна покрыть всю разницу между стоимостью приватизируемого имущества и денежной наличностью. Экономически целесообразным представляется покрытие даровыми инвестиционными чеками не более 40 процентов этой разницы, с тем чтобы остальные 60 процентов "денежно необеспеченных" акций продолжали обращаться на свободном рынке, где их могли бы приобрести граждане и юридические лица не только данной республики, но и других республик и государств.

Очевидно первоначально - например, в течение первых шести месяцев с начала их свободной продажи - право приобретения акций должно быть предоставлено только гражданам соответствующей республики. Можно с достаточной уверенностью предположить, что уже на этом этапе будет продана значительная часть "денежно необеспеченных" акций, так как для приобретения перспективных акций люди будут брать деньги займы, продавать принадлежащие им ценности и т. д., то есть пустят в дело не одни лишь свои свободные денежные средства. А ведь нужно, чтобы к концу срока привилегированной продажи акций гражданам республики достаточное количество акций осталось на рынке для приобретения всеми желающими, в том числе местными юридическими лицами и иностранными вкладчиками капитала.

Не следует также наделять инвестиционными чеками

всех без исключения совершеннолетних граждан республики. Их надо выдавать только наименее имущим, тем, например, у кого доход на одного члена семьи не превышает 180-ти рублей в месяц. Это позволило бы использовать инвестиционные чеки также в качестве частичной компенсации наиболее нуждающимся семьям в связи с неизбежным в условиях перехода к свободному рынку повышением стоимости жизни.

В условиях экономики недостаточной прямой переход к свободному рынку западного типа, увы, невозможен. Невозможен он по той простой причине, что в условиях экономики недостаточной рыночная цена товара или услуги зависит не столько от вложенных в их производство и сбыт затрат (как это происходит на свободном рынке западного типа, функционирующего в условиях экономики избытка), сколько от степени их доступности потребителю, т. е. от того, насколько те или иные товары и услуги являются дефицитными. Поэтому, если в нормальных условиях экономики избытка рост цен более или менее пропорционально отражает рост доходов занятого производительным трудом населения, то в условиях экономики недостаточной свобода ценообразования неизбежно приведет к такому разрыву между ценами и доходами, при котором живущее в основном на зарплату подавляющее большинство населения окажется не в состоянии удовлетворить даже частично свои минимальные потребности в этих товарах и услугах. Чтобы такого разрыва избежать и сделать переход к свободному рынку в СССР максимально безболезненным для населения, переход этот должен сопровождаться введением достаточно действенного механизма компенсации повышения стоимости жизни. Инвестиционные чеки сами по себе выполнить роль такого механизма не в состоянии, хотя какую-то роль в нем они, конечно, сыграют.

Обеспечить решительный и бескомпромиссный переход к свободному рынку и одновременно предотвратить катастрофические последствия неизбежно образующихся "ножниц" между свободными ценами и трудовыми доходами

населения государство может несколькими способами. Наиболее прямой и испытанный способ - временно ввести карточную систему на дефицитные товары и услуги первой необходимости. Сделать это надо будет, однако, так, чтобы не нарушить свободы рыночного ценообразования и тем самым не задушить заинтересованности производителя в максимизации количества и оптимизации качества выпускаемой им продукции, т. е. чтобы обеспечение потребителя минимумом товаров и услуг первой необходимости по доступной ему цене не нарушало права производителя продавать свою продукцию по свободной рыночной цене без всяких ограничений. Иначе говоря, вместо того, чтобы заставлять производителя продавать свою предназначенную для распределения по карточкам продукцию по убыточным для него "твердым" ценам, государство должно будет из своих средств заплатить производителю разницу между подлинной рыночной и субсидированной "карточной" ценой этой продукции.

Допустим, например, что рыночная цена одного батона равна пяти рублям. Какую-то часть этих пятирублевых батонов придется продать на карточки по пятьдесят копеек за штуку. Дабы не нарушить законы рынка, кто-то должен будет возместить булочной, купившей у пекарни батоны за полную стоимость, недополученные ею за каждый проданный по карточкам батон четыре рубля пятьдесят копеек. Этим кем-то и будет государство, которому в этих целях очень даже пригодятся вырученные от продажи предприятий средства. Какую-то часть своей продукции пекарни смогут даже поставлять булочным прямо по "карточным" ценам, списывая при этом разницу между вырученной таким образом и рыночной ценами со своего долга государству. Как в первом, так и во втором случае, однако, плательщиком субсидии потребителю окажется государство, в то время как и пекарня, и булочная будут заниматься нормальной, приносящей им хороший доход рыночно-коммерческой деятельностью.

Однако более целесообразным механизмом компенса-

ции повышения стоимости жизни представляется мне введение предложенного в свое время в этих целях Мильтоном Фридманом так называемого "отрицательного налогообложения". Суть его вкратце сводится к денежной выплате государством разницы между ежедневно рассчитываемым прожиточным минимумом и средним ежедневным реальным доходом человека. Если на первых порах вырученные от продажи предприятий средства окажутся для выплаты такого налога недостаточными, недостающую их часть государство сможет получить через специально для этой цели введенный торговый сбор. Этот механизм более целесообразен потому, что он исключает уравниловку и обеспечивает прожиточный минимум только тем, кто сами себе его обеспечить действительно не в состоянии. Он также более экономичен и, в отличие от карточной системы, даже в опосредованном виде не влияет на уровень продажных цен (кроме некоторого их повышения за счет введения специального торгового сбора). Кроме того, он оставляет за человеком свободу решения, на что употребить полагающиеся ему компенсационные средства - одни пойдут с ними в булочную за хлебом, другие же, может быть, - в парфюмерный магазин за духами. Еще одно преимущество этого налога заключается в том, что, по мере повышения уровня жизни, он самоликвидируется. Карточную же систему государство должно отменить одномоментным волевым актом, который неизбежно нанесет тяжелый удар благосостоянию большого числа людей.

Какой бы из этих механизмов компенсации государство ни избрало, оно должно будет также издать закон, поощряющий благотворительную деятельность религиозных и общественных организаций, а также стимулирующий создание новых благотворительных обществ местного значения, которые смогли бы проводить сборы в пользу наиболее нуждающихся, создавать для них бесплатные столовые, ночлежные дома, помогать в трудоустройстве и, кроме того, принимать деятельное участие в распределении государственных компенсационных средств. Развитие

такого рода добровольной самодеятельности способствовало бы также воссозданию в СССР подлинного гражданского общества, без наличия которого не могут быть успешно внедрены ни свободное предпринимательство, ни свободный рынок.

При осуществлении приватизации изложенными выше методами окажется возможным без всяких сомнений и промедлений произвести полное освобождение всех цен, тотально покончить с удушающей практикой их государственного регулирования. И сделать это необходимо не в каком-то более или менее отдаленном будущем, а *одновременно* с самой приватизацией и, конечно же, для всех без исключения товаров и услуг. Приватизация и осуществленное вместе с ней раскрепощение цен раз и навсегда покончат с проблемой дефицита в стране и обеспечат в ней сравнительно безболезненный переход от экономики недостатка к экономике избытка.

В процессе формирования свободного рынка товаров, услуг, но главным образом капитала, неизбежно произойдет и унификация, а также стабилизация рубля. Рубль, наконец, обретет свою подлинную цену и эквивалентность этой цены по отношению к другим мировым валютам. Идея некоторых советских авторов (в том числе и авторов плана Шаталина - Явлинского) о необходимости начинать экономическую смену со стабилизации рубля и, лишь добившись ее, переходить к приватизации и освобождению цен, к сожалению, обречена на провал. Без всеобъемлющего частного рынка выявление подлинной цены какой бы то ни было валюты, а тем самым и ее стабилизация, принципиально невозможны. Начатый с попыток стабилизации рубля, процесс экономической смены неизбежно увязнет в неразрешимых при существующих условиях финансовых проблемах и к самой приватизации так никогда и не подойдет.

Приватизация потребует также *одновременного* перевода рубля в разряд свободно конвертируемых валют. Важно, чтобы такой перевод был осуществлен сразу, не

дожидаясь даже относительной стабилизации рубля. Частная собственность способна сыграть роль мощного стимулятора экономики только при условии, что выручку за произведенные товары и услуги хозяин получает в полноценной валюте и ею же оплачивает труд своих сотрудников. Поэтому без конвертируемой валюты приватизация может оказаться вполне фиктивным мероприятием. Во-первых, сохранив безраздельный контроль за денежным обращением в стране, государство по-прежнему сможет вмешиваться в хозяйственную деятельность, задавать ей директивный тон. Во-вторых, вновь появившиеся частные собственники, хоть и повязанные по рукам и ногам государством, будут всеми доступными им средствами и связями стремиться к тому, чтобы главным образом удовлетворять валютный спрос на их товары и услуги и не станут слишком рьяно откликаться на спрос местного рынка, рынка, где по-прежнему обращается неконвертируемая, т. е. попросту неполноценная (но зато надежно контролируемая властями), валюта. Так что и конвертируемость нельзя откладывать в долгий ящик; ее тоже придется осуществить совместно с приватизацией, т. е. уже на самом первоначальном этапе экономической смены. Конвертируемость рубля, кстати говоря, окажется также и решающим фактором его унификации и стабилизации. Кроме того, конвертируемость рубля мгновенно обеспечит огромный приток в страну иностранных капиталовложений, а вместе с ними и передовой западной технологии, столь жизненно необходимой для преодоления феноменальной отсталости СССР не только от передовых стран, но и от самых неразвитых и бедных стран Азии и Африки - я, конечно, имею в виду только те из них, что всегда находились в западной экономико-технологической сфере.

Итак, сплошная и единовременная приватизация, сопровождаемая полной и не знающей исключений свободой рыночного ценообразования и конвертируемостью рубля - вот тот путь, встав на который можно реально и плодотворно осуществить программу экономической смены в

СССР и, в конечном итоге, достичь в нем благосостояния, достойного цивилизованной страны.

Настоящие соображения представляются мне вполне элементарными и очевидными. То, что они в прямом, несусежном виде не фигурируют в советских проектах экономической смены, объясняется, по-моему, не экономическими и даже не интеллектуальными, а исключительно политическими причинами. Действительно, последовательно осуществленная сплошная приватизация с сопровождающими ее коренными финансовыми реформами, такими как освобождение цен и конвертируемость рубля, означает на самом деле ликвидацию в стране системы аппаратно-командного управления и распоряжения всеми областями жизни общества - системы, в которой и заключается суть реального социализма. Говоря без обиняков, приватизация это и есть та подлинная - и единственная - революция, в результате которой будет дотла разрушен все еще господствующий в СССР партократический тоталитаризм. Дело в том, что в условиях приватизации партийно-государственный аппарат потеряет прерогативу властного принятия экономических решений, которая переместится на уровень частных предприятий и институтов свободного рынка, на котором они оперируют. "Государство-хозяин", таким образом, прикажет долго жить, а у самостоятельно действующих предприятий появится острая нужда в "государстве-слуге" - институте, политически обслуживающем их интересы, а вместе с ними и интересы общества в целом.

Сможет ли нынешнее советское государство, умеющее только командовать и распоряжаться, просто и безболезненно превратиться в такое "государство-слугу"? Конечно же, не сможет. Вот поэтому-то его вожди и прочие деятели вкупе с разноранговыми их порученцами вдруг стали изображать себя истыми народолюбцами, готовыми чуть ли не грудью защищать несчастных трудящихся от неумолимо надвигающейся на них безжалостной стихии свободного рынка. Всеми правдами и неправдами стремятся они

сохранить за собою монопольно-командную роль и протекающие из нее хозяйские права и привилегии. На некоторые уступки они, конечно, пойти готовы. Они, наверное, согласятся, например, допустить что-то вроде нового нэпа, т. е. приватизацию каких-то мелких и побочных производств и услуг, открытие частных лавок, мастерских, столовых и постоянных дворов, но согласятся ли они пойти на нечто более серьезное, на то, что станет равносильным их самоликвидации? Может, конечно, и согласятся, - чего только в этом полном неожиданностей мире не случается, - но, честно говоря, я очень в этом сомневаюсь.

Между тем, в нынешнем СССР вопрос стоит по-ленински остро: "кто - кого"? Опять тоталитарное государство возьмет верх или, уже на сей раз, победит гражданское общество. И если в сегодняшних напряженнейших условиях государство-хозяин не перестанет тупо упираться, не найдет в себе мужества уступить хозяйские полномочия обществу, то беды не миновать. Ибо попытки во что бы то ни стало сохранить нынешнюю паразитическую систему приведут и так уже дышащую на ладан советскую экономику к полному и окончательному развалу, ввергнут и так уже распадающуюся по кускам страну в пучину совершенно неуправляемого хаоса и беззакония и, наконец, создадут такое положение, при котором за отсутствием какого бы то ни было более приемлемого из него выхода "на повестку дня будет поставлен штык". А уж он, родимый, во имя восстановления порядка не пощадит никого. Начав с расправы над цепляющимся за власть партгосаппаратом (а начнет он именно с него, хотя, может быть, первоначально вступит в действие по призыву самого этого аппарата и ради его защиты), он затем обратится против всех болтунов и бунтарей, тех, "кто, подобно червям и моли, разъедают любой порядок".

Со временем, конечно же, пройдет и это наваждение. Штык способен на какое-то время навести казарменный порядок, но долго управлять страной с помощью штыка невозможно. В конце концов, гражданское общество суме-

ет себя утвердить, возобладать над "спутом-государством" и обустроиться в естественном для него порядке. Но стоит ли к этому столь очевидному и желанному результату идти такими окольными, трудными и, возможно, даже кровавыми путями, когда его можно добиться уже сегодня без особых затрат и мучений. В усилии сохранить свои властные привилегии клика номенклатурных бонз, конечно же, способна еще раз, - слава Богу, уже последний, - предать народ и страну "на позор и разорение". Хотелось бы, однако, чтобы этого не произошло. В основе этой статьи и лежит надежда на такую возможность, а также желание автора внести посильную лепту в благополучное разрешение нынешнего судьбоносного для страны кризиса.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Закон "О приватизации государственных предприятий"

1. Общие положения

1. Приватизации подлежат все без исключения государственные промышленные предприятия, совхозы и торговые учреждения, состоящие в подчинении РСФСР, субъектов российской федерации и местных советов РСФСР.

Объединения, фирмы и подобные им промежуточные управленческие структуры, включающие в свой состав более одного предприятия, ликвидируются.

2. Действующие на территории РСФСР промышленные и аграрные предприятия, торговые и финансовые учреждения союзного подчинения, согласно законодательству РСФСР, являются частными предприятиями, принадлежащими собственнику, находящемуся за пределами РСФСР.

3. Приватизации подлежат также все банки и другие

3. Приватизации подлежат также все банки и другие финансовые учреждения РСФСР, кроме Государственного банка РСФСР, полномочия и функции которого определяются специальным законом.

Государственный банк РСФСР является банкиром российского государства, осуществляя от его имени и по его поручению прием доходов в бюджет, распределение и расходование бюджетных средств в соответствии с законами и постановлениями правительства РСФСР.

Государственный банк РСФСР и его отделения осуществляют также финансовое обслуживание государственных учреждений РСФСР, которые хранят на его счетах свои средства и производят через них финансовые операции. Государственный банк РСФСР не имеет права быть банкиром или иначе представлять интересы частных физических и юридических лиц.

4. В результате приватизации государство утрачивает права владения, пользования и распоряжения хозяйственными объектами, а государственные органы - права управления ими и планирования их продукции. Государственные заказы утрачивают директивный характер и распределяются по конкурсу на коммерческих договорных началах.

5. Приватизация земельного и жилищного фондов, а также приватизация фондов социально-культурного назначения регулируются иными законодательными актами.

6. Особенности приобретения государственных предприятий иностранными гражданами и юридическими лицами регулируются законодательством об иностранных инвестициях.

7. Отношения, возникающие в процессе приватизации, но не предусмотренные настоящим Законом, регулируются издаваемыми в соответствии с ним законодательными актами РСФСР и обладающих законодательными полномочиями членов российской федерации.

II. Порядок проведения приватизации

8. Приватизации предприятия предшествуют инвентаризация и оценка его фондов, осуществляемые комиссией экспертов, одна половина членов которой назначается государством, а другая - предприятием. Председатель комиссии и его заместитель назначаются либо согласованным решением государства и предприятия, либо решением большинства членов комиссии.

Решение о принятии или отказе принять на баланс предприятия фонды, находящиеся на момент инвентаризации в его владении, является исключительной прерогативой предприятия. Непринятые на баланс предприятия фонды государство либо передает в открытую продажу (на комиссионных началах или на аукцион), либо уничтожает.

Процесс инвентаризации и оценки фондов предприятия завершается в трехмесячный срок актом комиссии экспертов, определяющим новую балансовую стоимость предприятия.

Споры по поводу определения балансовой стоимости предприятия решаются в арбитражном порядке.

9. Полномочным представителем государства по вопросам приватизации являются его финансовые органы.

10. После определения балансовой стоимости предприятия государство выпускает на сумму этой стоимости пакет акций, олицетворяющий право собственности на данное предприятие. Стоимость одной акции в этом пакете не может превышать пятнадцати (15-ти) рублей.

11. Пакет акций предприятия государство передает предприятию, которое как самостоятельное юридическое лицо с момента передачи ему этого пакета становится полноправным собственником всех своих основных и оборотных фондов, денежных средств, производимой продукции и одновременно - должником государства на сумму своей балансовой стоимости, выраженной в цене переданного ему пакета акций.

Сроки и условия выплаты предприятием его долга государству определяются заключаемым между ними договором. Как правило, предприятие должно полностью погасить свой долг государству в течение трех лет со дня заключения договора. Если рыночная цена акций предприятия окажется значительно ниже их номинальной цены, сумма долга предприятия в момент его окончательного погашения может быть либо соответственно скорректирована, либо срок погашения долга предприятия государству может быть продлен. Неспособность предприятия выплатить его долг государству в установленный договором срок не может служить поводом для ликвидации предприятия или его объявления банкротом.

12. Передача государством пакета акций предприятиям производится на всей территории РСФСР одновременно и не позже, чем в течение шестимесячного срока с момента вступления в силу настоящего закона.

13. В целях сбыта своих акций предприятия нанимают профессиональных посредников (брокеров и брокерские конторы), организуя совместно с ними фондовые биржи, на которых осуществляется свободная покупка и продажа акций и других ценных бумаг.

14. Перед выпуском акций в свободную продажу, предприятие предлагает их для покупки своим работникам. Предприятия также имеет право пользоваться акциями для премиальных и наградных выплат своим работникам, однако оно не вправе даже частично выплачивать ими заработную плату.

15. С момента передачи пакетов акций предприятиям последние самостоятельно устанавливают цены на выпускаемую и продаваемую ими продукцию, а также - на основе заново заключенных коллективных договоров - нормы оплаты труда своих работников. С этого же момента государство лишается права в какой бы то ни было форме вмешиваться в процессы свободного ценообразования и определения платы за труд и услуги.

16. Информация о новой балансовой стоимости пред-

приятия и о цене и возможностях приобретения его акций публикуется в специальных приватизационных бюллетенях.

III. Порядок приобретения выпущенных в свободную продажу акций российских предприятий

17. На протяжении первых шести месяцев с момента поступления акций предприятий на свободный рынок право их приобретения предоставляется только и исключительно гражданам РСФСР. По истечении этого срока право приобретения акций российских предприятий предоставляется всем без исключения физическим и юридическим лицам.

18. Наряду и одновременно с передачей пакетов акций предприятиям государство выдает именные инвестиционные чеки, предназначенные для последующего обмена на акции тем достигшим совершеннолетия гражданам РСФСР, в семьях которых доход на одного члена семьи не превышает 180 рублей. Стоимость всех именных инвестиционных чеков одинакова и каждому получателю выдается по одному такому чеку.

Общая сумма стоимости всех выпущенных именных инвестиционных чеков определяется на основании расчета разницы между суммарной балансовой стоимостью всех приватизируемых предприятий и общей суммой денежных сбережений граждан РСФСР. Общая сумма стоимости всех именных инвестиционных чеков не должна превышать 40 процентов этой разницы.

19. Обмен именных инвестиционных чеков на акции должен быть осуществлен их владельцами в течение первых шести месяцев с начала функционирования свободного рынка акций. Для осуществления обмена своих чеков на акции их владельцы могут пользоваться услугами профессиональных посредников (брокеров и брокерских контор).

Продажа или дарение именных инвестиционных чеков

запрещается. Владелец чека может свободно продавать и дарить не сам чек, а приобретенные на него акции.

IV. Приобретение государственных предприятий и других объектов государственной собственности по конкурсу и на аукционах

20. Предприятия, в которых занято не более двадцати работников и основные фонды которых не превышают 50-ти тысяч рублей (магазины, предприятия бытового обслуживания, мастерские и другие предприятия подобного им масштаба), приватизируются в порядке проведения конкурса и затем, как правило, продаются на аукционах.

21. Для проведения конкурса государство образует местные конкурсные комиссии, состоящие из независимых экспертов. Каждой комиссии поручается приватизировать определенное число приватизируемых по конкурсу предприятий. Комиссии публично объявляют о конкурсе на приватизацию этих предприятий, указывая в объявлении сроки и условия его проведения по каждому предприятию в отдельности, а также новую балансовую стоимость каждого приватизируемого ими предприятия.

Вознаграждение членов комиссии оплачивается государством-продавцом по договору, определяющему процент от вырученной комиссией за продажу предприятия суммы, который будет выплачен комиссии за оказанные ею услуги.

22. Лица, желающие приобрести приватизируемые по конкурсу предприятия, должны не позже 45-ти дней со дня публичного объявления конкурса прислать в конкурсную комиссию анонимные заявки, предлагая в них купить предприятие за сумму, либо превышающую балансовую стоимость предприятия, либо, по крайней мере, равную этой стоимости.

Коллектив или часть коллектива предприятия подает заявку на его покупку в общем порядке, т. е. анонимно.

Если заявок на конкурс в назначенный срок не поступило, он объявляется повторно. Участие в повторном конкурсе не ограничено размером предлагаемой за предприятие суммы.

23. После выявления результатов конкурса и его реальных участников комиссия проводит открытый аукцион, в котором соревнуются пять участников конкурса, предложивших за приобретение предприятия наиболее крупные суммы. Исходной суммой аукциона назначается наиболее крупное из поступивших на конкурс предложений. Коллектив или часть коллектива предприятия допускается к участию в аукционе независимо от того, прошла ли его заявка по конкурсу.

Комиссия может признать проведение аукциона нецелесообразным и продать предприятие победителю конкурса непосредственно в случаях, когда в конкурсе участвовало менее пяти претендентов или когда конкурс был выигран коллективом предприятия или его частью.

24. Государство может отказаться от продажи предприятия по конкурсу или на аукционе, если предложенная за него максимальная сумма меньше его балансовой стоимости. В этом случае оно поручает конкурсной комиссии найти оптимальный план отчуждения предприятия (переоценка балансовой стоимости, переоборудование, продажа по частям и т. д.), представить его на утверждение полномочному органу государства и после получения такового вновь поставить предприятие или состав его имущества на конкурс или непосредственно на аукцион.

25. Для приобретения предприятия по конкурсу или на аукционе могут быть использованы именные инвестиционные чеки. Государство может продавать предприятия гражданам также в кредит, который не должен превышать 50-ти процентов подлежащей выплате суммы. Общая сумма кредита (государственного и коммерческого) на покупку гражданами предприятий не должна превышать 85-ти процентов подлежащей выплате суммы.

26. На аукционах по продаже предприятий государство также продает оборудование и другие фонды, не принятые на баланс приватизируемых предприятий. Право их приобретения имеют все без исключения физические и юридические лица.

27. Покупатель, приобретший предприятие по конкурсу или на аукционе, заключает с государством договор о передаче ему права собственности на данное предприятие. В договоре фиксируются: состав имущества предприятия, его цена (по-объектно и в целом), срок вступления покупателя во владение купленным предприятием и его передачи покупателю в полную собственность.

Беспокойство души*

Князь Владимир Андреевич Оболенский (р. в 1869 г.***) прожил долгую и очень насыщенную жизнь. И дело не только в том, что на отпущенный ему отрезок времени пришлось исторические, а для России providенциальные, события. Читая его мемуары, начинаешь особенно остро сознавать, что насыщенной свою жизнь делает сам человек. Пытливость ума, беспокойство души, какое-то природное понимание значимости пребывания любого человека, а, следовательно, и собственного на этой земле – вот что отличает автора.

Даже просто перечислить биографические факты из этого 750-страничного тома кратко невозможно. Попробуем отметить хотя бы главные вехи. В. А. Оболенский родился в Петербурге. Закончил гимназию. Затем естественный факультет Петербургского университета. На старших курсах университета вошел в среду радикальной столичной интеллигенции. Особенно близко познакомился, а позже и вошел в семью известного общественного деятеля В. К. Винберга, обрусевшего балтийского немца. После университета поступил на службу в министерство земледелия, откуда очень быстро ушел, ибо государственная служба тяготила его атмосферой карьеризма и всеобщего безделья. Последнее десятилетие прошлого века отмечено большим общественным оживлением. В. А. входит в самую сердцевину общественно-политических споров между марксистами и народниками. Знакомится с А. Н. Потресовым, П. Б. Струве. Благодаря этому знакомству попадает в начале 90-х годов в самый центр возникавшего тогда марксистского движения. Был приглашен в редколлегия легального марксистского журна-

* В. А. Оболенский. *Моя жизнь. Мои Современники*. Серия: *Всероссийская мемуарная библиотека*. YMCA-PRESS. Paris 1988.

** Почему-то в книге нет хотя бы короткой справки от публикатора о В. А. Оболенском. Рецензенту не удалось найти данных о нем после 1937 года, которым датировано авторское "Предисловие" к этим воспоминаниям.

ла "Начало"... И так и пошло. Думская деятельность. Кадетская партия. Первая Мировая. Октябрьская революция. Эмиграция.

Несмотря на всё значение для историка приводимых Оболенским фактологии и характеристик современников, особое значение эти мемуары имеют сегодня для тех, кто будет строить новую Россию.

Почти два десятка лет жизни посвятил В. А. работе на поприще земства. Его – как практика – подробные сведения, сравнительные характеристики, выступления в печати – всё это дает широкую и достаточно объективную картину земской деятельности, развернувшейся в последней четверти прошлого века в России. Он принимал участие в земской работе и в центральной России, и в Крыму. Земская работа – это каждодневный, кропотливый, внешне далеко не героический труд тысяч и тысяч людей по всей стране. Труд по распространению самых простых, но столь жизненно-необходимых знаний: экономических, земельных, правовых, культурных, медицинских в крестьянском населении, да и вообще в провинции, подготовка учителей, которые в свою очередь готовили грамотную смену старому поколению тружеников, ведение статистического дела...

Развертывание политических событий не могло обойти и земство. Отсюда к распространению практических знаний присоединяется и политическое просветительство, которое, конечно, будет иметь и свою отрицательную сторону. Но одно нельзя было оторвать от другого.

Это – не просто воспоминания человека о своей интересной и трудной жизни, это – еще и настоящий труд, кладезь для стремящегося не только почерпнуть факты, но и окунуться, войти в ту, прежнюю жизнь с ее радостями и горем, победами и трагедиями, достижениями и ошибками. Но главное – с извлечением уроком, с вдумчивым анализом, ибо труд этот написан человеком вдумчивым и умным.

Все-таки рукописи не горят*

Дневник И. И. Шитца (1874–1942) – редкий памятник времени. Очень небольшому его отрезку, но зато какому:

* И. И. Шитц. Дневник "великого перелома" (март 1928 – август 1931). YMCA-PRESS. Paris 1991.

1928–1931! Казалось бы, кому было тогда до ведения таких дневников? Оказывается было. Уже появились в печати отрывки (всё еще отрывки) из дневника М. Пришвина. Теперь вот дневники Шитца. Несомненно, всплывут и другие.

Еще недавно думалось, что лишь по "Поднятой целине" или "Как закалялась сталь" и будут судить об этом времени. Сколько бы мне ни внушали, что, скажем, эту самую "Поднятую целину" можно прочитать "с точностью до наоборот", что на самом деле это острейший памфлет на коллективизацию – не звучит убедительно. Либо литературный текст живет своей собственной жизнью, независимо от "тайных замыслов" автора, либо с литературой что-то не так, если она зависит от интерпретаций. Хорошо отметил Юрий Карабчиевский по поводу словесного садизма Маяковского – "Здесь работает закон обратного действия слова". Что у писателя и поэта есть? Только слово.

Подчас при чтении дневника Шитца забываешь, о каком времени идет речь: о шестидесятилетней давности или сегодняшнем дне:

"И в довершение всего – "крушение репутаций". Пять лет назад справлял Горький тридцатипятилетие, что ли, своей писательской деятельности, – и торжество прошло так себе: поговорили, и только. Теперь ему 60 лет, и вдруг, позабыв его недавние пререкания с большевиками, решили растрезвонить во все колокола. Портреты, заседания, приветствия. Сам герой дня, которому далеко, конечно, не только до Толстого или Тургенева, но даже до Чехова, возмнил себя "властителем дум", раздает аттестации направо и налево, весьма одобряет все стороны нашей жизни, собирается в мае приехать в СССР и т. д." (апрель 1928 г.).

"Газеты сообщают, что "мы" на парижской выставке гастрономии получили 20 премий и оказались *hors concours* по рыбе, икре, яйцам, маслу и т. д. Прямо диву даешься: хоть бы кто-нибудь поинтересовался, чем нас кормят, в стране, казалось бы, широчайших сел.-хоз. возможностей" (январь 1929 г.).

"Экономика наша всё режется. Сегодня постановление ВЦИК'а о том, чтобы во что бы то ни стало до конца бюджетного года привлечено было в сберегательные кассы 200 млн. рублей, для чего назначается *месячная* "агиткампания". Принудительное сбережение – после того как самый принцип накопления (принцип, конечно, "буржуазный") всячески высучивался и изничтожался" (февраль 1929 г.).

"Как бы то ни было, наблюдается следующее: служащим не платят жалования; не оплачен сентябрь, не платят за

октябрь, ассигновки, выписанные учреждениями для оплаты "зарплаты служащих", банком просто не выполняются. Говорят о *секретном циркуляре* оплатить к 24–25 окт. зарплату за сентябрь; тогда в ноябре будут платить за октябрь, и в общем *месячная оплата* останется у казны в кармане. В банке по чекам выдают лишь *часть* денег, напр., 500 р. и не больше. Приходится ходить кряду неск. дней, чтобы *исчерпать чек*" (октябрь 1930).

А вокруг "кипит" жизнь.

Коллективизация. "В деревне стоит стон. Вместо единоличных хозяйств, обрадовавших было мужичков, вместо хуторов и отрубов, коллективизация, причем ее проводят без достаточного числа машин. Принуждаемые к ней крестьяне режут скот и птицу и входят в обобществленное хозяйство, сравнившись в нищете" (декабрь 1929 г.). "Высылки идут массами... Много высылают крестьян; родня последних, по обыкновению располагающихся в тюремных коридорах в ожидании передач, узнав о высылке, принимается выть, как по покойнике" (декабрь 1930).

И чуть не каждая третья запись начинается словами: "А аресты идут и идут", а то и просто состоит из одной фразы: "Аресты, аресты без конца". Шахтинский процесс, процесс Рамзина, процессы, процессы... Высылка Троцкого.

"Колхозы, в общем, провалились". "Жизнь тусклая, серая, без подъёмов, хоть газеты и кричат всё время об энтузиазме, бурном движении, буйном цветении, штурмовании, разовом преодолении всяких прорывов и т. д., и т. д."

По сведениям публикатора дневников Владимира Береловича, сам Иван Иванович Шитц – обрусевший немец, историк по образованию, знаток античной истории и русской церковной архитектуры, до революции преподаватель одной из московских гимназий и других учебных заведений, по взглядам – либерал, сочувствовал кадетам. После революции взглядов своих не изменил. Выжил, другого слова не сыщешь, Шитц скорее всего благодаря тому, что "зарылся" в архивную работу, готовил статьи для Энциклопедии братьев Гранат, для которой написал большую часть статей по вопросам античной истории. Но еще умудрялся вести переписку со старым другом, известным французским славистом проф. Андре Мазоном, которому он и переправил свой дневник. В середине 30-х годов переписка оборвалась... Как это все же хорошо, что рукописи не горят!

Последний генсек?*

Начало написания этой рецензии на книгу М. Геллера о Горбачеве пришлось на 18 августа этого года...

Нет нужды представлять автора этой книги – последние десять–пятнадцать лет М. Геллер является одним из немногих настоящих, без всяких скидок, историков–кремленологов. Его книги и статьи в печати отличает не только глубокое знание фактов, четкий аналитический подход, но, что для современного, особенно западного, историка, кичащегося своей так называемой "disinteresness" (словечко, введенное в научный обиход Уолтером Липпманном, означающее скорее не "беспристрастность", а "невовлеченность"), довольно редкое качество – сдержанная эмоциональность. Для него Россия – не часть мировой карты, а нечто большее.

Не изменил себе М. Геллер и на этот раз. Более того, книга вышла как нельзя более своевременно, хотя и до нее уже вышло несколько книг о Горбачеве. Нам представляется, что немалую роль в написании самой книги сыграли еженедельные статьи М. Геллера в газете "Русская мысль", в которых он с тщательнейшей скрупулезностью анализировал главные события в СССР в течение последних 4–5 лет – почти все эти события так или иначе были связаны с личностью, поступками, выступлениями сначала седьмого секретаря, а потом в его же лице и Президента страны.

М. Геллер проводит читателя по всем жизненным перепетиям своего героя – от детства до высшего кресла в партии и в стране. За последние годы во многих публикациях и высказываниях в связи с фигурой Горбачева появлялся библейский мотив притчи о Савле и Павле, возможно ли такое превращение в нашей безумной жизни? Так хотелось многим искренне верить, что да, возможно, но чем дальше, тем больше мотив этот становился слабее и тише. Видимо, что-то еще, кроме добрых намерений, должно быть в Савле для свершения чуда превращения в Павла. Надо суметь, по выражению В. Максимова, "встать за черту", а для политика это еще означает своевременность и бесповоротность. Правильно, по нашему мнению, М. Геллер заканчивает свою книгу о Горбачеве:

* М. Геллер. Седьмой секретарь. Блеск и нищета Михаила Горбачева. OPI. London 1991.

"На вопрос: почему Горбачев затеял перестройку? есть только один ответ: чтобы оттянуть как можно дальше гибель советской системы" Не маловато ли для чуда?...

А на следующий день, то есть 19 августа, произошла попытка "коммунистов-фундаменталистов" (выражение приписывают самому Горбачеву) во главе с Крючковым (КГБ), Язовым (СА) и Пуго (МВД) переворота в стране. Сам Горбачев оказался под арестом где-то в Крыму. Страна насторожилась, как бы выжидая, как бы прислушиваясь, бьется ли ее сердце в Москве. В этой настороженности была спокойная готовность сопротивляться. Сердце не подвело. Мотором же стал Президент Российской Федерации Борис Ельцин и те десятки тысяч людей, заслонивших собою российский "Белый дом", в провинции – те, кто устраивал предупредительные мирные забастовки, организовывал в предвидении победы путчистов отряды гражданского сопротивления. "Странный" переворот еще более странно закончился – через 60 часов, что для подготовленного переворота многовато... Горбачев вернулся в Москву. Казалось бы, еще был шанс, может быть последний, встать за черту. Но что же выговаривает посеревший за три дня всё еще седьмой генсек: "Я – не флюгер и не собираюсь менять своих социалистических убеждений". В нищей и голодной стране пора бы этими убеждениями давно поступиться.

Заканчиваем мы эту рецензию 25 августа: накануне Горбачев-Генсек отказался от партийного поста, но из партии не вышел.

Еще один вопрос, неизбежно вытекающий из книги Михаила Геллера: почему Горбачев всё делает с запозданием, будто в нем действует некий механизм замедления? Время для политика чаще всего решает всё.

Но как бы там ни было с Горбачевым, означает ли всё только что происшедшее окончательную гибель советской системы? – вот в чем теперь вопрос для судьбы страны и в связи с другим "кандидатом" в Павлы – Б. Ельциным.

Коротко об авторах

Евгений Б е р л и н, инженер, поэт. Живет на Украине.

Елена Г е с с е н, литературовед и критик. Много печатается в изданиях как русского Зарубежья, так и в западных научных журналах. Живет в США.

Александр К о л п а к о в, кузбасский теле- и радиожурналист. Живет в Новокузнецке.

Владимир М а т с о в, кинокритик, сценарист, драматург и прозаик. Живет в Москве.

Михаил Н а з а р о в, журналист, публицист и историк. Многолетний член редколлегии журнала "Посев". Живет в Германии.

Петр П а л а м а р ч у к, московский писатель. Канд. юридических наук. Автор художественного исследования "Ключ" к Гоголю" (1985), подготовил к изданию сборник "Гоголь: история и современность" (1985), книгу прозы Г. Державина и К. Батюшкова (1984 и 1987). В 1986 вышла первая книга художественных произведений "Един Державин", а в 1989 роман "Ивановская горка". Для московских издателей: настоятельно рекомендуем включить в библиографию работ П. Паламарчука его огромный труд "Сорок сороков", вышедший в 3 томах в изд-ве IMCA-PRESS в Париже (1988, 1989, 1990).

Виталий П у х а н о в, молодой московский поэт. Первый лауреат учрежденной недавно поэтической премии им. Осипа Мандельштама.

Роман Р е д л и х, философ, политолог, публицист и писатель. Многолетний член редколлегии журнала "Посев". Автор известных книг, вышедших в изд-ве "Посев": "Сталинизм как духовный феномен", "Советское общество" и роман "Предатель".

Юрий Ф е л ь ш т и н с к и й, историк. Автор множества оригинальных статей, опубликованных в изданиях русского Зарубежья. Публикатор целого ряда архивных материалов по новейшей российской истории, особенно истории последней революции и большевизма. Постоянный автор и сотрудник журнала "Грани". Живет в США.

Александр Ш т р о м а с, известный экономист и политолог, специалист по советской системе. Автор целого ряда книг и аналитических статей в западных научных журналах, а также в изданиях русского Зарубежья. Живет в Англии.

Адрес редакции журнала "Грани":
Grani c/o Possev-Verlag, Flurscheideweg 15,
D-6230 Frankfurt a. M. 80
Тел. (069) 34 46 71

Непринятые рукописи не возвращаются.

Possev-Verlag, V. Gorachek KG, Frankfurt am Main

ЖУРНАЛ "ПОСЕВ"

"Посев" - общественно-политический журнал, выходит за рубежом с 1946 года.

"Посев" участвует во внутрироссийской политической борьбе за право, свободу и справедливость. Эта задача определяет направленность журнала, который:

поддерживает российское освободительное движение во всех его проявлениях;

стоит на позициях национально-государственных интересов России;

участвует в обсуждении современных и будущих проблем российского государства (политических, экономических, социальных, идеологических, духовных);

стремится к выявлению в России конструктивных сил, осознающих необходимость оздоровительных перемен во всех областях жизни страны и готовых к активному участию в их проведении.

С 1976 года журнал "Посев" выходил также в виде ежеквартального издания, предназначенного специально для переправки в страну и распространения среди советских граждан за рубежом. С 1990 года сливаются два издания - ежемесячный "Посев" и его квартальное издание. "Посев" в новой форме выходит каждый второй месяц на 128 стр.

Г Р А Н И

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА, НАУКИ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Журнал выходит 4 раза в год.
320 страниц в номере.

Цена отдельного номера: 17,50 н.м.
Годовая подписка:

в издательстве:	60 н.м.
через магазины:	70 н.м.
в СССР:	30 руб.
организации	35 руб.

Московский адрес для подписок:
129010 Москва
Абонентный ящик 72
В. Батшев
тел.: 465-05-05

Расходы по пересылке за счет подписчика

ПОСЕВ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

(6 выпусков в год)

В розничной продаже:	10 н.м.
Годовая подписка:	50 н.м.
В Москве:	3 руб.

Подписную плату следует посылать:
почтовым переводом или чеком (в письме) по адресу

POSSEV-VERLAG
D-6230 Frankfurt/ain 80, Flurscheideweg 15